

ANNUIT CEPTIS

ЕГОР МЕДВЕДЕВ

16+

Егор Медведев

Annuit Coeptis

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63440711

SelfPub; 2020

Аннотация

Влад, второкурсник Политехнического университета, знакомится с Артёмом, молодым тренером кружка исторического фехтования. Артём собирается отомстить за деда и планирует убийство. Ему удаётся привлечь к этому и Влада. Вот только всё ли было так, как хочет показать Артём?

Егор Медведев

Annuit Coeptis

ANNUIT COEPTIS

Артему А., настоящему Воеводе, посвящается...

Я маску сорвал у жизни с лица
В надежде закончить игру...
Но бились в груди чужие сердца —
Горела свеча на ветру...
«Черные птицы» В. Белов

Прошло беззаботное летнее время. Впереди – девять бесконечно-долгих учебных месяцев. Все одноклассники Влада распрощались с летними делами и целиком погрузились в учебу. Штудировали учебники, выискали ответы на каверзные вопросы, заносили их в специально заведенную для этого тетрадку и берегли ее до экзаменов пуше зеницы ока. Влад же так и не смирился, не хотел отпускать лето. Ведь он еще столько не успел! Собирались с друзьями прыгнуть с парашютом, да как-то не сложилось, собирались в горы, да не нашлось времени, ходили, правда, под парусом в заливе, так и то, только раз.

Теперь его друзья все больше проводили время в клубе, где можно от души надраться пива, потусить с девушками, или тупо поржать друг над другом. Скоро и Влад втянулся в такую жизнь. А что? Он молод, крепок, девчата на него так и вешаются, и, кажется, сама фортуна или судьба, к нему благосклонна. Тому выпадало множество подтверждений. На память Влад тоже не жаловался – он мог совершенно не конспектировать лекции преподавов, и на следующих парах все подробно пересказать. Учителей это, почему-то, страшно бесило, а у однокурсников вызывало зависть и вполне понятное раздражение. В то время, пока они зубрили механику грунтов, он ходил по вечеринкам и отвязно веселился. И совершенно не грел голову предстоящими экзаменами. Наверное, Влад смог бы стать блестящим учеником, если бы не его «патологическая» лень и «эпатажные» выходки, как выражалась Антонина Павловна, а говоря проще – пофигизм и хулиганство. Многие преподаватели считали его пропащим человеком. Бессмысленным прожигателем жизни, разгильдяем и даже вором. Чувствовать такое отношение к себе было бы, наверное, очень обидным, если бы у Влада уже давно не выработался иммунитет к чужому мнению. Не сказать, чтобы он был совсем уж потерянным учеником – по некоторым дисциплинам имел твердые четверки, и даже пятерки, но это лишь по тем предметам, которые ему нравились. К которым лежала душа. Там же, где было необходимо проявить волю, силу характера, заставить себя дис-

циplinированно и методично вникать в сложные и нудные процессы, там все было конкретно плохо.

Несколько раз его хотели исключить из университета еще на первом курсе и один раз на текущем, втором. Слава Богу, вмешались родители, у которых были какие-то завязки с руководством. Влада оставили. Терпели его выходки, скрипели сквозь зубы, но все равно держали. А Влад серьезно не понимал, как можно учиться в такое время, когда всё вокруг кипит жизнью? Для чего тратить драгоценное время на всю эту лабуду? Молодость проходит, а вместе с ней и самое лучшее время. Ну скажите, для чего ему в будущей жизни пригодится этот «увлекательный» мат анализ? А этот сопромат? Работать по специальности Влад не собирался – сюда его засунули родители. И то, только потому, что у них здесь были плотные связи. И еще потому, что сами всю жизнь посвятили данной профессии и хотели, чтобы сын продолжил их славное дело. А сын этого совершенно не хотел! По правде сказать, он и сам плохо представлял свое будущее, кем хочет стать, в конце концов. Но уж точно не инженером и, тем более, не строителем! Да и что сейчас заморачиваться об этом? Жизнь сама все расставит на свои места.

Как раз первую пару сегодня должен вести Антибиотик, самый яркий недруг Влада, с чьей легкой подачи за ним и закрепилась дурная слава. На самом деле его звали Виктор Эдуардович, но за любимую манеру всех «лечить», вернее, по его мнению, пытаться вправить мозг отбившемуся от рук

молодому поколению, студенты выбрали ему точное прозвище – Антибиотик. Так вот, с этим Антибиотиком у Влада и вышла прескверная история.

Это случилось еще на первом курсе. В тот день Виктор Эдуардович слегка опоздал на пару, или правильнее будет сказать – задержался. Едва он переступил порог, вспомнил, что забыл в каморке наглядный материал – он всегда серьезно готовился к лекциям – и попросил Влада принести их.

– Влад, будь так добр, сходи, пожалуйста, за ними. Они на столе, сразу увидишь. Вот ключи, на случай, если там закрыто.

Влад нехотя взял ключ и побрел за чертежами. По пути он решил воспользоваться предоставленной возможностью и зашел в туалет, чтобы заодно и покурить. После чего уже сходил в лаборантскую за чертежами. Учитель недовольно посмотрел на него – где так долго носило! – но ничего не сказал. Зато после уроков и произошел тот самый скандал. Влада вызвали в кабинет к заведующей учебной частью. Там уже сидел Антибиотик с группой учителей.

– Вот, полюбуйтесь, Антонина Павловна! Молодой, да ранний! Герой дня!

Антонина Павловна окинула властным, и в то же время печальным, взглядом вошедшего Влада, «молодого да раннего». Сняла очки и провела по лицу рукой, словно смывая с него груз усталости.

– У тебя ведь такие замечательные родители, Влад, – при-

ступила она. – Ты учишься на престижную профессию в одном из старейших университетов города. Что же тебе еще не хватает?

Влад непонимающе уставился на нее, перевел взгляд на коллегую. Те смотрели на него глазами полными холодного презрения. Надо же, среди них были и учителя, которые Владу были симпатичны... раньше. Что же он такого сделал?

– В смысле? – спросил Влад. – К чему вы клоните?

– Надо же, он еще и не понимает! – всплеснул руками Антибиотик. – То есть лазить по чужим карманам и воровать оттуда деньги, для тебя это уже ничего особенного? В порядке вещей?

– По каким карманам? – продолжал недоумевать Влад. – Я ничего ни у кого не воровал.

– То есть, ты хочешь сказать, что это не ты сегодня залез ко мне в карман и вытащил оттуда пять тысяч рублей?

– Когда бы я ус... – начал было Влад и осекся. Сегодня он ходил в лаборантскую, открывал ее и забирал оттуда чертежи. Он еще успел заметить, как на вешалке висела синяя куртка Антибиотика, в которой он всегда ходил. Ее правый карман был немного оттопырен...

– А деньги где были? – начиная что-то понимать спросил он. – Не в правом ли кармане?

– В правом! – воскликнул Антибиотик. – Именно в правом! Откуда бы ты знал, если бы не залез в него?

А в голове Влада бешено вертелись мысли. «Что это? Под-

става? Зачем? Или же и вправду у него их кто-то украл. А может быть и сам посеял где-то!»

– Вы хорошо посмотрели? – спросил Влад. – Может быть они завалились куда-нибудь за подкладку?

– Хорошо посмотрели! – передразнил его учитель. – Только, наверное, не так хорошо как ты!

– Не брал я ваши деньги! – выпалил Влад. – Если понадобится, мне отец даст сколько надо!

– Подождите! – остановила перебранку Антонина Павловна. – Давайте еще раз, по порядку. Виктор Эдуардович утверждает, что когда он переодевался, то деньги еще находились у него в кармане.

– Совершенно верно! – подтвердил Антибиотик. – В правом кармане! Не думал, что теперь даже в своем кабинете деньги нужно под замок прятать!

– Подождите! – снова перебила его Антонина. – Вы сказали, что пропажу заметили сразу?

– Да. Сразу после звонка я пошел в лаборантскую, чтобы вернуть чертежи на место и заметил, что куртка висит не так, как вешал ее я. Да еще и карман был странно оттопырен. Я не хотел думать ничего плохого, но все же проверил. Денег там не оказалось. В кабинет, кроме Влада больше никто не заходил. Я спрашивал коллег. – Антибиотик кивнул в сторону сидевших. Те дружно закивали головой и подтвердили, что в кабинет из них никто не возвращался – у всех шли пары.

Теперь Антонина Павловна повернула голову к Владу и пристально посмотрела на него. А внутри у Влада все кричало от возмущения. Но он твердо и спокойно сказал:

– Не брал я его денег. – Влад смотрел на Антонину и видел перед собой не ее, а Зою Ильиничну, школьного классного руководителя. Он вспомнил как она, думая, что Влад ее не слышит, говорила родителям друзей, чтобы они запретили играть с ним. Видите ли, он оказывает на них дурное влияние! У них падает успеваемость и, вообще, от него можно нахвататься только дурного! Влад закрыл глаза, чтобы вытеснить эту картинку из головы и услышал:

– Может быть ты не хотел, а так получилось? – предположила Антонина.

Тут Влад взорвался.

– Что вы со мной говорите, как с маленьким! Не брал я ваших денег!

На последних словах голос его все же дрогнул. Влад резко повернулся и направился к выходу.

– Подожди, – донесся до него визгливый голос завуча. – Мы тебя еще не отпускали!

Но дверь он за собой уже закрыл. Уходя, он еще слышал жалобы Антибиотика: «Нет, не то, чтобы мне так было жалко этих денег – не такая уж и большая сумма! Но сам факт! В своем же кабинете...».

Что там дальше было с этой историей, Влад не знал. То ли нашел Антибиотик свои деньги, то ли нет. То ли их вообще

не было. Как бы то ни было, с этим вопросом Влада больше не трогали, а он и не спрашивал.

– Не пойду к нему сегодня на пару, – подумал Влад. – Лучше посплю, пользы больше будет.

Только поспать ему не дали.

– Ты почему еще в постели? – удивилась мать.

– Нам сегодня ко второй паре, – попытался слукавить он, но тут в разговор влез Славка, младший брат.

– Все он врет! Сам вчера говорил, что ему с утра на занятия. Просто у него Антибиотик урок ведет, вот он и не хочет идти!

Владу захотелось треснуть братишку по голове – вечно он влезает, маменькин любимец!

– Быстро одевайся! – приказным тоном сказала мать. – Заодно поможешь Славке самолет дотащить до школы.

Влад нехотя поднялся и побрел к ванной чистить зубы, по пути дав братишке легкую затрещину.

– Мама, что он! – сразу закричал тот. – Скажи ему!

Славка учился в пятом классе 108 школы. В той же самой, в которой в свое время учился и Влад. Только в отличие от него, учиться Славке нравилось. Может быть, немалую роль в этом сыграл и Регин. Он работал в школе трудовиком и заодно вел кружок авиамоделирования. Там они вместе с детьми строили модели самолетов, от планеров до современных истребителей, от самых простых до удивительно сложных. Те, что просто стояли и те, что могли летать. Их

работы неоднократно занимали первые места на всех городских выставках. А вокруг Регина всегда крутилась куча ребяташек, тех, кого он заразил любовью к небу. С нетерпением они дожидались конца уроков, чтобы с учителем отправиться на школьное поле, где испытывали новые модели, давали полетать старым, а иногда просто пускали воздушных змеев. Славка был без ума от всего этого.

Вот и сегодня Влад со Славкой тащили здоровенную модель бомбардировщика С-22, в простонародье за громадные размеры и мощь прозванного «Ильей Муромцем». Учитель должен был взглянуть на него и подсказать, что можно исправить, чтобы он взлетел. Целых два месяца брат с друзьями клеили его, но в воздух поднять так и не сумели. Влад же скептически относился к этой затее.

– Он слишком большой. Не полетит. – Пытался вразумить он младшего, но тот не слушал.

– У Алексан Александрыча обязательно полетит! – уверенно заявил он. – Вот увидишь!

Влад помог брату аккуратно затащить самолет в мастерскую трудовика, вышел на улицу и огляделся. Надо было погулять где-то полтора часа, так, чтобы не «светиться». Он же решил, что не пойдет сегодня к Антибиотику на пары? Значит не пойдет! Выходя за территорию школы, он наткнулся на Артема. Тот тоже учился в Политехническом, только на курс старше. Влад просто хотел пройти мимо, но почему-то остановился и произнес: «Привет!». Что заставило его

это сделать, непонятно. До этого с Артемом они совершенно не общались, и даже не здоровались, проходя одним коридором. Станным он был каким-то. Себе на уме.

– Привет! – ответил Артем и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, располагающая. – Брата провожал?

– Ага! Модель у него слишком большая – не донес бы, – ответил Влад и тут же одернулся. С чего это он вдруг перед ним оправдывается? Влад насупился и попытался взять разговор в свои руки – А сам – то ты что здесь делаешь? Пары-то уже начались!

Но Артем не ответил. Он всматривался в окна школы, будто кого-то искал. Не дождавшись ответа, Влад двинулся дальше.

Небо было малооблачным, чистым. Его ненавязчивая безмятежность невольно передавалась и Георгию, наполняя душу гармонией, умиротворением и такой же чистотой. Здесь, наверху, был другой мир, в котором царила первозданная легкость и тишина. Ровный гул моторов давно уже стал частью летчика, как биение сердца, как пульсация крови в артериях, без которого он не смог бы долго прожить. И сейчас он слышал только эту звенящую тишину, пил глазами пьянящую синь. Сам себе Георгий казался огромным орлом, широко раскинувшим крылья над своими владениями и сле-

дившим, не посягнул ли кто на его воздушные границы. Сейчас он обследовал квадрат не один, с парой «желторотиков», которых следовало поставить на крыло.

– Держись ровнее, тебя сносит на меня! – Голос Георгия еле прорывался сквозь помехи эфира, и слова вязли в шуме бесконечных щелчков и потрескиваний. Чтобы они достигали ушей ведомых, ему приходилось кричать. – Третий, не отставай!

«Желторотики» следовали за капитаном Коваленко чуть позади и в стороне, образуя клин. Равнобедренный треугольник, фигура, вообще-то, крайне устойчивая, только у этого идеальных пропорций никак не выходило. Его нижние углы то смещались в стороны, то, теряя высоту, опускались.

– Федотов, ты там не уснул на штурвале? Сейчас в штопор уйдешь! – выругался командир, глядя как самолет ведомого периодически клюет носом. Халтурить стали товарищи инструктора, ускоряют обучение. Оно и понятно – война... В его годы с таким налетом к боевой машине даже бы не подпустили, а тут нате вам...

– Заканчиваем облет и возвращаемся на базу!

Небо оставалось спокойным. На земле тоже никаких перемещений солдат и техники не наблюдалось. Да и не должны они здесь быть. Этот участок фронта был относительно тихим, поэтому сюда и направляли неопытных выпускников летного училища. Чтобы пообвыкли малость, да и опыта поднабрались. А как иначе, не сразу же в пекло ребят по-

сылать? Хотя те и рвались. Обижались даже, когда попадали сюда, а не сразу – под Сталинград. Вот и приходилось Георгию Васильевичу, капитану Шестой воздушной армии, втолковывать ребятам что да как, учить их уму разуму. Хотя самому еще было слегка за тридцать.

– Кажется, немцы! – послышался в динамике приглушенный голос Петренко.

Подающий надежды летчик, Петр Петренко. Георгий иногда узнавал в нем самого себя: молодого, азартного, упивающимся полетом. Его не могла удержать никакая сила притяжения, если его звало само небо.

Теперь Коваленко и сам заметил приближающиеся черные точки. Их тоже было трое: два «юнкерса» и «мессер». «В другой раз встретиться бы с ними, когда за ним стояли бы не зеленые юнцы, а проверенные боевые товарищи. Да хоть бы и один!» – со злостью подумал Георгий.

– В бой не вступать! – крикнул он в рацию. – Возвращайтесь за помощью, попробую их увести!

Георгий прекрасно понимал, что никакую помощь привести они не успеют – сейчас важнее было заставить их уйти, и что еще важнее – предупредить аэродром.

Немецкие самолеты открыли огонь. Для прицельной стрельбы они были еще слишком далеко. Скорее, это было приглашением к бою, вызовом. Георгию вспомнилась Испания, где он успел немного повоевать. Тогда фашистские самолеты сами пытались уйти, едва заметив советские «И-16»,

несмотря на равенство сил. А теперь... поднаторели, что-ли... Тут ему пришлось крепко выругаться. Петренко словно бы не слышал его приказа. Неуклонно продолжал вести самолет на неприятеля, также открывая огонь. Принял вызов. «Дурак!»

– Немедленно вернись! Это приказ! – продолжал орать в рацию Георгий, и уже понимал, что поздно. Боя не избежать. Он видел, как Федотов, покинув строй, бросился на помощь. Скрежетнул зубами. Все валилось к чертовой матери! Неподчинение приказу в военное время это – трибунал. Конечно, под расстрел он их не отдаст, но, если удастся вернуться живыми, обязательно накажет, на две недели отстранит от полетов! Но теперь, не бросать же их!

Капитан взял курс на «мессер», который шел, как и он, посреди клина. Его легонький «ишачок», уклоняясь от пулеметных очередей, направился в лобовую. Вся надежда была на маневренность и пушки. Если упустить «мессер», тот уйдет на недоступную им высоту, и оттуда расстреляет поочереды, как курят. Георгий открыл заградительный огонь. Попасть практически невозможно, но попытаться нужно! Подойти поближе, совершить крутой вираж, и сесть на хвост. Краем глаза заметил дымящийся «Юнкерс». Тот падал, вращаясь вокруг оси. Зря, он, наверное, ругал инструкторов, птенцы-то уже умеют клеваться!

И еще он понял, что они попали. Seriously и основательно! За разведчиками следовало шесть бомбардировщи-

ков и три сопровождающих истребителя. Наверняка летели бомбить аэродром! Размышлять было некогда, задачу они с треском провалили: проморгали противника, штаб не предупредили. Оставалось одно: попытаться остановить их своими силами или смыть позор кровью. Как можно меньше бомб должно долететь до аэродрома! Хорош, гусь! Размечтался, расслабился! Ладно юнцы, но ты-то... стреляный воробей!

Георгию удалось развернуться и выпустить очередь по мессеру. Пули прошли по обшивке правого крыла, не причинив, однако, заметного вреда. Немца качнуло, но он смог выровнять машину и стал резко подниматься, почти вертикально. Теперь его не догнать!

Сзади уже открыли стрельбу подходившие истребители. Положение становилось критическим. Коваленко огляделся, его ведомые еще держались. Ничего, поживем еще! Злая волна холодом прошла по телу.

«Хорошо, что это случится в небе, – вдруг спокойно подумалось ему. – Ребят жалко, конечно, жизни еще не видели!». Но смерть в воздухе не казалось ему столь страшной, как если бы на земле. «Здесь мы в своей стихии, в своем мире! Только здесь мы и жили по-настоящему. По ошибке родились внизу, но умрем здесь, где и должны! Пусть небо примет нас, пусть мы останемся в нем навсегда! Но пусть мы покинем этот грешный мир не одни!». Капитан сам не знал, к кому обращается. Не к богу, конечно, – его нет! Наверное,

к самому Небу.

Маневрируя, сбросил скорость, подпустил вырвавшихся из строя Ме-109 на дистанцию огня, и резко ушел в пике. «Мессеры» не отстали. Тогда он перевел самолет в восходящую спираль, и при выходе из нее, наткнулся на выходящие из горки «сто девяты». Один из них завис в верхней точке прямо у него на прицеле, совсем рядом, в сорока пяти метрах. Промахнуться было нельзя...

Разворачиваясь, Коваленко взглянул как падает подбитый им «худой», и едва разошелся с Федотовым. Тот спешил принять на себя второго. Резко задрал нос, он поднялся, и смог увидеть, как выше кружатся две птицы – Мессершмитт и И-16. Коршун и ласточка. Слишком высоко залетел Петренко, на максимально допустимую высоту. А немец не спешит его сбивать, забавляется. Потерпи, Петя! Сейчас подойду! С немцем в маневры играть затеял! Эх, хоть бы один бомбардировщик сбить! Их сейчас прикрывает лишь один «мессер». Вот бы втроем карусель им устроить! Но что это?

Коваленко тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Показалось, что летит впереди огромный змей. Змей-Горыныч, ей-богу! Прямо такой, про какого бабушка в детстве рассказывала. Только у того было три головы, а у этого одна. Капитан не верил глазам. Вокруг бой, а тут такое чудо-юдо! Интересно, он один его видит, или другие тоже?

Оказалось, что и другие. Один из «мессеров» открыл

огонь и тотчас же был сожжен струей пламени, вырвавшейся из пасти змея. Дальше дракон попросту налетел на группу «юнкеров», сбивая на землю, ломая фюзеляж. Внизу взрывались самолеты, рвались бомбы, заливая холмы огнем. Казалось, кипит ад! За каких-то полминуты вся немецкая техника была уничтожена. Змей яростно ревел, ему тоже пришлось несладко. Вдруг он развернулся и через мгновение оказался возле советских самолетов. Взмахом хвоста он послал Федотова в штопор и тот, потеряв управление, рухнул на камни. Огромным крылом, на котором могло бы уместиться три самолета, он смял машину Петренко и, подхватив ее в воздухе, разорвал могучими лапами. После чего взмыл в небо и пропал.

Все случилось столь стремительно и неожиданно, что Коваленко не успел даже осознать произошедшее. Это не укладывалось в рамки сознания. Еще две минуты назад были они и фашисты, все было предельно ясно. А теперь что еще за неведомое зло? Только что у него на глазах оно уничтожило и врагов, и друзей. Почему же он еще жив? И где сам дракон?

Тут огромная тень легла на самолет. Коваленко почувствовал удар. Машина несколько раз перевернулась и пошла вниз. Он успел одеть парашют. Поток воздуха его вырвало из сиденья. Вверху раскрылось белое облако. Вот за него-то и вцепился дракон и потащил капитана, как безвольную куклу, в сторону леса.

Листья пестрым ковром лежали под ногами. Хрустели, шуршали. Ворчливые дворники уже сметали их с дорожек парка, но налетал озорной ветер и снова набрасывал их обратно. Дворники при этом еще больше супились и еще больше ворчали.

Влад же шел, никого не замечая. Даже негодующих дворников, раздраженных тем, что он здесь ходит, мешают, и помогает ветру расшвыривать листья. В голове вертелась одна только мелодия, некстати, или кстати, вылезшая из памяти детства: «Падают, падают листья в нашем саду...». Дальше слов он не помнил, но эта строка засела в мозгу занозой, вертелась на языке. «Падают, падают листья...». Чтобы избавиться от завязшей на зубах песни, Влад попытался перевести ход мыслей. Интересно, где сейчас их старый проигрыватель? Наверное, у отца в гараже. Пылится где-нибудь на полке. А раньше ведь занимал почетное место в доме и все любили его послушать. Хорошо бы завести его снова. Только иголки нигде не найти. Потом мысли неожиданно перескочили на Артема. Действительно, странный он. Влад постарался вспомнить, что о нем знает. Когда учился на первом, в университете его еще не было. Потом он появился сразу на третьем курсе. Говорят, перевелся с Москвы. Отличник обучения, любимец преподавателей, хотя всего-то здесь

с месяца два. Без плотного блата здесь явно не обошлось. Что еще? Не пьет, не курит, почти ни с кем не общается, мяса не ест, с девушками не встречается. Типичный ботан. Здоровый только. Пятерых четверокурсников уложил, когда те до него докопались. Больше к нему, пока, никто не приставал. Опять же, если бы Влад кого-то избил, сразу бы «хай-вай» поднялся, отчислили бы в тот же день! А тут – все спокойно и гладко! Несправедливо! И, вообще, что он делал возле школы? Тоже брат есть?

– Влад, почему опаздываешь? Пара уже идет! Теперь уже без серьезных оправданий я тебя на урок не пущу!

«Больно надо!» – Лицо Влада непроизвольно скривилось. Антибиотик! Как так угораздило? Собирался ведь прогулять! Задумался, а ноги сами привели прямо в университет. Разгребай теперь! «Пара уже идет!» – мысленно передразнил он Виктора Эдуардовича. «А ты почему не там, а здесь?»

Конечно, всего этого он ему не сказал, лишь молча стоял, уткнув взгляд в пол, и терпеливо сносил льющийся на него поток обвинений.

– С начала учебного года ты не был ни на одном моем занятии. Как собираешься сдавать экзамены? На собрании я буду поднимать вопрос о твоём отчислении! Ты отсюда вылетишь, это лишь вопрос времени! Я тебе обещаю!

– Извините, Виктор Эдуардович! – в тираду учителя влился другой голос. Артем. – Влад задействован в постановке и помогал мне с декорациями.

Взгляд Антибиотика перескочил на Артема. И откуда он здесь взялся?!

– И, скажите, с самого утра нужно было этим заниматься?

– Конечно, ведь спектакль уже через неделю, а работы еще пруд пруди. Хорошо, хоть Влад согласился помочь!

– Вы бы на него не сильно полагались, Артем, – на «вы» обратился к нему Антибиотик. Он ко всем обращался на «вы», кроме Влада. – В самый ответственный момент он Вас подведет. Он даже к собственной судьбе не может серьезно относиться! И Вам, Артем, следовало поставить меня в известность, когда забирали Влада с пар, я бы не ставил ему «н». Хотя, если он не подтянет сопромат, ему и так грозит исключение.

С этими словами доцент развернулся, и с журналом под мышкой, устремился в сторону лестницы.

От сердца отлегло. Влад, конечно, был рад вмешательству Артема, но зачем было вписывать его в какой-то спектакль? Это он ему сразу и высказал, как только Антибиотик исчез с поля зрения. Но Артем его сразу успокоил.

– Не хочешь участвовать, не участвуй. Да у меня там и так хватает рук. На самом деле от тебя мне нужна помощь иного рода. Говоришь, что у тебя в той школе брат учится? А труды у него кто ведет?

– Регин. Александр Александрович, – не понимая, что от него хотят, ответил Влад. – Он еще к нему на кружок авиамоделирования ходит.

– Отлично, – расплылся в довольной улыбке Артем. – А ты сам его хорошо знаешь?

– Ну да, нормальный мужик. Помешанный только на авиации. Говорят, где-то на даче настоящий самолет строит. Хочет полететь на нем. Не знаю, насколько это правда, но модели строит отличные! Славка от него без ума!

– А занятия у них по каким дням?

– Что, тоже хочешь к нему? – усмехнулся Влад. – Тогда опоздал, он работает только со школьниками. Я в девятом классе учился, когда он начал вести. У нас уже другой трудовик был. Пока мы каждый урок круглые болванки в прямоугольники напильником обтачивали, те планеры клеили, да по дереву резали. Как мы им завидовали! Просили, чтобы поменяли учителя, но без толку. К нему и тогда уже ребята постарше приходили, но он их не брал. А занятия... да нет определенного дня. Так договариваются. Вот сегодня, например.

– Жалко, что взрослых не берет, – расстроился Артем. – А знаете, приходите вечером с братом ко мне на тренировку. Я со Славиком пообщаюсь, разузнаю, вдруг, что изменилось. Как-то, может, можно к нему на занятия попасть?

– Хорошо, – почему-то ответил Влад. Наверное, потому, что чувствовал себя обязанным за отмазку. – А что у тебя за тренировки?

– Да так... что-то вроде исторического фехтования... клуба по интересам. Да придешь, сам увидишь! В пять часов

в Екатеринбург, где стадион, знаешь?

– Знаю, был там пару раз.

– Хорошо, тогда до вечера!

Влад лишь махнул рукой на прощанье. Далековато тащить, скажу, что не получилось. А пока надо подумать, где еще провести целый час, ведь теперь-то его официально отпустили!

Влад забирал Славку с кружка. Тот был в хорошем настроении, только немного огорчен, тем, что поднять их самолет в воздух так и не получилось.

– Как ты узнал, что он не полетит? – допытывался он. – Сан Саныч сказал, что он слишком тяжелый. Но он же бомбардировщик, он и должен быть таким! Сан Саныч сказал, что еще не все потеряно, что он посмотрит, что там можно сделать. Тогда мы к нему приделаем мотор и будем через пульт управлять!

Славик мог говорить, не замолкая, очень долго. Влад, конечно, понимал, как тот расстроен неудачей, ведь столько сил и труда вложено в этот С-22, но выслушивать длинный монолог после тяжелого учебного дня, у него не было ни сил, ни желания. Чтобы заставить брата хоть как-то замолчать, он спросил:

– Музыку будешь слушать?

– Ага, – послушно кивнул Славка, – А какую?

Влад уже распутал наушники и вставил одно «ухо» брату, другое – себе.

– Какая выпадет.

Чтобы амбушюры не выскакивали от неровных шагов, он приобнял брата за плечо. Так и пошли. А из плеера лилась «Ария»:

Война гонит ветер ужаса, пепел веков и дней.
Судьба вещей птицей кружится над головой моей.
Время, как змей, вьется вокруг себя,
В книге смертей будет глава моя.
Дух оставил плоть, но покоя нет,
Я хочу сберечь заповедный свет.
Я – хранитель свеч на границе Тьмы,
Свет ковал мой меч для своей войны.

Меченый злом, мертвым огнем,
Лоб твой горит, и не скроешь клейма,
Меченый злом, в сердце пустом
Спрятался страх, тени сводят с ума...

Он не сразу вспомнил про обещание Артему. Пришли домой, поели. Славка сразу уселся за тетради. Отец в зале досматривал какой-то низкосортный боевичок, мать «застряла» в «Одноклассниках». А что делать ему? Не уроки же!

И вот здесь он вспомнил про приглашение.

– Славка, пойдем! Съездим в одно место?

– В какое?

– Тебе понравиться!

– Нет, не могу, – бросил брат через спину. – Уроки делать надо!

«Ну и правильно! Что и требовалось!»

Влад накинул ветровку, затянул потуже кеды.

– Влад, ты куда? Темнеет уже!

Это мать.

– Скоро буду! Артем в гости пригласил.

– Какой Артем?

– Ты его знаешь, у нас на третьем курсе учится.

– А, Коваленко? Хороший мальчик! Ты мне от него позвони, как доберешься. И не сиди допоздна!

К месту Влад приехал поздно, тренировка уже закончилась, и ребята плотно укутывали деревянные мечи в ткань.

Артем первым подошел к нему.

– Один?

– Да, – кивнул Влад, объясняя отсутствие брата. – Уроков много задали, сидит, делает.

– Жаль. Познакомься пока с ребятами. Это Стас, Алихан...

Артем подводил к каждому, и каждому Влад жал руку. Всего их было двенадцать. Пятеро примерно их возраста,

остальные помладше. Самому маленькому было лет четырнадцать.

– Вот здесь мы иногда занимаемся, – обвел стадион рукою Артем. – Наше будничное ристалище. Сюда мы ходим так, для поддержания формы. Основные занятия у нас по выходным, за городом.

– На сегодня все! Тренировка закончена! – повернулся он к ребятам. – Следующее занятие в субботу, на базе. Едем с ночевой. Позже позвоню каждому, скажу, кто что берет. Встречаемся полдевятого на вокзале, как обычно.

Ребята, выслушав, и пожав на прощанье руки, двинулись к выходу из парка. Артем же, завязывая большой рюкзак, предложил:

– Ну что, заскочим ко мне, раз уж пришел?

Жил Артем от парка недалеко. Пешком добрались за двадцать пять минут. Всю дорогу Влад молчал, временами выдавая нечленораздельные «угу» и «ага». Думал. «Зачем я связываюсь, ведь это же натуральный детский сад! Кольчуги, доспехи, деревянные мечи...». А Артем изливался про бастарды-полуторки, про кольчужные плетения, и о том, как луки из ПВХ приходят на смену своим «деревянными» собратьям. Влад уже собрался извиниться, сославшись на неотложные дела, и уйти, но, оказалось, поздно.

– Вот мой дом!

Поднялись на верхний этаж. Во всей парадной не было

света, и Артему пришлось повозиться, открывая железную дверь. Квартира встретила Влада проломом в стене. Прямо на кухню.

– Не обращай внимания, ремонт затеял. Когда-нибудь доделаю. – Артем нырнул через дыру. – Проходи, располагайся! Я пока арбуз помою!

Пока хозяин возился с ягодой, Влад прошел в гостиную, нашарил выключатель и обомлел... На всех стенах, занавешенных коврами, висело оружие. Как в музее. Отблески лампочки, что свешивалась с потолка на одном проводе, перескакивали с лезвий сабель на грани мечей. Влад не смог сдержать восхищенного возгласа. Не то, чтобы он был фанатом холодного оружия, но какой мужчина останется равнодушным при виде такой коллекции?

– Нравится? – в проеме возник Артем с подносом, на котором покоился гигантских размеров арбуз. Он поставил его на стол и снял со стены длинный изогнутый нож в потертых кожаных ножнах.

– Мачете? – Влад встречал похожие в кинофильмах.

– Нет, – обиделся Артем. – Где ты видел, чтобы мачете так украшали?

По всему лезвию ножа шла витиеватая гравировка. Она сильно затерлась, но было видно, что это действительно, произведение искусства.

– Кукри, – пояснил Артем. – Меч бога Шивы.

Он легко взмахнул им, и попка арбуза полетела на стол.

– Хорошо рубит! И так же хорошо режет!

В доказательство своих слов он быстро разделил арбуз на дольки.

– Угощайся!

Пока Влад «приговаривал» арбуз, Артем рассказывал про коллекцию.

– Дед мой большой любитель был всевозможных клинков. С Европы много напривозил, когда воевал. Вот, например, пуукко, то есть финка. Вот немецкий траншейный нож. А это – моя любимая – мизерикордия!

Артем протянул ее Владу. На вид она выглядела как нечто среднее между кинжалом и стилетом. Тонкое четырехгранное лезвие тянулось в длину на тридцать сантиметров. Гарды практически не было.

– Настоящая? – восхитился Влад.

– Обижаешь! Конечно, настоящая! Такой кинжал был на вооружении всех госпитальеров. Тонкое лезвие легко проходило сквозь щели доспехов. В основном, им добивали уже поверженного противника. Так называемый кинжал милосердия для *сoup de grâse*.

– Да у тебя тут настоящий музей! – искренне восхитился Влад, возвращая «милосердный» клинок. Его взгляд упал на шкаф, где на подставке покоился задвинутый в ножны японский меч. – А вон та катана тоже настоящая?

– Это не катана. Это ее предок, дайто. И он, конечно, не настоящий. Больше половины здесь – сувениры. Это уже

я покупал. Деду интересны были только европейские образцы. Если хочешь настоящего древнего оружия, посмотри, – Артем проводил Влада к небольшой витрине. – Антиквариат. Найдено на раскопках.

На бархатной подложке лежала продолговатая изржавевшая пластинка метала.

– Как утверждает надпись – скрамасакс. Вернее, его остатки. А это, возможно, девятый век. А то и восьмой. Дед кучу денег за него отвалил.

Глаза разбегались среди многообразия экспонатов и, наконец, остановились на огромном, извивающемся как змея, мече. Явно современной работы.

– Можно подержать? – неуверенно спросил Влад, опасаясь, что Артем запретит.

– Конечно! – Артем снял его с крючка. – Копия фламберга, пламенеющего меча.

Влад осторожно взвесил его в руках. Тяжелый.

– За сталь не берись, следы оставляешь! – сделал замечание Артем. Влад спокойно проглотил его, но все же захотелось дать по затылку этому задаваке. Вот этим самым мечом. Но Артем, казалось, даже не заметил перемены настроения гостя.

– Считалось, что сам архангел Михаил был вооружен таким же. – продолжал он менторским тоном. – В руках мастера подобный меч был очень грозным орудием. Раны, полученные им, не заживали. Даже самое легкое ранение грози-

ло потерей руки или ноги. Из-за этих своих свойств, со временем, взгляды на него переменялись. Из благословенного святого оружия оно перешло в разряд дьявольских.

Влад еще раз взглядом пробежал по хищному лезвию. Представил, что бы он почувствовал, если бы ему предстояли биться с противником, вооруженным таким мечом. Да, в рукопашной такой клинок должен был внушать ужас. Но какой-же недюжей силой нужно обладать чтобы размахивать такой громадиной!

Всю коллекцию можно рассматривать целый день. Но на улице уже слишком темно, да и мать волнуется, наверное. Еще и на трамвай нужно успеть!

Артем, провожая, напомнил о тренировке.

– В субботу зайду за вами. Посмотрите, как мы живем! Только про оружие никому не говори, конечно же, лицензия есть на все, но... тем не менее...

Георгий очнулся от легкого подергивания за плечи. С трудом разлепил глаза. Потeki крови из разбитого лба высохли и залепили ресницы. Он обнаружил себя лежащим среди камней, у основания небольшой горы. Вокруг плотной стеной стоял лес. Изодранный в мочало парашют трепыхался рядом, словно пытаясь выдернуть себя из-под придавившего его большого камня. Ныла нога. Трещина? Перелом? На-

щупав замок, капитан отстегнул его, захотел приподняться, но резкая боль пронзила суставы. Со сломанной ногой далеко не ушагаешь! Капитан крепче стиснул зубы, не позволяя вырваться стону. «Ни в коем случае не поддаваться отчаянию. Меня найдут! А не найдут, сам доползу! Зубами в землю вгрызаться буду, но доползу!»

Он перевернулся на живот, осторожно перевернув ногу. Крови не было. Уже хорошо! Могло быть и хуже! Нужно как-то взобраться на холм, чтобы определиться с дальнейшим маршрутом. Не смотреть вверх, не смотреть вниз. Просто перебирать руками, и подтягивать сломанную конечность. Раз за разом, движение за движением. Пусть боль станет не помехой, а союзницей, пусть подстегивает к действию! Если что-то болит, значит, еще жив! Повоюем!»

Георгий полз вверх, делая небольшие остановки, когда боль становилась невыносимой. Собирался силами и продолжал ползти. Вершина холма стала его основной задачей, возможно, главнейшей в его жизни. Он должен добраться, и это первый рубеж на его дороге домой!

Небольшая передышка. Уж виден каменистый гребень. Забраться на него и осмотреться. Остался последний бросок! Но глухой и утробный рык заставил его застыть. Гребень сам двинулся навстречу. Через мгновение перед лицом капитана выросла чудовищная морда змея. Холодные немигающие глаза, клыки с локоть длиной, ноздри, огромные, что в них легко бы поместилась человеческая голова. Все дыша-

ло яростью и неотвратимой смертью.

– «Все-таки, на земле!» – промелькнуло в голове капитана. Он нашел в себе силы, чтобы совершить последнее в своей жизни действие – встать! Несмотря на сломанную ногу, несмотря на боль, встать! Не повезло умереть в небе, так хотя бы стоя на земле. Капитан, встать!

Стиснув до скрежета зубы, он все-же сумел подняться и заглянуть в глаза чудовищу. Без страха, спокойно и уверенно, словно говоря – ты убил меня, но не победил! Так они простояли некоторое мгновение, пока подобие улыбки не появилось на оскаленной пасти зверя.

– Что за удивительная встреча! Дракон и Георгий! Что-то в этом есть, не находишь?

«Он еще умеет говорить! Кто это?»

– Кто ты? – Георгий повторил свою мысль вслух.

– Не важно! Сейчас важнее, кто ты! Должен сознаться, наша встреча не случайна. Я спас тебе жизнь и сейчас ты мне нужен.

– Спас мне жизнь! – Волна негодования захлестнула капитана. – Спас жизнь мне, а мальчишек убил! Я не просил об этом!

– Они бы все равно погибли!

– Еще не известно!..

– Ложь! – перебил дракон. – И ты сам это знаешь. Этот исход событий был предрешен. Я лишь вмешался в твою судьбу, и теперь даже не знаю, чем заплачу за это. Скажу лишь

честно, было бы легче, если бы ты погиб. Но случилось, как случилось, и ты тот, кто есть. Теперь, взамен моей помощи, я прошу лишь о небольшой услуге.

– Я не просил тебя вмешиваться, – продолжал твердить капитан, чувствуя, что запас адреналина, помогавший держаться, стремительно иссякает, земля начинает раскачиваться, чтобы выпрыгнуть из-под ног.

– И ты бы спокойно умер, зная, что не справился с простой задачей, и что аэродром разнесут из-за тебя? Тогда, посчитай, сколько бы людей погибло из-за твоей ошибки? Ты этого хотел?

– Нет...

– Как видишь, я спас не только твою жизнь и честь, но и жизни многих. Думаю, такая плата стоит одной маленькой просьбы?

Дракон выдержал паузу, плавно перемещаясь за спину капитана. Его голос стал тверже и резче.

– От тебя мне нужно лишь одно – добудь Грам и принеси мне. Он должен быть уничтожен... ради блага всех.

– Что за... грамм? – красная заволочь заливала глаза, голова поплыла и ярость уступала место смертельной слабости. Перед тем, как рухнуть в беспамятстве, Георгий еще раз услышал раскатистый голос и слова грозные, пробивающие ватную перину глухоты.

– Ты узнаешь его! Принеси!.. Обманешь – проклянешь себя! Я растопчу всех, кто тебе дорог! А твоей дочке, Ксении,

кажется, четвертый годик пойдет? Не подведи ее! Ты должен... должен... должен...

Не таким представлял себе пионерский лагерь Влад. «Орленок» оказался давно заброшенным и всеми позабытым комплексом. Забытым всеми, кроме одной бабки, что когда-то нашла приют в одном из его домиков, и пожилого сторожа (он это звание не любил и звал себя просто начальником лагеря). Целыми днями он сидел на завалинке и пускал дым. И все ключи от лагеря были всецело в его руках. Дядя Ваня, как его называли ребята, оказался человеком простым и бесхитростным. Очень обрадовался пакету продуктов, что привезли ему из города в качестве подарка, а вот к блоку сигарет отнесся с порицанием.

– Зачем это? Химия же все! У меня только натуральное, природное!

И вправду, за его домиком произрастала целая плантация табака, разных сортов и крепости. На чай и табак старик не тратился. Заваркой же ему служили листья малины, мяты и плоды шиповника.

Пакет и сигареты дядя Ваня неспешно занес домой, даже не разувааясь, и вышел уже со связкой ключей.

– Располагайтесь, где получше, – передал он их Артему. – Потом зайду, проведу. Только не сорите и ничего не ломайте.

те!

– Как обычно, дядя Вань! – улыбнулся Артем. – Остановимся там же.

– Да... и не пейте!

– Мы же спортсмены! – продолжал улыбаться Артем. – Как можно?!

Да, знаю! – махнул рукой дед. И спускаясь, крикнул уже уходящей компании.

– Все-равно... не пейте!

Команда заняла большой, в прошлом – живописный дом, фасадом выходивший на поросшее жухлой метровой травой поле. Два больших окна грустно смотрели на него. Им помнились времена, когда их оглушал детский смех, задорный и залиvistый, а на поляне напротив проходили веселые игры. Сейчас же здесь царила абсолютная тишина. Щемящая атмосфера тоски и одиночества. Покинутости. Усугублялось это впечатление, наверное, и общим увяданием природы. Пустели леса, птичий крик становился реже, и в холодном воздухе медленно кружили листья.

Выбранный дом имел две веранды с разных сторон. Одна – наглухо заколочена, а на второй висел большой ржавый замок. Артем не без труда провернул ключ, и вся компания разом ввалилась в дом. Влад со Славкой были единственные, кто был здесь впервые. Остальные же чувствовали себя как дома. Видимо, их обязанности были распределены зара-

нее, потому что, не тратя лишних слов, каждый занялся своим делом. Кто-то отправился за водой, чтобы промыть пол, кто-то – за дровами, кто-то расчищал площадку. Владу стало неудобно, что не может найти применение для себя, и он спросил Артема:

– Мне чем помочь?

– А ничем! – просто ответил тот. – Вы у нас впервые, гости, можно сказать! Так что, осматривайтесь, а мы сейчас все организуем!

Пока все были заняты, братья исследовали домик. Он имел две комнаты, когда-то разделяемые дверью, давно уже выбитой. Приметили лестницу на чердак, вернее, скобы, вбитые в стену и выполняющие функцию лестницы. Под крышей было много пыли и уютное круглое оконце посередине, куда вылетели ошарашенные вспугнутые ими летучие мыши. В потолке обнаружилась небольшая дыра, а под ней – одинокое, мягое железное ведро.

Когда спустились, пол был уже вымыт и высушен, костер горел, а еда варилась.

– Выбирайте, кто где спать будет! – распорядился Артем. – Лучше сделать это заранее, пока светло.

Ребята расстлали карематы прямо на пол, и клали поверх них спальные. Влад же бросил свои сразу возле окна, затянутого плотной пленкой в несколько слоев. Пусть немного поддувало, зато отсюда не было видно пугающе-темного чердачного зева с его обитателями.

– Ну, как, разомнемся перед обедом?

Это Артем уже собирает команду в строй. Впереди трехкилометровая пробежка до озера и обратно. Не простая, она чередуется гусиной ходьбой, бегом с захлестом голени, с увеличением и снижением темпа бега, а также ходьбой на руках с поддержанием ног. Славка держится наравне со всеми, не отстает и не жалуется. Влада взяло даже что-то вроде легкой гордости за брата. Молодец он, все-таки, у него!

Недалеко от лагеря, прямо в лесу, ребятами была сооружена самая настоящая спортплощадка: круглая арена, с нанесенным туда песком, самодельные тренажеры, сколоченные из досок и веток, где в качестве груза использовались камни разной тяжести, и самое интересное, тут была полоса препятствий. Она представляла собой систему из натянутых веревок, привязанных к ним пенькам, по которым предлагалось пройти, и веревочных лестниц, расположенных как вертикально, так и горизонтально.

– Ух ты! – не устоял Славка и, позабыв про усталость, сломя дух бросился к лестнице, ведущей к смотровой площадке на вершине дерева. Артем остановил его.

– Подожди! Сначала нужно проверить, не ослабло ли что.

После тщательного осмотра всей системы, убедившись, что все исправно и надежно, можно приступать и к тренировке. Ребята парами разошлись по тренажерам. Алихан с Петькой схватились за шесты, Стас и Коля самозабвенно дырявили мишени, Сашка у станка работал над своим иде-

альным прессом, а Славка со Степкой болтались на «тарзанке». В общем, каждый занялся своим «профилем». Артем подошел ко Владу со свертком в руке.

– Держи, это тебе!

Влад уже по торжественному лицу Артема понял, что там. Он, конечно, не разделял всей торжественности момента, но постарался развернуть меч как можно с большим чувством благоговейности. Тем более, Артем все оружие и доспехи делал сам.

– Ничего себе! Из текстолита! И когда успел выточить?

Влад держал меч на вытянутых руках и любовался. Покрашенный хром-краской, издали он выглядел как настоящий. Даже дол шел аккуратно посередине клинка. Рукоять, обмотанная кожей, удобно лежала в руке и, казалось, меч, будто живой, просился в атаку.

– Эфес железный, – проговорил довольный Артем. – Его у токарей заказал. Знал, что тебе понравится!

Еще бы! Многие бы из его команды хотели такой же, но пока довольствовались лишь деревянными. Но те от продолжительной рубки покрывались множественными зазубринами, а то и попросту ломались. Этот же меч просто так не сломаешь. Нужны года.

– Ну что, испытаем? – предложил Артем. – Вижу, как не терпится его испробовать!

Воевода, как называли Артема в отряде, подвел Артема к дереву, с которого свисали нанизанные одна на другую

шесть автомобильных покрышек.

– Знакомься, это Балда! Эффективнейшее средство для отработки ударов.

Влад, размахнувшись, стукнул Балду мечом. Резина амортизировала так, что клинок чуть не вылетел из рук.

Артем рассмеялся.

– Держи меч крепче и руби сильнее, от души!

Сжав меч крепче двумя руками, Влад приложился по Балде изо всех сил. Но и это Артема не устроило.

– Не так дышишь при ударе. Вкладывай в удар всю инерцию тела и дыханием помогай!

Он показал, как нужно рубить. От его удара маятник сразу пришел в действие.

– Теперь пробуй ты!

Через пару ударов у Влада начало получаться. Скоро «балда» раскачалась, и наносить удары стало сложнее. Зато интереснее! Артем встал напротив Влада, и вдвоем принялись лупцевать его так, что град глухих ударов переполюшил всех окрестных сорок.

Потом все собрались на арене, где отработывали технику зажима меча противника мечом и щитом. Увлечлись настолько, что забыли и про обед! А когда все-таки поели, то принялись распаковывать доспехи и готовить факела. Осеню темнеет быстро, и предстоящий бой, на освещенной факелами арене, будоражил кровь.

Славку на ристалище, конечно, не пустили, как он ни про-

сился, а вот Владу кое-какой доспех нашелся. Надо сказать, у него неплохо получалось. Он быстро запоминал удары, стойки, легко уворачивался от хитрых финтов и один раз ему удалось даже задеть самого Артема!

– Если бы не знал, что ты новичок в этом деле, сказал бы, что уже минимум полгода занимаешься, – похвалил воевода. – Из тебя получится настоящий боец! Если будешь тренироваться, думаю, что уже на ноябрьской встрече с москвичами можно будет тебя выставить!

Кому не приятно слышать такие слова? Особенно новичкам! Это подкупает. К тому же Влад уже и не чувствовал себя новичком. К тому располагала и обстановка, и теплая дружеская атмосфера, где никто не стеснялся проявить себя. Здесь все были равны. И Влада с самого начала приняли в команду как равного среди равных.

Так размышлял Влад, неспешно возвращаясь в дом. Там уже горели свечи, мальчишки упаковывали снаряжение и вынимали из глубоких рюкзаков припасенные пироги. Впереди был долгожданный чай у костра. Но перед чаем было еще кое-что, и это было сделано специально для Славки. Артем объяснил ему, что дружинное братство – это не только вторая семья, где всегда помогут и поддержат, но это еще и большая ответственность. Ответственность за товарищей, ответственность за себя, за свои поступки. За то, что сошло бы с рук простому мальчику, дружиннику придется отвечать вдвойне. Кроме этого, у война есть целый кодекс

строгих правил, которых необходимо придерживаться всегда. Даже когда устал и совсем не хочется, в любом обществе, и даже тогда, когда никто не видит. Готов ли Славка взять на себя такую ответственность? Если да, то тогда открой для себя эти правила.

На некотором расстоянии от лагеря теплился огонек безопасной свечи, возле яркого света костра, его не сразу можно было разглядеть.

– Пойдем, – произнес Артем. – Там ждет тебя первое правило.

Славка развернул листок, приколотый к земле стрелой, и прочитал:

– Не лги. Никогда!

– Оставаться честным и искренним в любой ситуации этому очень сложно научиться, особенно в наше время. Поэтому это правило стоит на первом месте. Нужно быть прямым, как эта стрела! – Артем говорил это, следуя ко второй свече. Уже после того, как Славка отыскал ее бледное сияние у темных стволов. – Ну, открывай второе.

– Не говори двух слов там, где от тебя ждут одного.

– Это тоже относится к первому правилу, поэтому они стоят рядом. Будь осторожен с теми, кто много говорит. Смотри внимательно и поймешь, что с помощью слов они не несут информацию, а наоборот, пытаются ее скрыть. Научись понимать между слов. И помни, тебе цена – твое слово! Ищи третью!

Здесь Славке пришлось повозиться. Свеча стояла далеко, и Славка пару раз пытался идти в неправильном направлении, пока, наконец, не обнаружил ее.

– Не ищи покоя и бездействия. Будь там, где труднее.

– Это правило стоит третьим, но оно не менее важное, чем предыдущие два. Над ним ты подумаешь сам. Завтра расскажешь мне, чем опасно такое состояние и чем оно, в конце концов, оборачивается для мужчины. Пойдем, времени осталось мало, а впереди еще семь свечей.

Влад плелся следом, чуть позади, чтобы не смущать брата. Ему, как ребенку, тоже было интересно, что говорил Артем, и какие правила будут следующими. Всего их было десять, и отыскав их всех, они, сделав круг, вернулись к костру.

Ребята выстроились в строй и Славку выставили впереди. Воевода со свечой в руке подошел, и обратился к Славке:

Как эти маленькие свечки указали тебе дорогу сквозь ночной лес, так пусть эти законы ведут тебя по жизни, и ты никогда не собьешься с пути. Только помни их и никогда не нарушай. Малодушие – тоже большой грех, и плата за него всегда высока.

А теперь, когда ты ознакомлен с нашим Кодексом, скажи перед лицом всех ребят, клянешься ли ты выполнять его и придерживаться?

– Клянусь!

– Сегодня ты хорошо проявил себя и достоин стать орленком, нашим младшим боевым товарищем! В память о сего-

дняшнем дне и в качестве символа отряда, прими этот значок. Носи его с гордостью и честью!

С этими словами Артем пристегнул на грудь Славке маленький металлический прямоугольник. Старый значок, еще советской поры. Сверху на нем было написано «Ленинград», ниже, на алом закатном небе, наводила свои стволы «Аврора», и мальчик в будёновке твердо и решительно устремлял взор в необозримую даль светлого будущего. Ниже всего этого крупными буквами было выведено «ОРЛЕНОК». Сколько прожил Влад в Питере, никогда подобного не встречал. Славка же просто сиял от счастья. Казалось, дай ему сейчас в руки гранату, и он, без раздумий, бросится под танк. Хорошо быть ребенком, подумал Влад. Нет еще никакого пессимизма, изъязвляющего душу, никакой усталости от жизни, что иногда накатывает и, тогда кажется, что вся эта людская суета, возня, бессмысленна и бесполезна. Сегодня что-то переменялось, но надолго ли?

– Где ты его нашел? – спросил он у Артема, когда Славка отошел хвастаться значком.

– Еще в прошлом году, – ответил тот, – когда помогали дяде Ване в домиках убирать. Но сейчас пора ужинать, доставайте свои тарелки.

Никогда еще не были так вкусны макароны с тушенкой. Когда унялся первый голод, ребята принялись дружески подшучивать друг над другом, кто как вел себя на ристалище. Никто не обижался. Потом пили крепкий, душистый чай, по-

очередно перебирая струны гитары. Каждый играл как мог и что мог. Когда дошла очередь до Артема, он еще раз отхлебнул из кружки, и принял протянутую гитару. Провел рукой по струнам, раздумывая, что спеть, и приступил. Голос у него был хорош.

Я мечтаю летать, но шагаю по пыльным дорогам,
Не привыкну никак, что отныне мой жребий решен...
Не смирюсь никогда.

Я прибавлю гордыню к порокам!
Я найду избавленье. Я вновь покорю небосклон!
Я верну себе пламенный танец сверкающих молний!

Не пристало хозяину неба скрываться в глуши...

Ветер, стой! Хватит рвать мою совесть! Я вольный!

Эй, маэстро, послушай... Меняю судьбу... Я решил.

Пел он негромко, но все было прекрасно слышно, так как все разом замолчали, перестали стучать ложками и даже шуршать обертками конфет.

Мы не люди,

Я всегда это знал, но не знал, как сказать...

Мы не люди,

И не наша вина

В том, что мы не умеем любить!

В нашей сути,

Да, конечно, маэстро, налейте вина...

В нашей сути

Вечный танец огня и попытка чего-то забыть¹...

С последним аккордом у Влада по спине пробежал неясный холодок. Захотелось решительно действовать, что-то кардинально поменять в своей жизни. Немедленно... нет, лучше с завтрашнего дня, прямо с утра. Поступить не так, как он поступал обычно. Начать новый день по-новому. Еще вспомнились старые друзья. Были бы они здесь, уже бы давно набрались. Да и он вместе с ними, наверное... Песня уже закончилась, и Артем развлекал всех тем, что вынимал угли из костра и смело держал их прямо на ладони. Кто-то хотел повторить этот фокус, но тут-же отдернул руку. Обжёгся. А Артем шутил, что сначала нужно подружиться с духом огня, а уж затем каштаны из огня таскать.

Ребята посидели еще немного и стали расходиться. Завтра намечался ранний подъем. Славка, оказывается, вообще, уже спал. Прямо сидя. Влад поднял его и повел укладывать в дом. Они уходили последними. У костра оставался только Артем.

– Влад, отведи брата и возвращайся, – тихо произнес он. – Боюсь, нам с тобой сегодня не придется поспать.

А спать хотелось жутко. Только предстоящая интрига заставила Влада выйти из сонного домика, где укладывались и тут же засыпали его новые товарищи. Что же Артем такого задумал?

Он застал его все в той же позе. Задумчиво ворошащим палкой угли и уставившегося в пляшущее пламя. Будто от-

крывалось ему там нечто, не видимое другим. Влад не стал нарушать его безмолвия. Просто тихо сел напротив. Из-за игры света и тени лицо воеводы казалось неестественно вытянутым, черты лица неправдоподобно заостренными. На приход Влада он никак не отреагировал. От нечего делать, Влад обхватил руками колени и стал вглядываться темную бездну неба. Звезд почти не было.

– Помнишь, ты спрашивал меня, зачем мне Регин? – вдруг спросил Артем, не отрывая взгляда от огня.

Влад недоуменно посмотрел на него. Он что, позвал его пооткровенничать? Стоило для этого напускать столько таинственности?

Артем, наверное, почувствовал неподобающее настроение Влада, потому что снова замолчал, раздумывая, говорить дальше или нет. Чтобы подтолкнуть своего обидчивого друга к разговору, Влад повторил вопрос извиняющимся тоном:

– Ну, так зачем тебе Регин?

Артем бросил испытывающий взгляд на собеседника и, не отводя глаз, заявил:

– Он убил моего деда.

Влад не нашел и тени иронии в его лице, поэтому переспросил:

– То есть, как убил? По-настоящему? Несчастный случай?

Влад не мог поверить, чтобы человек, которого он знал столько лет, который, к тому же работает в школе, и которого

его младший брат чуть-ли не боготворит, оказался убийцей. Но Артем продолжал настаивать на своем.

– Не думаю, что это была какая-то случайность. Моего деда не так просто было убить. Он всю войну прошел. Нет, это было преднамеренно.

– А ты уверен, что это вообще он?

– Еще недавно сомневался, но теперь – да, уверен!

– Наш милый трудовик?!

– Он не тот, за кого себя выдает и не тот, за кого вы его принимаете!

– А кто же он?

– Он... он – чудовище!

Артем замолчал на пару секунд и добавил:

– Знаю, словам трудно поверить, поэтому поехали, покажу кое-что!

– Куда?

Но Артем уже шагнул в сторону сторожки. В ее пристройке стояло два новых скоростных велосипеда.

– Выбирай любой! – предложил Артем, когда они окрыли навесной замок и вошли внутрь. – Дядя Ваня для внуков прикупил, чтобы здесь катались. Но так как они сюда редко приезжают, разрешает их брать мне. К тому же, к утру они уже будут на месте!

Артем набрал код на одном из замков и стал выводить велосипед на улицу.

– Отцепляй второй! Код – 2003. Год рождения Игоря.

Скоро они уже мчались по освещенной луной дороге прочь от лагеря.

– Сейчас выедем на асфальтированную дорогу, там поднажмем, – предупредил Артем. – Эх, ночь такая светлая! Даже фонарики не понадобятся! А я прихватил!

Через десять минут езды и впрямь впереди показалась черная лента шоссе. По такой можно гнать на всех скоростях!

– Поторопимся! – волновался Артем. – У нас остался час.

Влад хотел спросить, час до чего, но не стал сбивать темп и дыхание. Выкладывался вовсю. Будто участник скоростного заезда.

Зря Артем переживал, добрались за сорок минут. Въехали в какой-то дачный поселок. В редких домах горел свет. Жили здесь, в основном, пенсионеры, а они, как известно, ложатся спать рано.

– Что ты хотел мне здесь показать? – восстановив дыхание, произнес Влад.

– А ты не догадываешься? Сам же говорил, что у трудювика за городом дача. Так вот, я ее нашел!

– И...?

– И сейчас он здесь!

– Что ты предлагаешь? Ворваться к нему и побить? Отомстить за дедушку?

Артем ответил на эту иронию таким выражением лица, что Влад сразу втянул язык обратно.

«Черт! Зачем он поплелся за Артемом! Хороший мальчик!» – передразнил он мать про себя – «Знала бы она во что он его впутывает и чем все это может закончиться! Зачем он, вообще, поперся в этот „Орленок“. Еще и брата к этому психу притащил!»

– Чтобы ты сейчас не увидел, молчи! – предостерег Артем. – Если он нас заметит – нам не поздоровится! Хорошо, если ноги унесем! Я серьезно! Не выдай себя ничем!

Оставив велосипеды, они перемахнули высокий забор. В тени вишневых деревьев прокрались к сараю, из щелей которого пробивался мягкий желтый свет.

– Hans, ich glaube er ist aufgewacht. Benachrichtigen Sie die Führung und sagen Sie Maynard Bescheid.

Заслышав немецкую речь, первым желанием было вскочить, треснуть по голове этому фрицу и бежать. К сожалению, слабость была такой сильной, что он смог лишь приподнять руку и бессильно уронить ее на кровать.

– Sie können sich bewegen, das ist gut!

«Чего хорошего? Хорошо было бы, если бы он был на его месте! А так...»

Георгий отвел от доктора взгляд. Если его собрались лечить, значит, он еще нужен. Нужно лишь выяснить для чего, собрать как можно больше информации, и бежать. Сей-

час была идеальная возможность. Он был в доме с доктором один. Если бы не был так слаб, попытался бы взять его в заложники и уйти. Очевидно, он в какой-то деревне. Возможно, здесь есть еще русские. Нужно установить с ними связь. Все это промелькнуло в голове Георгия за долю секунды.

– Где я? – ссохшиеся губы еле разомкнулись.

– Sprechen Sie nicht! Sie müssen Energie sparen. Ich rufe gleich Erna.

В дом вошли двое эсэсовцев. Первый очень плотный, подтянутый мужчина с суровым лицом, на котором блуждало плохо скрываемое чувство брезгливости. При его появлении доктор моментом вытянулся в струнку, будто выстрелила сжатая пружина. Следом, пригнувшись, появился второй, долговязый и худой, как жердь.

– Rührt euch! In welchem Zustand ist er, Doktor? Kann er uns irgendetwas sagen?

– Ich glaube nicht, Herr Oberleutnant, er ist gerade erst aufgewacht und ist immer noch zu schwach. Ich werde Erna bitten ihn zu füttern.

Человек, в чине оберштурмбаннфюрера, подошел к кровати, демонстративно прикрывая нос белоснежным платком.

– Nun das wird Sie!

Он взглянул в глаза Георгию и произнес:

– Sie sind wie immer sehr freundlich Doktor! Ich denke unser Gast wird reden. Zumindest von paar Fragen stirbt er nicht.

Wolfgang, Sie fangen an?

К кровати подошел долговязый и начал:

– Кто вы, мы уже знаем. При вас были документы. Это хорошо! Расскажите нам, как вы сюда попали?

– Не помню, – Георгий прикрыл глаза. Не рассказывать же им про дракона, в которого и сам уже не верил. Не было ли это все плодом его воображения, кошмаром, вызванным болезнью?

– Понимаю. Не хотите говорить. Но, поверьте, вам лучше сотрудничать с нами. Мы очень лояльны к тем, кто идет нам навстречу. В противном случае вы будете нам не интересны и тогда мы вас «пиф-паф». Но, надеюсь, до этого не дойдет. Сейчас вас покормят, вы отдохнете, подумаете, и будьте готовы отвечать на все наши вопросы. Не будьте таким упрямым. Это не принесет вам никакой выгоды.

Жердьяй кивнул головой командиру и тот привстал с табурета.

– Doktor, sind Sie sicher das er das ist?

– Schwer zu sagen. Wir müssen noch ein paar Tests machen. Auf jeden Fall ist er sehr interessant für die deutsche Wissenschaft. Er hat ideales Regenerationssystem. Am ihn heilt alles wie an der Katze.

– Gut. Setzen Sie die Experimente fort. Aber ich bin mir ganz sicher dass wir einen großen Fehler machen. Sie müssen ihn hier nicht halten. Auf jeden Fall muss die Sicherheit hier verstärkt werden. – С этими словами командир удалился. Следом, по-

слушной собачонкой, выскочил и переводчик.

Доктор же снова подошел к больному и раскрыв глаза рукой посветил в глаз фонариком.

– Уйди, гад! – Георгий зажмурился еще крепче. Яркий свет ослепил его так, что его желтое пятно проявлялось и сквозь закрытое веко.

Доктор же почему-то рассмеялся, довольно потер рука об руку, и стал расхаживать по комнате, как кулик по болоту.

– Es scheint das Erna gekommen ist.

В комнату вошла девушка с разносом в руках. Очень милостивая, одетая в немецкую крестьянскую одежду, которая никак не соответствовала ее модной стрижке и ухоженным, утонченным рукам. Она поставила разнос на табурет, на котором еще недавно сиживал их подполковник, а сама присела рядом на кровать. Аккуратно зачерпнула из тарелки, и поднесла ложку к плотно закрытым губам Георгия. Куриный бульон пах очень недурственно. Желудок ответил утробным урчанием.

– Не упрямитесь, вам лучше поесть, – сказала ряженая крестьянка на чисто русском языке. – Пока вы живы, у вас есть хоть какая-то надежда на спасение, а умерев, вы уже никому не поможете.

– Вы – русская? – удивился летчик.

– Мать была русской. Ей было девять лет, когда им пришлось эмигрировать во Францию, а когда вышла замуж, уехала в Берлин. Она и учила меня языку. Но сейчас это

не важно, важно чтобы вы поели.

Георгий проглотил содержимое ложки и затем забрал ее.

– Я вполне могу поесть сам. – «Не хватало еще, чтобы он ел из рук фашистских оккупантов!» – Как вас зовут?

– Эрна. А вас, кажется, – Георгий?

Ложка едва заметно дрогнула в руках. «Ах, да, документы...»

– По-нашему Георг, – повторила Эрна. – Вы не против, если я буду вас так называть? Мне так будет привычнее. – Ну вот, вы уже улыбаетесь, значит пойдете на поправку! Доктор говорит, здоровье у вас как у быка! Или как у медведя. Большого русского медведя! У-у-у...

Эрна изобразила как, по ее мнению, должен бы выглядеть страшный медведь, встающий на дыбы. Получалось забавно.

– Где я нахожусь? – Георгию не давала покоя мысль о немецком плену, как он попал сюда.

– Вы в нашей научной деревне Зонненланце. Не бойтесь, вам не сделают ничего дурного, если вы будете искренны с вождем.

– С вождем?

– Да. Он, кажется, уже посещал вас. Оберштурмбаннфюрер Готтард. Он руководит и научным центром, и поселенцами.

Ее перебил металлический звон. Доктор уронил со стола железную миску и оттуда по полу разлетелись какие-то крючки, скальпели и всякого другого жуткого вида инстру-

менты.

– Verdammt! Alles muss wieder gewaschen werden!

Он быстро собрал их обратно и вместе с миской вышел на улицу. Эрна проводила его взглядом.

– Профессор Вернер весьма своеобразный человек! Его никогда не поймешь. Одно слово – гений!

С этим бы Георгий поспорил. Гений и злодейство вещь несовместимая.

– Кушайте! – Эрна вернула ему в руку оставленную в тарелке ложку. – Говорите, но глотать не забывайте.

Только сейчас он заметил ее акцент. Он проскальзывал в некоторых ее словах. Не то немецкий, не то французский, но во-всяком случае, выходило приятно.

– Я тоже уже приходила к вам, не помните? Я ухаживала за вами, когда вы были в беспамятстве.

Капитан лишь отрицательно покачал головой.

– Вы так напугали меня! Кричали: «Дракон! Дракон!». Просили даже убить себя. Или я не так поняла?

– Простите! Это был кошмар.

– Я так и подумала, – заявила Эрна. – Слава богам, вы идете на поправку.

– Вы говорили, что ухаживали за мной, спасибо! И сколько же времени я у вас?

– Всего третий день. У вас сломана нога и по всему телу были многочисленные порезы. Доктор наложил гипс, дал обезболивающее. Не помните? Ну да, вы же были без созна-

ния. У вас очень крепкий организм, за три дня от ран остались лишь незначительные царапины.

– Расскажите мне о вашем центре, – попросил Георгий. – Мне просто очень интересно, чем вы здесь занимаетесь?

– О! Вы, наверное, русский шпион? – игриво воскликнула девушка. – И я должна открыть вам все тайны?

– Нет, нет, конечно нет! – поспешил возразить Георгий. – Просто я сам не понимаю куда попал и как здесь оказался. Вот если бы вы помогли мне во всем разобраться и понять, я бы, наверное, смог бы помочь и вам.

– Слишком много «если»? и «бы», – кокетливо надула губки красавица. – Хорошо, я спрошу у руководства, о чем с вами можно говорить, а о чем нет. А сейчас мне надо идти. Поправляйтесь.

Она поднялась, одернула юбку и, забрав поднос, вышла. За дверью ее встретил десяток солдат вместе с «фюрером». Переводчик Вольфганг и Вернер тоже были тут.

– Ну как, поверил он? – спросил ее Готтард.

– Думаю да. Он спрашивал про наш центр.

– Мы слышали. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. Но только чтобы он вывел нас к нему. Или, если прав профессор, открылся сам.

– Возможно, эти проявления носят характер *immoderata*, – вмешался ученый. – Говоря проще, его изменения неконтролируемы. В этом случае, его нужно спровоцировать, поставить в условия, чтобы он раскрылся.

– Вот и займитесь этим, профессор! Вы же у нас специалист по данному рода экспериментам. У вас есть пять дней! – эти слова относились уже и к Эрне. – Если у вас ничего не выйдет, я возьму дело в свои руки.

В тот день Георгия допрашивать так и не пришли. Не пришли они и на второй день, хотя он уже мог вставать и с помощью костыля худо-бедно передвигаться по комнате. К окнам, правда, подходить категорически запрещалось. Следить за этим приставили двоих солдат. Они сидели у окна и не сводили с Георгия ни внимательных серых глаз, ни стволов автоматов. Даже по ночам. С немецкой пунктуальностью менялись каждые два часа. И если эти постоянно молчали, то у профессора рот не закрывался. Бубня под нос, он мельтешил по комнате, то вдруг бросался измерять пленному температуру, то принимался подсчитывать пульс, изучать длину и ширину черепа, следить за изменениями глазного дна. Делал он это каждый час, будто эти факторы должны были как-то изменяться. Георгий безучастно следил за этим. Одолевала скука и неизвестность. Три раза в день приходила Эрна, приносила еду. Она была разговорчива и мила. На эти короткие минуты Георгий представлял себя пациентом заграничного санатория. Старался есть как можно медленнее, чтобы продлить пребывание Эрны и послушать ее лепетание. Хотя говорила она о всяких глупостях. Ничего существенного выяснить у нее не удавалось.

На третий день появился Вольфганг. Тот самый художавый переводчик и преподаватель русского языка ученым членам СС. Это Георгий узнал от Эрны.

– Доктор Вернер сказал, что вы уже значительно поправились, и мы можем говорить.

Он выжидательно посмотрел на русского капитана.

– Ничего не желаете сказать? С какой целью вы проникли в наш центр? Сколько вас всего? Как к вам попала информация про нас? Не пытайтесь нас обмануть! У нас есть много методов вытянуть из вас все, что нам надо. Но мы хотим, чтобы вы сделали это добровольно. Не заставляйте нас прибегать к тем методам. До сих пор вы пользовались нашим терпением и гостеприимством. Но теперь наше терпение заканчивается. Вечером мы придем к вам снова, но как радушные хозяева – в последний раз. Вы меня поняли?

Вольфганг развернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился.

– Кстати, совсем забыл. Чтобы еще раз доказать нашу благосклонность, вождь разрешает вам совершать небольшие прогулки. В связи с вашим состоянием, фройляйн Эрна будет помогать вам. Заодно ознакомит с нашими достопримечательностями. Со временем вы сможете занять почетное место в рядах наших жителей, и вам даже предоставят отдельный дом. Кто знает, может быть, вы захотите жениться? Это вам также будет позволено. Но это при условии, что вы не будете таким глупым.

Наконец, он ушел, предоставив Георгия самому себе. Вслед за ним вышли и солдаты.

Что это? Они так уверены, что он не сможет убежать?

Пользуясь возможностью, он проковылял к недоступному для него ранее окну, отдернул штору. Никого. Лишь зеленая лужайка перед домом.

Дверь за спиной, чуть скрипнув, отворилась, и Георгий машинально вздрогнул, ожидая привычного «Halt!». Но это была Эрна. Ее улыбка тотчас же наполнила дом.

– Георг! Нам разрешили прогуляться! Не составите мне компанию? Давайте, обопритесь на меня.

Георгий оперся. Только лишь для того, чтобы показать, что он еще слишком слаб, и попытка к бегству не представляется для него возможной. Оперевшись левой рукой на костыль, а правой – на услужливо подставленные плечи девушки, он, впервые за эти дни, вышел на улицу. Вышел и тут же зажмурился. До чего же хорош был белый свет! До чего же сладок воздух!

– Вам плохо? – забеспокоилась Эрна. – Присядем?

– Нет, нет! – поторопился заверить ее Георгий. – Уже сиделся! Лучше пройдем.

– Не бойтесь опираться на меня сильнее, вам еще нельзя наступать на ногу!

Остановились возле большого круглого здания. По обеим сторонам его входа висели штандарты с черной свастикой. Георгий понял, что это главное административное здание.

– Это тинг, – подтвердила Эрна. – Здесь мы собираемся каждый вечер. Рассказываем о своих достижениях и слушаем проповеди Мейнарда.

– Это ваш пастор?

– Что-то вроде. Мы – не католики, сам понимаешь. Христианское учение категорически несовместимо с великой идеей национал-социализма. К тому же намного уступает нашему. Рейхсфюрер желает возродить веру наших великих предков. Этим и занимается отделение Мейнарда. Он историк-этнограф. Теперь еще и священнослужитель.

Георгий огляделся. Все дома в поселке были однотипны и располагались диаметрально этому зданию. Разбегались, как лучи от солнца, только на одинаковом, выверенном до сантиметра расстоянии. Крыши покрывал зеленый травяной ковер. Между каждым домом лежало ровно десять метров. Лишь от тинга до первых жилищ расстояние было чуть побольше. Заборов не наблюдалось и вовсе. Георгий старался не думать, сколько людей замучили при постройке этой деревни. Не сами же немцы ее возводили! Он должен оставаться спокойным и хладнокровным. Больше подмечать и запоминать. Ничего! Если ему удастся сбежать, он обязательно вернется. Тогда это логово змей не спасут ни заслонные комплексы, ни маскировки.

– Красивая деревня! Здесь должно житья как в раю! Только почему нет ни одного человека?

– Все на учениях. Рада, что вам понравилась Зонненлан-

це! Здесь, действительно, хорошо! Наша деревня – экспериментально-показательная, мы выявим все недостатки и, с учетом этого, в будущем подобные эко-поселения будут повсюду. В них смогут жить те, кто пожелает, а мы будем объяснять им и учить.

– Как жить?

– Как жить и как лучше вести хозяйство.

Эрна говорила увлечено и несколько торжественно, будто золотая эра человечества была уже совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, нужно лишь чуть-чуть подтянуться.

Георгий резко осадил себя. Во-первых, не всего человечества, а лишь той ее части, что фашисткой лженаукой признана истинно арийской. Во-вторых, какая судьба ожидает те народы, что не попадают под определение «высшей» расы? Тотальное уничтожение? Рабство? И в-третьих...

– Скажи мне, ты действительно веришь во все это?

– Конечно! – возмутилась Эрна. – Конечно! Не все еще идеально, но мы над этим работаем. И каждый день собственным примером доказываем, что так жить не только можно, но и нужно!

– Извини, – Георгий проклял свою запальчивость. – Я имел в виду все эти идеи Мейнарда.

– Мейнарда? – переспросила Эрна, успокаиваясь. – Скажу так, должна верить. Как и многие другие здесь. Но он, кажется, верит искренне и страстно. И это главное. Верит сам – поверят и другие.

Чтобы дальше не развивать эту опасную тему, он направил расспросы в другое русло:

– Эрна, а вы где живете? Покажите ваш дом.

– Вот он! – девушка показала рукой на третий с конца улицы домик. – Мы живем там с Агной и Вереной.

Она загадочно улыбнулась и многозначительно добавила:

– Но сейчас там никого нет!

– Тоже на обучении?

– Да! – Другого ответа и не ожидал.

– Мы могли бы зайти, выпить чаю.

Пришлось отказаться и сделать вид, что не понимает этих выразительных намеков. А сам тем временем соображал.

«Не может такого быть! Чтобы пленного оставили одного со слабой девушкой! Сами же, при этом, исчезли, как по заказу, будто вымерли? Для чего все это затеяно? В какую игру он попал?»

Будто разминая шею, покрутил головой, в надежде высмотреть наблюдателей. Но никого обнаружить не удалось.

– А вы что же? Тоже должны были быть на обучении? Расстраиваетесь, что пропускаете занятия?

– О, что вы! – На щеках девушки появились лукавые ямочки. – С вами мне гораздо интереснее! У меня есть возможность вживую пообщаться с земляком моей матери. Вы из Москвы?

– Да.

– А моя мама из Санкт-Петербурга. Но в Москве она то-

же была. Очень много про нее рассказывала. Всегда хотела вернуться на историческую родину. Возможно, я там тоже когда-нибудь побываю. Я даже подтянула французский. *Ecoute, mon français est-il bien? Me comprenez-vous?* Не понимаете меня? Или мое произношение настолько ужасно?

– Нет, к сожалению, не знаю французского.

– Странно! Мама говорила, что вы в России свободно изъясняетесь по-французски.

Они прогуливались минут двадцать, и он по-прежнему не замечал ни единого человека. Непонятность ситуации нервировала, не давала ясно думать. Мысли металась в голове, выстраиваясь в многочисленные догадки и предположения.

– А где все занимаются? В школе? Или как тут она у вас называется?

– Полигон. За деревней есть полигон, где нас обучают владеть оружием.

– Даже девушек?

– Всех. В этом и заключается идея. Мы все должны уметь, когда понадобится, взять в руки оружие и отстоять свою землю. И мужчины, и женщины. Если потребуется, то и дети.

– Не слишком сурово?

– Это жизнь. Хотя, в будущем, надеюсь, в оружии не будет нужды.

– Не все спокойно в Датском королевстве!

– Цитируете Шекспира? Вы же знаете, что он был арий-

цем? Его тексты разрешены к прочтению. В другой раз будьте осторожны с высказываниями. Вы можете сказать что-нибудь из запрещенного, и тогда вам будет, как минимум, неловко.

– Вы что же? Контролируете, кого можно читать, а кого нет?

– Естественно! Мы должны оградить неокрепшие юные умы от влияния пагубных идей. Не все книги одинаково полезны. В основном их масса – шлак и ересь. Когда повзрелеют, будут сами понимать, что стоит читать, а что нет.

Во взрослой жизни Георгий и сам книг не читал. Кроме тех, что касались непосредственно его работы – авиации. Некогда было. Но что-то в этой идее не нравилось... Может то, что исходила она из уст врага? Или от того, *кто* определяет критерии допустимой литературы?

Они поговорили еще о значении правильных книг в жизни подрастающего поколения и плавно вернулись к предыдущей теме.

– Сейчас нас обучают стрельбе из лука и владению холодным оружием, – ошаршила капитана Эрна.

– Зачем? Это же нелепо! Вы что, собираетесь с мечом выходить против автоматов?

– Нет. Против автоматов у нас есть автоматы. А против меча должен быть меч. Да, я тоже не поддерживаю и не понимаю этого, но многим нравится. Не только мужчинам. Агна, например, у нас отличная лучница. Ей это даже идет.

Не знаю... наша культура во многом связана с традициями праотцов, а для них меч был не просто оружием. Он был еще и символом свободного человека. И если ты не мог позволить себе полноценный скрамасакс, то хотя бы на простой сакс ты должен был непременно разориться.

– Простой сакс?

– Такой коротенький меч. Или длинный нож, если хочешь. Сантиметров в сорок. Отражение мужской чести и отваги. – Эрна позволила себе улыбнуться. – В судебных поединках, когда старейшины не могли решить, кто прав, правого избирал сакс. Понимаешь теперь, зачем мы учимся?

– Нет. Вы серьезно? Собираетесь решать судебные прения подобным образом? Это и есть ваша высшая справедливость?

– Это справедливость богов. Они не допустят победы неправого.

– Всегда победит тот, кто лучше...

– Вот поэтому мы и учимся. Все. И очень усердно. Извини, я больше не хочу об этом говорить.

«Отлично! Одно больное место найдено! Не даются тебе, девочка, эти экзерциции с мечом. Не даются и не нравятся!»

Георгий продолжил пальпацию. Уязвимые места бывают не только в слабостях и недостатках.

– Эрна, а вы здесь кем работаете? Экскурсоводом?

Он пытался пошутить, но Эрна уже утратила свое игривое настроение.

– Нет, – холодно ответила она. Экскурсоводов у нас нет, а гости бывают крайне редко и в экскурсиях не нуждаются. Мы с девочками представляем отдел биологии наследственности и при необходимости помогаем в госпитале.

– Ого! – наигранно изумился Георгий. – И какие же вопросы вы решаете?

– Разные. Когда к нам приходят пары, советуем когда лучше зачинать детей. И кто скорее всего родится. Этим занимается Верена. Она очень хороший астролог. Мы же с Агной на основе результатов многочисленных анализов, даем людям представление, какими качествами и способностями вероятнее всего будет обладать их будущий малыш. Нам очень важно, чтобы ребенок был полноценно здоровым. И если мы видим, что, по каким-то причинам, это может не получиться и степень риска патологии высока, нам приходится запрещать беременность.

– И что, слушаются?

Эрна взглянула на него, как будто бы он сморозил глупость.

– Германии нужно много людей, это верно. Но также верно, что ей нужна здоровая нация. И все это понимают.

– А вы не допускаете мысли, что можете ошибиться?

– Вероятность ошибки ничтожно мала. Генетика точная наука.

«Вот тебе, бабушка, и рай!», – переиначил про себя известную присказку Георгий. Но вслух сказал:

– Извините, устал я, чего-то. Давайте продолжим прогулку завтра?

Всю дорогу до дома они молчали. Эрна кусала губы, будто собиралась что-то сказать, но не решалась. Наконец, произнесла:

– Завтра может не быть, Георг. Вечером к тебе придут Готгард с Вольфгангом. Если ты не расскажешь им того, что они хотят от тебя услышать, мы больше не увидимся...

На глаза Эрны навернулись слезы. Она сильно прижалась к Георгию.

– Не хочу, чтобы тебя убили! Слышишь? Слишком привязалась к тебе за это время. Пожалуйста, расскажи им все! Мы могли бы жить здесь. Долго и счастливо! Вместе!

Летчик, стараясь не смотреть ей в глаза, сухо отстранил ее, и закрыл за собой дверь.

– Ты очень подвела нас, Эрна! – вырос за спиной Вернер. – Как ты могла не справиться с таким простым заданием?

Говорил Вернер тихо, но холодок страха проник в душу. Эрна знала, что он мог сделать. Маска рассеянного доктора сошла с его лица. Глазам вернулся ледяной блеск, а линия рта стала тонкой и острой. Такой, что могла поспорить с остротой его скальпеля. Его чуть трясло, и он еле сдерживался, чтобы не ударить ее.

– Не смогла затащить мужика в дом! Что было сложного? Теперь столько трудов – коту под хвост!

– Просто он – настоящий мужчина! – вспыхнула Эрна. – Вы же привыкли иметь дело со всяким...

Он все-таки ее ударил. Вернее, хотел. Его ладонь была уже возле ее лица, но остановилась, захваченная рукою Георгия. Он вышел на шум и успел вовремя. Увидел благодарные и напуганные глаза девушки, увидел наполненный нечеловеческой злобой, безумный взгляд профессора, и все понял. Доктор вырвал руку.

– Sie werden es bereuen! Alles, was jetzt passiert, ist deine Schuld!

– Зря вы вмешались, – задумчиво произнесла Эрна, глядя на удаляющуюся спину Вернера. – Вы даже не знаете, что это за человек! Теперь все будет плохо!

– У тебя будут проблемы?

Эрна посмотрела на него холодно и уверено.

– У меня – нет...

Вернер дожидался Готтарда у дороги, что вела к поселку. Знал, что тот должен возвращаться с проверки заградлиний. При виде его Готтард приказал остановиться.

– В чем дело, Вернер? – Оберштурмбаннфюрер выглядел крайне недовольным. – У вас получилось?

– Нет, но...

– Никаких «но». В чем проблема?

– Во фройляйн Эрне. Так и знал, что на нее нельзя положиться! В самый последний момент передумала и сорвала

эксперимент!

– Умная девочка! Мне с самого начала не нравился ваш план. Вы чрезмерно увлекаетесь всей этой своей психологией. Эти методы не работают! Нужно нечто более конкретное. У вас есть что-нибудь еще?

– Да. Есть одна инъекция. Раствор собственной разработки.

– Почему вы не использовали его раньше?

– Потому, что его можно ввести только раз. Человек не выдерживает, умирает в жутких мучениях. Я испытывал на многих. Но, вот если он не человек...

– Хорошо! Дадим ему последний шанс. Если сегодня он снова откажется работать с нами, вводите свой раствор.

Сарай был огромен. В разы больше дачного домика. Что само по себе уже странно. Из-за своих размеров не он, а прилепившийся домишко казался пристройкой к нему. Вероятно, в месте соединения была и смежная дверь, чтобы иметь возможность переходить из одного помещения в другое, не выходя на улицу. Это, на вид несуразное, строение занимало большую территорию участка, из чего становилось ясно, что Регин выкупил дачу не картошку сажать. На оставшейся части было разбито несколько грядок, но они носили, скорее, символическое значение. Может, не врут слухи,

и Регин, действительно, строит здесь самолет?

Мальчики, припав к щелям сарая, жадно вглядывались внутрь. Ничего необычного. Сарай как сарай. Вернее, как мастерская. По ее периметру набито множество полок, с аккуратно разложенными на них инструментами и выставленными моделями авиатехники. Ему что, на работе этого не хватает, что он их еще и по выходным клеит?

Никакого настоящего самолета, как ожидал увидеть Влад, там не оказалось. Лишь в углу лежала большая охапка сена, непонятно для чего, так как животных Регин не держал, и в самом центре – широкий и длинный верстак, с покоившимся на нем сломанным дельтапланом. Больше никого и ничего внутри не наблюдалось.

Влад вздохнул разочарованно и, в то же время, с некоторой долей облегчения. Если это то, чем хотел напугать его Артем, то слава богу! Он же, пока сюда ехал, напридумывал себе такого, в чем теперь боялся себе сознаться. Например, окровавленных, связанных пленников, над которыми издевается обезумевший Регин. Слава Богу, не маньяк! От души аж отлегло!

– Это то, что ты хотел мне показать? Разбитый дельтаплан? Считаю, я уже испугался, и теперь мы можем возвращаться.

– Это не дельтаплан! – шикнул Артем. Лицо его по-прежнему серьезно и насторожено. – Помолчи, он должен быть здесь. Всегда в это время возиться над своими крыльями.

«Крылья! Так вот что он принял за дельтаплан! Не самолет, крылья по выходным Регин себе мастачит! Ну и что с того? У каждого свои тараканы! Пусть возится, если никому не мешает! Может удастся повторить „подвиг“ Икара!»

В сарай, тем временем, вошел трудовик. Босой, в джинсах, в старой поношенной футболке. В руках он нес большой сверток парусины. Сейчас он показался Владу каким-то маленьким, сердобольным, и невероятно старым, хотя ему было не больше пятидесяти. И как ему не холодно? Никакого отопления в мастерской нет.

Сан Саныч подошел к верстаку и бросил ткань на нижнюю полку. Затем поднял каркас крыла и полюбовался им. Проверил как ходят подвижные его части. Каждое крыло в развернутом виде составляло примерно по четыре метра. Мечтатель! Он же не сможет ими управлять! Владу на миг даже стало жалко старого чудака. Неужели он не понимает, что все его попытки летать смешны и наивны?

Регин скинул рубаху. Для пятидесяти лет у него было слишком подтянутое, мускулистое тело. Он поиграл мышцами спины, и позвонки на полусогнутой спине вдруг принялись расти. Они вытягивались, пока не превратились в острый костяной гребень. Кожа посерела, стала чешуйчатой. Руки же удлинились до пола. Сухие, тонкие. С хрустом они преломились в локтях и стали сгибаться теперь не назад, а вперед. Кажется, Влад вскрикнул. Или громко вздохнул, только чудовище резко обернулось, будто услышало что-то.

Влад обомлел. Резко отпрянул от щели, и бросился бежать, уже не помышляя о скрытности. Не помня как, перемахнул забор, схватил брошенный велосипед и нажал на педали.

Очнулся уже на шоссе. Оглянулся, и увидел позади мчащегося Артема.

– Не останавливайся! Крути! – крикнул тот, и Влад возобновил темп.

Сердце лихорадочно стучало, готовое вырваться. В голове шумело от прилившего в кровь адреналина. Никогда в жизни он не ездил так быстро. Не разбирая дороги, мчался по мокрому асфальту, даже не чувствуя морозящего дождя. Перед глазами стояло лишь серое, нечеловечески вытянутое лицо трудовика. Его гипнотизирующие, огромные, с вертикальными желтыми зрачками, глаза, его пристальный, немигающий взгляд еще долго будет являться Владу в кошмарах. Кажется, у него вообще не было век. Как и ушей – лишь изогнутые впадины. Но больше всего приводило в трепет чувство неконтролируемого страха, охватившее с ног до головы. Он потом думал, что посмотри он в них немного подольше, уже бы не смог оторваться. Стоял бы и ожидал своей участи, как кролик перед удавом.

Они остановились только возле бытовки дяди Вани, откуда брали велосипеды.

– Кто это был? – закричал Влад, едва соскочив с седла. Он уже не мог ассоциировать Регина с человеком, ни, тем

более, с учителем.

– Дракон, – ответил Артем. – Не шуми, зайдем внутрь.

Погони не было, но ребята не сводили настороженного взгляда с двери. Изнутри она не закрывалась, и им все чудилось, что дверь сейчас распахнется и в дверной проем ворвется эта тварь. Тогда никуда уже нельзя будет сбежать. Но, все же, это какое-никакое, но укрытие. Сидели тихо, свет не зажигали.

Еще на подъезде первым порывом Влада было ехать сразу в лагерь. Броситься, разбудить Славку и немедленно убираться отсюда. Домой. К обычному быту, к вещам, где нет места ни драконам, ни какой другой нечисти. Артем образумил его. Уехать отсюда в это время невозможно. Нужно ждать утра.

Когда первая волна страха понемногу прошла, Влад стал размышлять логически.

– Запрещу Славке ходить к нему на кружок! Как представлю с кем он находится, так мороз по коже! Нет, вообще заберу его из этой школы. Накажу, чтоб и близко туда не подходил!

– Хорошо, Славку ты заберешь, – согласился Артем. – А остальные?

– Не знаю... Может, написать общее заявление директору, чтобы трудовика уволили?

– За что? Он на хорошем счету, ты же сам говорил. К тому же, предположим, уволят его из этой школы. Но есть мно-

жество школ, куда его примут с радостью. И тогда все сначала?

– Нет, – Влад осознал нелепость своего предложения. – Нужно, чтобы о нем все узнали!

– И что ты предлагаешь? Подходить ко всем и говорить. «Знаете, а ваш трудовик, оказывается, дракон!»

Артем так забавно это изобразил, что Влад, несмотря на напряженность момента, не удержался, прыснул от смеха. И тут-же перед ним встали страшные, желтые глаза, и ощущение тревоги навалилось с новой силой.

– А твои знают?

Влад имел в виду ребят с отряда, но Артем понял.

– Нет, конечно! На сегодняшний день о нем знаем ты и я.

По крыше перестало стучать, дождь закончился. Потянуло прохладой и сыростью.

– Пойдем, разведем костер, – предложил Влад. – Спать ты, как вижу, сегодня уже не будешь.

Их товарищи мирно спали в своих спальниках. Славка тихо посапывал, счастливый, и не знал правды.

Развели костер. Веселое пламя быстро согрело озябшие тела. Не так страшен стал обступающий лагерь мрак.

– Как ты думаешь победить его? – после долгого молчания наконец спросил Влад.

– Вот для этого мне и нужен ты. И Славка.

– Не хочу его впутывать в это.

– И не придется. От него лишь требуется, чтобы он добился разрешения присутствовать нам на занятиях авиакружка. Мы ведь жизни себе не представляем без самолетов!

– Для чего тебе это все?

– Нужно посмотреть его вблизи, непосредственно на уроке.

– И что дальше? Как мы сможем справиться с ним вдвоем?

– Втроем. С нами будет Грам.

– Кто?

– Тот, кого он боится и ненавидит. Тот, ради уничтожения которого он отдаст половину своей бессмертной жизни. Это – меч Одина.

Вечером, как и обещали, к нему пришли. Готтард сразу плюхнулся на табурет с самым умиротворенным видом. Закинул ногу на ногу. Вольфганг, напротив, был напряжен. Стоял рядом, вытянувшись по струнке.

– Хотим напомнить, – сухо начал он, – что время нашего гостеприимства заканчивается. У вас есть последний шанс ответить на наши вопросы. Вы готовы отвечать?

– Да, – неожиданно для себя ответил Георгий.

– Как вы попали сюда?

– Очень просто. Меня сбили.

– Кто?

– Ваши же самолеты. Мне посчастливилось одеть парашют и приземлиться. К сожалению, не очень удачно.

– Ложь! В нашем небе не было никаких боев. Даже если это и так, живым бы вы до земли не долетели.

Готтард прокашлялся. Георгий уже знал, да и раньше догадывался, отчего Вольфганг ничего тому не переводит. Тот понимал русский сам. Об этом сказала Эрна. Только говорит он плохо и выглядит при этом смешно. А он любит выглядеть важным. И переводчик ему нужен больше для солидности.

– Может быть, вам будет легче говорить, если мы скажем, что знаем про дракона? – предположил Вольфганг.

– Драконы? Это же миф!

– Реальность! И вы и я это прекрасно понимаем. Чтобы вывести вас на откровенность, мы тоже будем предельно откровенны.

Вольфганг переместился к другой стороне кровати.

– Наш исследовательский центр размещен здесь не случайно. По утверждению местных жителей, тут водится огромный летающий змей, которого изредка встречали. Мы сначала относились к этому как к фольклору, пока наши радары не засекли странные передвижения в этой области леса, особенно возле горы Шланггеберг. Но горка там такая, что не особо спрячешься. Мы прочесали ее вдоль и поперек, но ничего необычного найти не удалось. Между тем радары продолжали показывать некоторую активность. Объ-

ект то пропадал, то снова появлялся. Это продолжалось долго. Мы уже решили, что здесь какая-то геомагнитная зона и именно она дает сбой в работе радара, пока не наткнулись на нечто странное.

В ходе взрывных работ мы обнаружили большие загадочные полости под горой. Всех близлежащих жителей в срочном порядке выселили, а место объявили заповедным. Вскоре мы выяснили, что подземные ходы и туннели сплетаются в хитроумную сеть лабиринтов. Кто и когда их выстроил, неизвестно. Исследовать до конца нам их не удалось. Отправленная внутрь группа солдат не вернулась. Мы отправили вторую группу, вооруженную значительно лучше. Оттуда вернулся лишь шарфюрер. Он был весь перепачкан кровью, из оторванной руки хлестало. Он был просто обезумевший. Они нашли пропавших. Все были жутко растерзаны каким-то животным. Некоторые трупы были обуглены. Пока ему оказывали медицинскую помощь, он все твердил про ужасные глаза во тьме и дракона, которого не могли взять автоматные пули. Кровопотеря была велика, к сожалению, спасти его не удалось.

После этого мы свернули на горе взрывные работы и перешли к наблюдательным.

По личному проекту рейхсфюрера рядом с горой возвели первое поселение нового образца, где главенствующей идеей стало возвращение людей к древним законам германцев, и, в отличие от промышленных городов, научить их ве-

сти здоровую и экологически чистую жизнь. Именно такие люди и станут заселять восточные области нашей империи. Но вернемся к нашему дракону.

Скажем, наблюдателям удалось увидеть его, что они единогласно подтвердили на тинге. По их утверждению, дракон приземлился в метрах триста от них. Появился он в воздухе внезапно, словно из ниоткуда, и точно так же исчез. В том месте есть вскрытые ходы, должно быть он залез в них.

Утром мы тщательно обыскали это место и смогли обнаружить несколько следов пятипалых лап. С них сделали слепок. Самое непонятное в том, что ходы в том месте не велики, дракон при его размере пролезть бы не смог. Напрашивается вывод, что он либо никуда не заползал, просто мимикрировал, слился с окружающей средой так, что его не смогли заметить. Мы знаем такие способности у многих животных. Либо, что совсем нелепо, может уменьшаться. Менять форму.

Нашей первоочередной задачей стало изловить змея во славу германской науке. Это сделало бы переворот во всех мировых науках! Нам хотелось поймать его, по возможности, живым. Мы расставили на горе многочисленные ловушки и приманки. Но наш историк, Мейнард, вообразивший себя жрецом старой веры, отправился на гору в одиночку. Он потребовал, чтобы в эту ночь убрали всех наблюдателей и что он, прибегнув к магическим ритуалам, сможет справиться с драконом самостоятельно. Главное, чтобы ему никто

не мешал. Отговаривать глупца бессмысленно. Мы сделали все, что он просил и добыли ему все, что нужно для проведения ритуала. Он поднялся на гору, и мы мысленно с ним попрощались. Но через четыре часа он вернулся. Буквально влетел в деревню, но не от ужаса, а горя от возбуждения. Он всегда был похож на безумца, но в то утро таким безумным его еще не видел никто. Он утверждал, что говорил с драконом и тот заявил, что разрешает селиться у его горы, только чтобы убрали все ловушки, что мы нагородили, и отвели наблюдателей. Он их еще не убивает лишь потому, что они ему еще не наскучили. Но уже начинают. И тогда беды не миновать.

Мы не верили его бредням, пока он не продемонстрировал нам чешуйку странной ромбовидной формы, размером примерно с куриное яйцо. Он утверждал, что получил ее непосредственно из лап дракона в подтверждение словам. Проверить достоверность ее мы долго не могли, так как Мейнард не желал расстаться с нею ни при каких условиях. Правда, потом расщедрился и дал сделать с нее слепок. Пока делали отпечаток, провели анализ. Это действительно настоящая чешуя, принадлежащая неизвестному ранее виду животного. Оригинал вернули Мейнарду и тот повесил ее себе на грудь. Не снимает даже ночью. Должен сказать, что теперь его авторитет среди поселенцев повысился, но нам это только на руку. Рядом с таким архаизмом, как Ящер, и таким человеком, как Мейнард, людям будет проще верить. И они

не допустят ошибку, которую допустили мы.

Мы не стали убирать ни ловушки, ни наблюдателей. К тому же, у многих вскипела охотничья кровь. Они вспомнили, что они гордые потомки Зигурда и Беовульфа, и возжелали повторить их деяния. Дозорные не только снялись, но и увеличились численно. К нам прибыло подкрепление из особого отряда СС «Мертвая голова». Хотите знать, что с ними стало?

Мы нашли их внутренности развешенными по всему лесу, на красных от крови деревьях. Они свешивались с сучьев будто новогодние гирлянды. Там же болтались по отдельности их руки и ноги. Идя по этому ужасному следу, мы вышли на поляну. Кого-то вырвало от увиденного. Все ее пространство было усеяно воткнутыми в землю кольями, а на них, пробитые насквозь, торчали головы наших солдат и офицеров.

Все ловушки им так же были найдены и искорежены. Зверь такого не делает. Тогда-то мы и поверили в то, что имеем дело с разумным существом.

Вольфганг судорожно сглотнул. Налил из кувшина воды и выпил.

– До сих пор не могу забыть ту картину. На войне мы, конечно, всякого повидали, но такое... На другую ночь он явился в деревню. Тут его уже увидели все. Он спалил несколько наших домов, а после на чистейшем немецком потребовал, чтобы мы убрались отсюда, или он уничто-

жит всех. По дракону открыли огонь из всех стволов, но он выплюнул на нас еще одну струю пламени, сжег при этом несколько человек, и удалился.

Мейнард тут же, конечно, бросился причитать, что мы разгневали Великого Дракона и теперь, чтобы он не перебил нас всех, нужно принести ему жертвы.

Мы бы до такого абсурда, конечно бы, не опустились. Но было необходимо понять: он питает ненависть только к нашей нации, или вообще? Нам доставили пленников, самых разных. Оказалось, вообще. Он пожирал всех, не делая исключений ни по классу или национальности, ни по полу и возрасту, ни по политическим или религиозным взглядам.

Сознаться, нас это несколько воодушевило. Если это не ненависть непосредственно к нам, и при этом он обладает речью, значит, с ним можно договориться и прийти к каким-то взаимовыгодным отношениям. Мы искали способ...

Георгий, не скрывая неприязни, смотрел на них. «Да вы сами такие же чудовища, как и он. И если бы не автоматчик у двери, я тут же задавил бы вас голыми руками».

– Sie reden zu viel Wolf! – подал голос Готтард. – Komm zur Sache!

Вольфганг бросил короткий взгляд на командира и продолжил.

– После этого дракон ни на кого не нападал, а вскоре и вообще исчез. Мы даже думали, что он сменил место жительства, если это можно так назвать. Может быть, впал в спяч-

ку. Однако, желающих проверить не оказалось. Как бы то ни было, он не обнаруживал себя всю зиму и весну. И тут объявился. Дозорные заметили его кружащим над горой. Мы поспешили туда и увидели вас. Что мы должны думать? Что вы и есть дракон? А если нет, то почему он не тронул вас? И тогда как вы там оказались?

Лицо Георгия посерело. Значит, правда. Змей не был плодом разгоряченного болезнью мозга. До сих пор сложно было в это поверить.

– Я не дракон, если вы об этом. Обычный человек. Он притащил меня сюда, чтобы я что-то для него нашел.

– Что именно?

– Не помню. Он говорил про какой-то грам.

Эсэсовцы переглянулись. Готгард удивленно вскинул бровь.

– Wie könnte er das wissen? Dieses Spielzeug von Wirth ist wirklich interessant! Man muss sich schnellstmöglich mit Zentrum in Verbindung setzen. *(Откуда он узнал? Эта игрушка Вирта в самом деле представляет интерес. Нужно немедленно связаться с центром).*

Он поднялся, давая понять, что разговор закончен, и махнул рукой в сторону пленного.

– Пусть пока отдыхает.

У крыльца им встретился Вернер.

– В вашей инъекции нет необходимости. Он согласен сотрудничать с нами. Зря вы ругали Эрну, ей, похоже, удалось

добиться больше, чем вам.

У врача на этот счет было совершенно другое мнение, как это обычно бывает у всех врачей. Он не собирался останавливаться на середине. В стремлении доказать свою правоту, он был готов на все. Только хотел сделать это тихо и быстро. Без лишней боли и, главное, без лишнего шума. Только глупый русский выронил кружку со снотворным, которое он ему протянул под видом лекарства. Ну, ему же хуже!

Вернер, не церемонясь, воткнул шприц Георгию в плечо, и быстро ввел препарат. Он успел увидеть, как ширятся от боли его глаза, как сокращаются мышцы, и как по быстро чернеющим, набухающим венам, к сердцу проникает зараза. Это были обычные вещи. Но вот что он увидел позже, сверхъестественным ужасом парализовало его собственное тело.

Они покинули лагерь еще засветло. Ребята были удивлены таким ранним уходом, ведь планировали пробыть до вечера. Обычно, второй день был самым интересным, а здесь — полное разочарование! Даже не позавтракали!

Артем не стал объяснять причину. Просто отдал приказ собираться и назначил время. Он стоял возле своего рюкзака с невозмутимым видом, и наблюдал за сборами. Свои вещи

он уже давно собрал. Влад помогал собираться брату.

– Уже уходим, да?

– Уже уходим. Лучше не болтай, а помогай. Все уже почти собрались!

Ключи попутно занесли дяде Ване. Тот, несмотря на раннее утро, уже был на ногах. Первым делом он заявил:

– Велосипеды ночью брали? А чего ж не предупредили? Я уже стрелять собирался! Потом гляжу-вы! Ездили куда?

– Да нет, дядя Ваня! – заверил Артем. – Просто не спалось, хотел другу окрестности показать, а заодно и прокатиться.

– Понятно! – пыхнул сигаркой дед.

– Извини только, помыть не успели. А уже нужно уходить!

– Ясно! – повторил дед. – Набедокурили чего-то! Дом хотя бы цел?

– Цел, цел, дядя Ваня! Все цело! Просто дела срочные появились, поэтому и спешка такая. А за велосипеды не сердись, думали утром помоем, а тут такое!

– Думали они, думали, – ворчал дед им вслед. Но не злобно, больше так, для порядку. Артему он простил, даже если бы он их сломал.

По пути Влад договорился с Артемом после приезда встретиться у него. Закинув домой рюкзаки, он поел, помылся и, наказав Славке, чтобы никуда из дома не выходил, помчался к Артему. Тот его уже давно ждал, и коротал время

тем, что подбирал на гитаре аккорды какой-то лирической песни.

Влад прошел в большую комнату и по-турецки уселся прямо на ковер, делая вид, что разглядывает коллекцию оружия. Он был взволнован и взбудоражен явившемся ему откровениям, но знал, что в таком состоянии Артем разговаривать с ним не будет. Нужно успокоится, «приземлиться» как он говорит. Он вообще, по своему обыкновению, никогда не начинал разговора сразу, а подолгу смотрел умиротворенным и, будто бы, отрешенным от земной суеты взглядом. Умиротворял пространство. Не знаю, насколько это у него получалось с другими, но Влада, по началу, это страшно бесило и нервировало. Потом он свыкся с этой странной привычкой, и воспринимал ее теперь это как некий странный ритуал.

К сожалению, такая «беседа» могла длиться часами, и нужно ее было как-то ускорить. Влад не выдержал. Сходил на кухню и заварил зеленого чая. В маленьком китайском чайничке с зелеными драконами. Рука дернулась, наливая в него кипяток. Сколько раз пил из него чай и не обращал внимания на рисунок! Теперь же понял, что уже не первый раз за день видит нечто, так или иначе связанное с драконами. Пока ехал сюда, ему встретился парень с похожей татуировкой, у школьника на ранце была эмблема дракона, он проехал мимо ресторана «Красный дракон». А на Пушкинской? Там ведь тоже драконы поддерживают эркеры! Что

за напасть! Видели бы они настоящего дракона!

– Влад, послушай, как получилось? – донесся голос из гостиной.

Влад вернулся с двумя чашками в руках. Одну поставил на столик, рядом с Артемом, а со второй вернулся на исходную позицию, то есть опять на пол.

– Может, наконец, поговорим?

– А мы что делаем?

– Я серьезно! С тех пор как увидел этого мутанта, места себе не нахожу! Он точно нас узнал!

– С чего ты взял? На улице было темно, он смотрел со света на тонкую щель. Думаешь, что-то можно разглядеть?

– Кто знает, как у него зрение устроено? Я не думал, что вообще такое возможно, до тех пор, пока сам не увидел! К тому же он не бросился нас догонять! А это значит лишь одно! Он понял кто за ним следит, и уверен, что мы никуда не денемся. По крайней мере, меня он увидел точно, я это почувствовал!

– Не бросился он нас догонять по другой причине, – возразил Артем. – Во-первых, он понимает, что мы вряд ли кому-то расскажем, а во-вторых, не был уверен, что нас догонит, он ведь калека.

– В смысле?

– В том смысле, что все драконы умеют летать, а этот – нет. Дед его покалечил. Заметил, что он плохо управляется левой рукой? А с виду никаких повреждений нет.

– С костями, видимо, что-то не то.

– Вот именно, что с костями. Дед чуть не отрубил ему крыло. С тех самых пор он не может летать. Это сильно его должно мучать, если уж он пытается смастерить себе хотя бы искусственные крылья. Опять же, с детьми в самолетики играет. Это все от тоски по полетам. Дед тоже, когда ему летать запретили, несколько лет маялся, пока отдушину не нашел в коллекционировании холодного оружия. И как-то успокоился. Так ведь он простой легчик был, а это – дракон! Полет для него – все!

– Поэтому он убил твоего деда?

– Не знаю точно. Это – темная история. Сам хотел бы в ней до конца разобраться. Дед даже мне мало чего рассказывал, а моим родителям и подавно. Отец его сильно недолюбливал, считал «тронутым» войной, а мать жалела. Все из-за его рассказов. Пытался всех убедить, что драконы до сих пор живут среди нас, и что он даже убил одного или двух. Мне же все это было жутко интересно! Я верил каждому дедушкиному слову. Всегда с нетерпением ждал, когда мы поедем в Ленинград, чтобы послушать его рассказов и подержать в руках настоящее оружие. У него уже в то время была внушительная коллекция. Вот здесь, в этом доме, был закрытый музей. Широким массам его не освещали, но кто знал, приходил. Узкие специалисты, знатоки древностей, коллекционеры, работники органов и верхушка политбюро. Некоторые заходят до сих пор. По старой памяти. Им лишь не нравится,

что я повесил сюда еще китайских поделок и сувениров. Сетуют, что дедова коллекция затерялась среди этого китча. Но я делаю это намеренно. Чтобы меньше ходили. Они и деду, в свое время, жутко надоели. Кстати, хочешь, покажу его портрет?

Не дожидаясь ответа, Артем бросился в спальню, и вернулся оттуда со снимком в руках. Фото, размером А4 было вставлено в рамку, под стекло. Влад взял протянутую фотокарточку, и от взгляда на портрете ему стало не по себе. Отчего-то легкий холодок пробежал по телу. Вместо жизнерадостного парня, с лихо заломленной пилоткой, как обычно изображали военных летчиков в кино, на него смотрел абсолютно лысый мужчина, уже в годах, но с цепким, пристальным взглядом, подходящим более работнику НКВД. Казалось, его массивным, квадратным подбородком можно запросто колоть орехи. Нелегко было ужиться с ним, теперь он понимал отца Артема.

– Георгий Иванович Коваленко, мой дед, – не без гордости произнес Артем. – Он рассказывал, как во время войны попал в плен, и немцы над ним ставили опыты. После них он и полысел. Из всей растительности на теле остались лишь ресницы и брови. Сначала он из-за этого комплексовал, а потом только смеялся. Говорил, как в салоне красоты побывал. Только теперь за это бешеные деньги платят, а ему немцы сделали все бесплатно. Один раз, но зато на всю жизнь! Уже в то время умели делать! – Артем с ностальгией поднял гла-

за, наверное, вспоминал, как дедушка это говорил. Влад же не без зависти подумал, хорошо, когда в жизни есть, или, хотя бы был, такой дедушка, как у Артема. Дедушка у Влада был, умер несколько лет назад, но был он самый обыкновенный, ничего про войну не рассказывал. Да и вообще, его ничего не интересовало, кроме грядок. А тут дедушка – целый герой!

– А как он из плена освободился? – спросил Влад. – Наши спасли?

– Нет. Сам сбежал. Три месяца добирался до своей части. Его уже считали без вести пропавшим. И жене успели прислать письмо. Но он появился и принес какую-то секретную информацию. Мне он не говорил об этом. Это мама уже рассказывала. После этого его забрали в НКВД, тоже какое-то время держали там, а потом предложили у них работать с повышением звания. Он остался.

После войны они с бабушкой переехали в Ленинград, на эту самую квартиру. Он уже начал собирать коллекцию, но в то время у него было всего с десятков экспонатов. Добился у руководства перевода в ГДР и уехал туда работать на шесть лет.

– Они всей семьей туда переехали?

– Нет. Мама еще тогда в школу ходила. Да и у деда наверняка какие-нибудь секретные поручения были. Один ездил. Планировалось на год, а получилось вот так. Зато, когда он вернулся в пятьдесят третьем, ему сразу подполковника вру-

чили. Ну, и коллекция значительно пополнилась. После этого его еще три раза в Германию отправляли, но уже на более короткие сроки.

– Ладно, это понятно! Но как он про драконов узнал? И из-за чего они с Региным сцепились?

– Про драконов он узнал во время войны. И, подозреваю, что та «секретная информация» была как-то с этим связана. И командировали его в Германию именно из-за этого.

Перед смертью дед вел себя крайне странно. Плохо себя чувствовал и настоял, чтобы я приехал присматривать за ним. Мать хотела остаться сама, но он убедил, что меня будет достаточно. Меня оставили, несмотря на начало учебного года. Должен сказать, я очень радовался по этому поводу. Во-первых, я пропускал школу, а во-вторых, очень любил деда и был в предвкушении от бесед с ним. Без посторонних ушей он мне рассказывал намного больше.

Артем прервал рассказ и подошел к окну. Уставился сквозь стекло на серый город.

– Он, конечно, много мне тогда рассказал. Намного больше, чем я готов был услышать. Ведь тогда я еще был по-детски категоричен, и многое, из того, что мне открылось, не мог простить. Сейчас я об этом жалею. Время тогда было другое, жесткое. Требовало моментальных, решительных действий. Слабые и рефлексирющие не выживали.

Я прожил у него всего одну неделю. Но после этой недели мое детство кончилось. Дед, видимо, предчувствовал гибель

и пытался рассказать мне все, насколько это было возможно. Не знаю, все ли из того, что он рассказал, было правдой. Склонен считать, что все. До этого он никогда меня не обманывал.

Как я уже сказал, все это время находился при нем. Даже тогда, когда мне хотелось бросить ему в лицо резкие слова и сорваться домой. Ночами плакал в подушку. Я всегда привык считать деда героем, но теперь узнавал его и с обратной стороны. Я пребывал в царстве иллюзий, а меня безжалостно оттуда выдернули.

Он был очень болен, и здоровье его ухудшалось день ото дня. Причем, проявлялось это скачкообразно. Два дня он мог метаться в постели и бредить, а на другой день быть уже в приподнятом настроении, бодрым и подтянутым. В такие дни он собирался и уходил. Я не мог помешать ему, как ни старался. Пытался проследить, но он всегда узнавал, когда я пытался это сделать. Я голову ломал, где он бродит, переживал, что не вернется. Но он всегда возвращался к шести. Я не знал радоваться этому или огорчаться, ведь начиналась новая попытка.

Как-то в бреду он звал одну женщину. Не помню ее имени, какое-то немецкое. И в один из дней, когда он вернулся, я осмелился и спросил его прямо с порога, кто это? Он сразу посерел. Сказал, что у меня мог быть дядя, но дракон погубил его и его мать. После этого он прошел на кухню, не раздеваясь, и разгромил всю посуду, что там была, и напоследок

сломал стол. Потом два часа сидел на полу, посреди этого бедлама. Наконец, встал и вышел. Вернулся домой с кружками и тремя бутылками водки. Как содержимое бутылок было приговорено, он и рассказал мне про Регина. Имя тогда у него было другое. Сказал, что недавно встретил его на улице и что все скоро должно закончиться. Действительно, так и произошло.

Как сейчас помню тот субботний вечер. Я сидел в этом углу на этом самом кресле, поджав под себя ноги, и пытаюсь вникнуть в книгу. Сколько не пытался, никак не мог сосредоточиться на чтении. Глаза скользили по строчкам, но смысл написанного ускользал от меня. До сих пор не люблю эту книгу. «Черная стрела» Стивенсона. Хотя, если спросишь, о чем она, я тебе даже не смогу рассказать. Я прислушивался к шагам деда, расхаживавшего по комнате, заложив руки за спину. Он сопел и хмурился. Я же старался не смотреть в его сторону. По телевизору шли какие-то новости, но звук был сведен почти на минимум. И в этот самый миг раздался телефонный звонок. Резкий, громкий, трескучий. Дед вздрогнул, посмотрел на меня. Я посмотрел на него. В его глаза, впервые за тот день. Сколько же в них было усталости и тоски. И еще, мне показалось, или действительно, в них промелькнула тень страха. Но если это и было, то лишь на мгновение. Дед моментально подтянулся, расправил плечи, и, как будто, помолодел лет на двадцать. Казалось, что именно этого звонка он и ждал, и это ожидание его мучало.

Звонили настойчиво и долго. Дед помедлил, снимая трубку, поднес к уху. До самого конца не проронил ни слова. Только слушал. Я тоже слышал доносящийся из трубки мягкий голос, но разобрать не мог ни слова. Скорее всего, говорили по-немецки. Когда же дед положил трубку, я попытался спросить, кто это был, но лишь взглянул на него, и мне стало страшно. Таким деда я еще никогда не видел. Кажется, он мог убить одним только взглядом.

– Значит завтра.

Это единственная фраза, которую он произнес. Он ушел на кухню и долго там сидел в темноте. Я не решался зайти к нему. Но, когда я собирался ложиться спать, он зашел ко мне со свертком в руке. Молча развернул его на столике, и моим глазам предстал еще один экземпляр, небольшой, с сильно затертой рукоятью. Прежде я его в дедовой коллекции не видел. Хотя знал каждый его меч.

– Осторожно, очень острый, – предупредил меня дед. – Хотя лучше, вообще его не трогай. Не принесет он счастья, как не принес и мне. Злые руки его делали.

Дед смотрел мне в глаза, следя за реакцией. Я же не мог скрыть своего любопытства и непонимания. Зачем дед мне его показывает, хотя раньше скрывал от моих глаз? И что в этом мече такого необычного? Выглядел он невзрачно, многие экспонаты смотрелись намного лучше. Этот же многие годы пролежал где-то в пыли, наглухо обернутый грязным куском ткани. Сейчас он выглядел не оружием, а муми-

ей, тенью от меча. Тусклый, грубо выполненный, и какой-то плоско-безжизненный.

– Проголодался, – промолвил дед. – Ему тоже нужно есть. Давно я его не вынимал.

Он протянул руку, и положил ее на эфес. Тот час же меч вздрогнул, как живой. Или мне это только показалось в свете торшера. Но лезвие меча немного прояснилось.

Дед отпустил эфес.

– Он за ним пришел.

– Кто, – переспросил я.

– Хозяин.

Артем отхлебнул остывшего чаю, посмотрел на Влада, и измученно улыбнулся.

– Я не сомневаюсь теперь в том, что это был Регин. Все указывает на это. Он мне тогда еще намекал. И имя это, которое стало фамилией...

Дед вынес из спальни толстую, пропитанную пылью книгу, от которой сразу засвербело в носу, и развернул ее на заложенной странице. Там были чудесные гравюры Йоханнес Генца, и еще она была на немецком языке. То были легенды и предания северных народов. С открытой страницы, выведенное высоким, готическим шрифтом, бросалось в глаза название «**Die Legende von Gram, das Schwert von Sigurd**».

– Читай отсюда, – дед указал пальцем место.

Я хоть и изучал в школе немецкий, и дед мне здорово помогал в его овладении, я все же с трудом смог совладать с переводом. Вкратце, там было следующее:

«Первоначально этот меч находился у Одина. Однажды, когда в зале конунга Вельсунга был пир, туда вошел человек в плаще, кривой на один глаз, с мечом в руках. Все сразу признали в нем Одина. Он подошел к огромной яблоне – родовому дереву, росшему посреди залы, и вонзил в неё меч. «Тот, кто вытащит его, будет иметь лучший меч, который когда-либо видели», – сказал он и исчез.

Никто не мог вынуть его оттуда, кроме Сигмунда. Этот меч мог рубить камень, и этим же мечом Сигмунд убил дракона, пригвоздив к скале. Потом этот меч был сломан в бою, встретившись с копьем Одина. Обломки меча умирающий Сигмунд передал жене, чтобы из них был скован меч для его сына, Сигурда».

– И что же, – спросил я у деда. – Думаешь, это тот меч?

– Не совсем, – ответил он. – Ты же читал, что тот меч сломался, и из его обломков был создан новый. Но уже оскверненный новым создателем. Недаром он носит имя Грам, что значит Враждебный. Все, кто владел им, погибали. И, может быть, будет лучше, если этот меч будет уничтожен. Завтра я отнесу его и забуду про все. Пусть будет, что будет.

– Дед, если этот меч – зло, то тогда, тот, кто хочет его

уничтожить – за добро?

Дед смеялся до слез. Я тогда не понял почему, он ничего мне не ответил. Я тогда был еще слишком наивен, чтобы понять.

– Этот меч был создан единственно для братоубийства, после чего он должен был быть либо надежно схоронен, либо сломан. Но этого тогда не допустили, и позже этим мечом умертвили не одного дракона. Может быть, теперь уже нужно поставить точку?

На следующий день дед не говорил ни о мечах, ни о драконах. С самого утра вел себя как всякий добропорядочный дедушка. Мы гуляли в парке, стреляли в тире, ели мороженое и прочее. Я был очень рад, что он взялся за ум, тешил себя мыслью, что когда он вернет меч, мы всегда будем так жить. Просто и весело. Когда пришли домой, дед помылся, побрился, как на свидание. Что-то даже напевал. А в четыре часа ушел. Просто взял сверток с мечом и вышел.

Когда на пороге дед взглянул на меня, я почувствовал что-то неладное, но не предал этому значения. Сел перед телевизором, чтобы скоротать время до его возвращения. Он обещал вернуться к шести, как обычно. Закончилось кино, я прошатался по комнате еще полчаса. Минутная стрелка ползла на начало восьмого, а деда все не было. Я растревожился не на шутку. Позвонил маме, она меня успокоила, утверждая, что дедушка скоро придет, что такое поведение в его

характере. Прошло еще полчаса, и час, а деда все не было. На улице неумолимо темнело. И чем темнее становилось, тем сильнее росло мое беспокойство. Я не мог усидеть на месте. Чувствовал, что что-то случилось. В десять вечера позвонила мать и чуть не плача сообщила мне, что бабушки больше нет, и что она немедленно приезжает, чтобы я не делал глупости и никуда не выходил.

Я положил трубку. Спокойно и ровно. «Его больше нет», – единственная мысль стучала в черепную коробку, а я все не мог впустить ее в себя, не мог принять. Только что был, а теперь нет. И больше не будет! Никогда! Слезы навернулись на глаза.

Ты не поверишь, но я пошел на кухню, в которой уже не осталось целой мебели, раскрыл холодильник, и стал есть оттуда все, что попадалось на глаза. Не помню уже что, но я ел и ел, и это помогало совладать с болью в душе. До приезда матери я не мог узнать, что же случилось. А она доберется сюда только к утру. Я подумал, что забытье во сне поможет смириться с мыслью о потере. Пошел в спальню, и, не раздеваясь, рухнул на его постель. Все равно мне уже никто ничего не скажет. Потянул одеяло на себя, и случайно обнажил то, что оно прикрывало до этого. Тот самый меч. Дед все-таки его не взял.

– Получается, из-за него его и убили?

– Вероятно. Но если дед решил, что важнее сохранить меч, чем свою жизнь, значит, знал, что делал! Теперь, когда

меч у меня, я должен довершить то, чего не успел дед.

– Убить Регина?

– Убить дракона. Для этого меч и был создан. Чтобы убивать им драконов!

Артем замолчал, и Влад воспользовался затянувшейся паузой, нерешительно спросил:

– И ты уже убивал?

– Нет. – Артем был категоричен и резок. – Регин будет первым, но, клянусь, не последним!

– Ты говорил, что меч был выкован для братоубийства?

Вместо ответа Артем подошел к книжному шкафу и достал с полки тонкую, потрепанную книжицу. Протянул ее Владу.

– Норвежские и тевтонские предания. На русском. Прочитаешь, все поймешь. Там ясно сказано, что Регин его ковал, чтобы убить брата. И он отправил его на тот свет руками Сигурда. Теперь черед пришел за ним самим. Только роль Сигурда будем играть мы.

– Ты полагаешь, что это *тот самый* Регин?!!

– Возможно. Может быть и потомок. Не важно! В любом случае, он должен ответить за свои дела.

Я тебе не рассказывал – деда нашли в заброшенной части «Красного треугольника» на Обводном. Проникающее ранение в сердце. Удар был нанесен со страшной силой чем-то узким и длинным. Орудие преступления так и не нашли. Так, как пропала дорогая вещь, которая у него была с собой, след-

ствие предположило, что он пал жертвой ограбления, хотя ничего другого, даже кошелька, взято не было. У меня долго спрашивали с кем дед говорил в последнее время, какие имел планы... Но, в итоге, убийцу так и не нашли... Но теперь-то я знаю кто это. Что это за зло. И не собираюсь с этим мириться. В последний раз спрашиваю, ты со мной в этом деле? Пойдешь ли до конца? Потому что потом отказываться будет поздно.

– Я с тобой! – не раздумывая выпалил Влад. – Кто-то должен остановить его. И если не мы, то кто?

Артем с благодарностью взглянул на товарища и скрылся в комнате.

– Хочу познакомить тебя с Грамом.

Артем вернулся с мечом в руке. Он совсем не походил под данное ранее описание, напротив, меч казался живым, льдистым, хладномерцающим, и совершенно безжалостным. Артем и сам выглядел героем былого, когда люди творили деяния во славу богов, а после этого, тем же самым богам, бросали вызов.

Наверное, чтобы не допустить ни малейших сомнений в подлинности легендарного оружия, а может быть и потому, что заиграла кровь, Артем без слов подошел к журнальному столику, и как дед прежде, развалил его на части взмахом меча.

– Теперь ты веришь?

Вокруг была темнота. Интересно, ослеп он, или вокруг действительно так темно. Ни рук, ни ног не чувствовалось. Лишь головокружение, тошнота и глухие удары в висках. Постепенно впереди обозначилась узкая полоска света. Не ослеп, уже ладно! Но какой дрянью его укололи? И где он теперь? То, что он больше не в больничном доме, это ясно. Он попытался протереть глаза, но, оказалось, руки крепко пристегнуты к стене металлическими браслетами. Значит, камера! Неужели, игры закончились?!

– Эй! – хотел крикнуть он. Но вместо этого из глотки вырвались хрипящие гортанные звуки. Он напряг голосовые связки, сглотнул, и повторил попытку.

– Эй!

На этот раз получилось. Загорелся свет, и Георгию удалось оглядеть свои новые апартаменты. Небогато. Комната четыре на четыре. Серые бетонные стены, и тусклая лампочка Ильича на потолке. В прошлых покоях ему нравилось значительно больше. Несмотря на мельтешение доктора.

С железным скрипом отворилась дверь. Солдату, что тянул за ее ручку, пришлось поднапрячь мускулы, толщина ее составляла не менее пятнадцати сантиметров. Какое-то бомбоубежище!

В камеру вошел Готгард. Он не стал подходить близко, остановившись почти у двери.

– Надеюсь, вы не обижаетесь на нас за это? – Готтард кивком указал на оковы. Говорил он теперь сам, на русском языке, с сильнейшим акцентом, но все-таки без посредства переводчика. Снизолел, стало быть. – Мы вынуждены предпринять такие меры, исходя из того, что вы сотворили с доктором Вернером. И, вдобавок, чуть не разрушили госпиталь.

– Что? – голос Георгия был все еще хрипл, и слова с трудом спрыгивали с языка. – Что я с ним сотворил? Он уколол меня чем-то.

– Да, уколол, – оберштурмбаннфюрер не стал отпираться. – Но, поверьте, это была его собственная инициатива. Он имел строжайший запрет на апробирования своих медикаментов на вас. Но нарушил указания, за что уже расплатился жизнью.

– Я убил его?

– Это мягкое слово для того, чтобы описать что вы с ним сделали. Его пришлось хоронить в закрытом гробу. За убийство офицера СС вас следовало бы моментально расстрелять, независимо от того, насколько вы правы. Однако, мы этого не сделали. У нас с вами осталось одно незавершенное дело, и мы намерены довести его до конца. Если вы все еще готовы к сотрудничеству.

Георгий ничего не ответил, и это было моментально расценено как согласие. Готтард кивнул стоящему у двери, и на порог шагнул Вольфганг. Он благоговейно внес на руках небольшой меч, остановившись возле командующего.

Готтард внимательно следил за мимикой пленного, но не заметил и малейшей реакции узнавания.

– Посмотрите внимательно, – произнес он. – Это то, ради чего вы пришли?

– Что это? – удивился Георгий.

– Меч. Грам. Видели ли вы его уже раньше?

– Нет.

– Тем не менее, это он. Сегодня вы пойдете на гору, и скажете, что меч вами найден, и что мы согласны передать его на некоторых условиях. Условия мы оговорим позднее. Сейчас вас освободят, принесут воду и мыло, приведите себя в порядок. Только не вздумайте вытворить что-нибудь. В вас будут стрелять без предупреждения.

Сухо отдав распоряжения, Готтард развернулся и направился к выходу.

– Я распоряжусь, чтобы вас расковали. Если вы уже можете владеть собой.

– Владею. Можно тогда еще бритву с зеркалом? – если уж нагнать, то до конца. – Побриться нужно.

Готтард раздраженно обернулся, надменно окинул взглядом пленного и поджал губы.

– Хорошо, будет вам бритва.

Сказал он это, уже выходя за дверь. Вольфганг последовал за ним.

Когда дверь закрылась, Георгий, наконец, получил возможность рассмотреть себя получше. Все его тело с ног

до головы оказалось покрыто запекшейся кровью. Неужели ее столько может быть в одном человеке? То, что это не его кровь, не вызывало никаких сомнений.

Георгий пытался прокрутить в голове события, приведшие его в каземат, но ничего существенного вспомнить не мог. Когда доктор воткнул в него шприц, несмотря на парализующую боль, ему все-таки удалось освободить руку, и вцепиться тому в шею. И это было все.

Отложив воспоминания на потом, он попытался проанализировать текущий ход событий. Готтард разговаривал теперь с ним, как с завербованным агентом. С одной стороны, это хорошо, с другой – плохо. Неужели вся эта катавасия заварена исключительно ради этого меча? Обычного куска железа? В это трудно верилось. Но, может быть, гестаповцы ошибаются, и дракон имел в виду нечто другое? Это мы сегодня выясним. Кажется, змей говорил, что я должен узнать его? Я его не узнал.

Влад возвращался домой несказанно уставшим, хмурым. Низкое свинцовое небо и морозящий дождь тоже не добавляли оптимизма. Они проговорили с Артемом дотемна, но ничего конкретного не надумали. То, что нужно избавить мир от чудовища, не вызывало сомнений. Только как это сделать вдвоем, без помощи взрослых. На меч он мало расчи-

тывал. Трюки с разрубанием мебели не убедили его. Правда, Артем утверждал, что меч должен так же рубить железо и камень. Но, конечно, он никогда не пробовал это делать. Это понятно. Ломать меч или портить его не хочется, ведь легенды могут преувеличивать. И ошибаться. Точно так же может ошибаться и Артем. Весь его рассказ нереален. Многие вещи не сходятся. Ведь если Регин охотился за мечом, и дед ему его не принес, то все равно он должен быть понять, где меч находится. В крайнем случае, при его возможностях, он мог забраться в квартиру и обыскать ее. Ничего подобного, опять же, исходя из рассказа Артема, не происходило. Это уже, как минимум, подозрительно. Меч спокойно пылился столько лет где-то за шкафом, или под кроватью. Никто на него не покушался, и никто не охотился. Так в мече ли дело? Или Артем что-то скрывает?

Дверь открыла мама. Она была в фартуке, видимо возилась на кухне. Оттуда разносился умопомрачительный запах пирога.

– У нас гости! – заявила она. – Сан Саныч зашел. У них какой-то грандиозный проект в школе, посвященный дню авиации. Они со Славиком сейчас активно обсуждают это.

Влад опешил. Проникновения врага в лагерь он никак не ожидал. Не предвидел. Сначала думал бежать, пока не разделся. Даже дернулся, но вовремя остановился. Как же он бросит родных? Они ведь ничего не знают! Для чего он пришел? Голос предательски дрогнул:

– Разве день авиации не прошел в августе?

– Не знаю. Вот как раз и спросишь у учителя. Он тебя хочет привлечь к этому. Даже отец обещал помочь.

Цепеня, Влад прошел на кухню. На диванчике у стола сидел Регин. Скромно пил чай. Рядом вертелся Славка, хватаясь книжками по авиамоделированию.

– Влад, почему ты никогда не говорил, что Сан Саныч такой страстный футболист? – Оживленно спросил отец. Он сидел тут же, рядом. – Оказывается, он лично знаком с Овчинниковым! Такие истории про него рассказал! И еще обещал подарить нам мяч с его автографом!

– Здорово! – это все что мог выговорить Влад, перед тем, как опустить взгляд в поднесенную матерью тарелку с супом. Он не хотел встречаться с трудовиком глазами, иначе бы тот сразу все понял. Или он уже понял, и поэтому пришел? Еще Влад боялся, что если он поднимет голову, то наткнется на тот самый жуткий немигающий взгляд.

Он не поздоровался с гостем. Отец это заметил, но ничего не стал говорить. Спасибо. А вот мать влезла.

– А «здравствуйте» тебя не учили говорить?

– Здравствуйте, – буркнул Влад, так же не поднимая головы.

– Ничего страшного, – засмеялся трудовик. – Возраст такой. Старые ценности и авторитеты уже свергнуты, а новые еще не найдены. Весь мир кажется устроенным неправильно и душа требует бунта.

– Ну, уж не скажите, Сан Саныч, – вмешался отец. – Мы ведь с вами такими не были! В их-то возрасте мы и подумать не могли, что можно нагрубить взрослому, а тем более учителю. Или не поздороваться! А тем более нахамить!

– O tempora! O mortis! Этому еще Цицерон ужасался! Но, слава Богу, ваш сын еще не такой! Вот в его возрасте, здоровые уже шалопаи, лезят по дачам, просто так ломают там мебель, устраивают погромы.

Влад чуть не подавился. Знает! Наверняка знает! Иначе зачем бы он заговорил сейчас про дачи? Он с трудом заставил себя проглотить застрявшую в горле картофелину. Еда не лезла в горло. Но если прекратить есть, обязательно придется посмотреть на своего визави. Лучше уж проталкивать ее понемногу, и делать вид, будто ничего не случилось.

– К нашим соседям на днях залезли. – продолжал Регин. – Ничего не взяли, но все что нашли, все изломали. Посуду разбили, стулья, столы. Даже кровати раскурочили. Вот скажите мне, для чего?

– Да уж, – вздохнул отец. Свою дачу они с матерью уже давно продали. Некогда ею заниматься. Но вот от соседей он слышал всякого. – Я считаю, что от безделья все это. Вот уж где поистине – дурная голова рукам покоя не дает. Это очень правильно, Иван Алексеевич, что занимаетесь с детьми. С детства прививаете им какой-то интерес. Все будут меньше перед телевизором торчать и ерунду всякую смотреть! Ведь что же сейчас показывают! Это ужас! Кана-

лов тьма, а смотреть нечего! Вот раньше был всего один, зато какой! Всей страной смотрели. А голубые огоньки?!

Воспользовавшись моментом, когда взрослые были увлечены разговором, а, следовательно, на него не смотрели, Влад решил поднять глаза. Голова трудовика, действительно, была повернута в сторону отца. Казалось, он внимательно слушал. На его лице сейчас не было ничего сверхъестественного. Обычное человеческое лицо уверенного в себе мужчины. Оно даже вызывало некоторую симпатию и расположение. Это лицо он знал уже много лет подряд. И не случилось ли так, что под влиянием рассказов Артема, он увидел то, что тот хотел. Не было ли это наваждением? Может быть то, что он увидел в сарае, видел только он? Артем ведь не делился увиденным. Просто Влад полагал, что они должны были видеть одно и то же. И это Влад испугался, Артем же не выказывал никакого страха. А это было бы невозможно.

Чем больше Влад смотрел на Регина, тем сильнее эта мысль укреплялась в его голове. Он уже был готов смеяться над своими недавними страхами. Это же надо было поверить в такую чепуху! Любой здравомыслящий человек рассмеется ему в лицо, если он расскажет подобное. И, между прочим, будет прав!

Регин заметил пристальный взгляд Влада, повернулся и улыбнулся ему. И Влад даже не отвел глаз. Улыбнулся в ответ. На душе стало легко и хорошо. Какой же он дурак! По-моему, Артему нужно лечиться. Не нужно было остав-

лять подростка наедине с выжившим из ума стариком. Это не прошло для него бесследно.

– Кстати, Влад, – произнес неожиданно Регин. – Я ненароком услышал, что ты спросил. Действительно, день авиации мы уже пропустили. Он проходит в августе, а в школе как раз каникулы. Дети разъезжаются, кто куда. Но вот день создания военной авиации, мы как раз отпраздновать можем. Это тем более мне близко. Мой отец был военным летчиком. Сейчас у нас идет большая подготовка, задействованы все кружковцы, но помощь взрослых мне тоже очень пригодиться.

– Александр Александрович готовит большой парад самолетов, – вмешался Славка. – Мы поднимем в воздух все модели, что у нас есть. Даже мой С-22 доведем до ума.

– Обязательно доведем, Слава, – успокоил его Регин. – Так же к нам приедут с других клубов нашей и Московской области. Ожидается, что будет более ста человек. Нужно будет встречать их, размещать. Провести экскурсии. На это уйдет несколько дней. Сможешь ли ты мне помочь в этом вопросе?

– Не знаю, – смутился Влад. – Чем я смогу помочь?

– Работы будет море, обещаю! – рассмеялся Регин. – Было бы желание!

– В таком случае, помогу.

– Ну и здорово! По рукам?

Трудовик протянул сухую крепкую руку через стол, и Влад

был вынужден позвать ее.

– По рукам! Кстати, я приглашаю вас к себе на кружок. Мне Славик рассказывал, как вы хотите ходить ко мне. Вы и ваш друг... забыл его имя...

– Артем.

– Да, Артем. Почему же вы сами не пришли ко мне? Заставляете все делать младших?

«Когда же Артем успел сказать Славке? Ведь я же еще не давал окончательного согласия!»

– Боялись, что не возьмете, – пришлось оправдываться Владу. – Помните, тогда же не взяли!

– Ну! – хохотнул Регин. – Вспомнил! То был другой случай! Вы говорили не о кружке, а о замене учителя. А это уже совершенно другое!

С этими словами Регин приподнялся и спросил:

– Можно нам посекретничать с вашим сыном?

Мать за стол со всеми не садилась. То крутилась у плиты, то подавала на стол, и сейчас спокойно обронила:

– Конечно можно. Пройдите в его комнату.

Отец молча кивнул.

Оставаться наедине с Региным не хотелось. Еще не до конца прошел страх, что нагнал на него Артем. Естественно, он сейчас будет читать мораль, говорить, как нехорошо лазить по чужим дачам, что непристойное занятие и прочее, и прочее. Но, в любом случае, лучше это выслушать лично, без присутствия родителей.

Трудовик зашел в комнату последним и прикрыл за собой дверь. На мгновение стало жутко, но Влад усилием воли подавил в себе последние остатки страха. Что он может сделать в его же собственном доме? Тем более, когда все дома?

Выражение лица трудовика было серьезным и озабоченным.

– Я хотел поговорить с тобой об Артеме, – начал он. – Он очень странный мальчик. Давно наблюдаю за ним. Он постоянно вертится вокруг школы. Хотя, чтобы он на кого-то напал или отбирал деньги у школьников, такого не замечалось. Хотя... Я наводил о нем справки. Отзывы только положительные. Но ты ведь знаешь, в тихом омуте черти водятся. И я не могу ручаться за него. Тем более, как я узнал, он пережил глубочайшую психологическую травму в детстве. И во что она выльется – еще не известно. В любом случае, его нужно держать под контролем. Чтобы успеть предпринять необходимые меры, если вдруг что-то случится. Скажи мне, вы давно знакомы?

– Нет... мы общаемся меньше месяца.

– И ты ничего не замечал за ним странного?

– Ну... было пару раз...

– Что необычного ты видел? Он что-то говорил? Заставлял тебя делать?

– Нет. Просто он помешан на холодном оружии и одержим идеей найти убийцу своего деда. Его деда убили. Зарезали прямо на улице.

– Да, это очень тяжело пережить. А тем более, принять. Теперь он винит себя в его смерти, и, чтобы оправдаться, ищет преступника.

Действительно, как такая мысль ему самому не пришла в голову? Ведь это так логично!

– Будь очень осторожен с этим, – предупредил Регин. – Он может найти кого-нибудь более-менее подходящего под описание, и захочет свершить, как ему кажется, справедливый суд. В конце концов, из-за мальчишеской горячности он кончит свои дни за решеткой. Как, впрочем, и ты. По соучастию. Не потакай ему в этом. Здесь нужно подойти с умом, и я помогу вам. Прежде всего, нужно будет разузнать об этом деле как можно больше подробностей. Ты собирал какие-нибудь дополнительные свидетельства, материалы?

– Нет...

– Нет!!! Вот это друг! Мой бывший ученик работает в прокуратуре, постараюсь что-нибудь разузнать через него. Обо всем, что мне станет известно, я буду держать тебя в курсе. От тебя я прошу того же. Если заметишь что-то подозрительное в поведении Артема, сразу сообщай мне. Ты понял? Не оставайся один на один с этой проблемой. Только вместе мы сможем ему помочь.

Влад кивнул в ответ.

– Приходите с ним на занятия послезавтра. Познакомимся поближе. Хорошо?

Не этого ли хотел Артем?

– Конечно придем!

– Кстати, ты говорил, он большой ценитель холодного оружия? Передай ему от меня небольшой сувенир. Как-то у меня гостил один знакомый, тоже видный знаток оружия. Так вот, в качестве благодарности, он оставил мне вот эту вещь.

Регин вынул из-за спины обломок сабли. До сей поры его скрывал пиджак, но, тем не менее, почему его никто не заметил раньше?

– К сожалению, она сломана, и я, к своему стыду, даже не знаю, как она правильно называется. Не любитель подобного. Но то, что это настоящее, сомневаться не приходится.

Иван Алексеевич протянул оружие. Эфес сохранился почти в идеальном состоянии. Выполненный из кости или из рога, он имел деревянные накладки-щечки. Весьма, кстати, затертые. Местами проступала не слетевшая до конца позолота. На навершии красовалась искусно вырезанная голова орла.

Влад принял протянутый остаток сабли и залюбовался ею. Можно представить, какая это была красота, когда она была новой. Или, хотя бы целой. Теперь от клинка оставалось лишь сантиметров пятнадцать.

– Мне она все равно ни к чему, – произнес Регин. – А Артем может заценит.

Он направился к выходу и сказал так, чтобы слышали родители на кухне:

– Значит договорились? Завтра вместе с Артемом и Славкой встречаемся на занятиях?

– Конечно! – также громко отвечал Артем, пока прятал в стол подаренный эфес.

– Какой хороший человек! – произнесла мать, когда за гостем закрылась дверь. – Думаю, нашим детям повезло встретить на своем пути такого учителя!

Славка был с этим совершенно согласен.

Отец же, мысленно, уже держал в руках футбольный мяч с личным автографом Овчинникова, и мечтательная улыбка блуждала на его губах.

Спектакль был назначен на сегодня. Влад вспомнил об этом только с утра. Он хотел передать эфес как можно скорее, но подумал, что лучше будет сделать это после спектакля. Выйдет, как бы, поздравление с премьерой! Поэтому не стал торопиться. Спокойно отвел Славку в школу, отсидел на всех парах. Даже у Антибиотика, хотя тот язвительно высказал: «Что, Влад, больше не участвуете в представлении? Сейчас все на репетиции. Очень интересно знать, тогда какую вы помощь оказывали?»

Влад ответил что-то невпопад. Сейчас реакция Антибиотика его совершенно не волновала. Все его мысли поглощала предстоящая премьера Артема (он переживал за друга), и раздумывал о том, как он преподнесет ему эфес. Вернее,

как Артем к этому отнесется? Примет ли, если узнает, что это от Регина? Может, вообще не стоит его передавать? Он протерзался сомнениями так, что не заметил, как пролетели все пары. Тем более, из-за спектакля их немного сократили. Влад наспех побросал учебники в рюкзак, но так, чтобы не слишком «светить» эфесом, и поспешил в актовый зал, чтобы успеть занять место поудобнее. Вход был свободным, и зрителей обещало быть много.

Еще за две недели до начала спектакля в холле университета вывесили афишу. Ее мастерски оформил Евгений Лебедев, парень с четвертого курса. Он мечтал стать художником, но пошел учиться на энергетика. Истосковавшись по кисти, он выплеснул в афишу всю душу. Даже портреты героев вышли как настоящие. На переднем плане с решительным видом стоит мужчина, похожий на Артема, свободной рукой обнимая прекрасную девушку, прильнувшую к его плечу. На холме, позади них – мрачный город, накрытый тенью нависающего над ним дракона, из пасти его вырывается бушующая струя пламени. Горят трава и деревья, и огонь отражает длинное лезвие острого клинка. Красные горящие буквы наверху гласят: «**Дракон (по Е. Шварцу)** и ниже в скобках: (в постановке А. Коваленко). В общем, весьма эффектно! Эта картина привлекла немало желающих.

В зале, действительно, был аншлаг. Преподаватели и гости заняли первые ряды, а все остальное пространство плотно забила студенческая братия. К сожалению, поместились

не все желающие. Их утешили тем, что в случае успеха пьесу повторят еще раз, и они обязательно ее увидят. Влад, к своему разочарованию и ошеломлению, попал именно в эту группу. Он задержался, столкнувшись нос к носу с Дашей Дремцевой, своей бывшей.

До сегодняшнего дня ему удавалось избегать с ней встреч, но даже когда они все-таки встречались, она гордо и независимо проходила мимо. Молча! А тут ее понесло! Надо же было именно сегодня натолкнуться на нее! И именно сегодня ей понадобилось высказать ему все, что она про него думает. Со скандалом, истерикой, слезами. Все, как полагается! В общем, неприятная сцена.

Потом по пути встретились знакомые. Они передали, что спектакль уже начался и никого больше не впускают. Он все равно пошел, рванул на себя дверь актового зала и уперся в спину Антонине Павловне. Она строго взглянула на Влада и молча закрыла дверь перед его носом. Стало обидно до чертиков! Надо же было этой Дашке проходить там именно сегодня! Влад отошел от двери к окну и прижался к батарее. Слезы чуть не брызнули из глаз.

– Да пошли вы все со своими спектаклями, – в сердцах воскликнул он, развернулся, чтобы уйти, но не успел.

Дверь снова отворилась и из зала вышел Регин с папкой в руке. Что он тут делает?

– Влад, ты-то мне и нужен! Уже не думал тебя найти – народу море! Кстати, постановка весьма неплоха! И декорации

на высоте! Как в профессиональном театре! Но не об этом, ты разузнал что-нибудь по делу?

Влад лишь отрицательно покачал головой.

– Ну, а я разузнал кое-что! Помнишь, ты говорил мне, что убийцу так и не нашли? Получается, он тебе не все сказал? Впрочем, на, читай сам.

Он вытащил из папки пожелтевшую газетную вырезку и протянул ее Владу.

– Это мне дал Иван Андреевич Бубнов, друг и сослуживец Георгия Коваленко. Он остро переживал смерть друга и следил за всеми продвижениями в этом деле. Интересный дед, мне с ним и кроме этого было о чем поговорить! Кстати, нужно вас познакомить.

Влад уже не слушал. Материал статьи переворачивал все, что он знал, с ног на голову.

«Дело об убийстве бывшего полковника КГБ получило неожиданную развязку. Герой войны стал жертвой банального ограбления...»

Двое убийц, совершивших дерзкое нападение на ветерана, задержаны и водворены в места заключения.

Ими оказались – неработающий двадцатидевятилетний

Пойманы! Не может быть! Ничего не понимаю!

«...неработающий двадцатидевятилетний Тахир Арсенов и тридцатитрехлетний Виктор Мальцев. Помимо этого, они разыскивались за разбой, нападение на инкассаторскую машину, и убийство двух милиционеров при исполнении. Арестованных ожидает высшая мера наказания» ...

– Эта газета от какого числа?

– Позволь, – Регин отвернул заголовок. – Здесь значит 17 декабря 1994 года.

– Значит, преступников нашли сразу через три месяца?

– Выходит, что так. Так какого убийцу вы ищете? Кто-то из них вышел на свободу? Или здесь дело в чем-то другом?

– Н-н-не знаю, – замаялся Влад. – Я спрошу. Кстати, можно ее взять?

– Конечно! Покажешь ему. Эфес-то уже передал?

– Нет еще. Думал сделать это после спектакля. Но, если уж вы все равно здесь, может быть, сами и передадите?

– Нет, нет! – засмеялся Сан Саныч. – Тебе уже отдал, ты и передай. Пойдем, лучше, досмотрим, чем там дело кончится. Сказать по правде, смотрел эту пьесу много раз, но эта постановка доставляет мне особое наслаждение. Рекомендую!

– Да меня не пускают, – попытался возразить Влад. – Мест нет.

– Как нет? Я зарезервировал одно, но мой товарищ уже, видимо, не подойдет. Сядешь со мной?

Они прошли в зал совершенно беспрепятственно. Антонина в этот раз даже ничего не сказала. Седьмой ряд, третье место.

На сцене в средневековых костюмах стояли Артем, Лиза Самойлова и Глеб Казанцев. Здоровый парень. Он практически не посещал занятия, находился в вечных разъездах и защищал честь родного университета на спортивных состязаниях. Как Артему удалось уговорить его участвовать?

Глеб как раз угрожающе надвигался на Артема:

– Знаешь ли ты, в какой день я появился на свет?

– Нет, – отвечал Артем. – Но, уверен, он был поистине несчастным!

– Как раз мой любимый момент, – обрадовался трудювик. – Успели!

Глеб театрально усмехнулся и заговорил жутким голосом:

– В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение. Тебе понятно, сколько войнов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные гробовики выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я, сын войны. Война – это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах. Это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен. Ты – против меня? Следовательно, ты – против войны!

– Кого он играет? – спросил Влад Регина.

– Дракона. Артем – Ланцелота, а эта милая девушка – Эль-

зу. Ее должны принести в жертву.

– А Артем пытается этому помешать! – догадался Влад.

– Совершенно верно!

Глеб уже нависал над Артемом, громоглася:

– Против?!!

– Отчего же? Я воюю всю жизнь!

– Я вижу ты – достойный противник. Поэтому, я буду во-
евать с тобой всерьез.

– Отлично!

– Это значит, я убью тебя немедленно. Здесь и сейчас.

«Лиза совершенно очаровательна в этом платье!» – подумалось Владу. – «Почему я раньше не обращал на нее внимания? У нее такие выразительные глаза, и такие тонкие плечи!»

Пока Влад любовался Лизой, дракон уже улетел искать подходящее место для боя, и на подмостках осталась только она и Артем.

– И вам не страшно умереть? – спрашивал он.

– Нет! Ведь я отдаю жизнь за родной город!

– Не говорите глупостей! Этот город примет вашу жертву совершенно равнодушно.

– Нет!

– Вы правы, не равнодушно, а с облегчением: «Хорошо, что не мы!».

– Не говорите так! Меня не станет в воскресенье, и до вторника город погрузится в траур. Целых три дня ни-

кто не будет есть мяса. К чаю будут подаваться особые булочки под названием «Бедная девушка» – в память обо мне.

– И это все?

– А что еще можно сделать?

– Убить дракона.

– Это невозможно. Единственный способ избавиться от дракона это – иметь собственного.

– Неправда! Дракон извратил вашу душу, отравил кровь, затуманил зрение. Но, клянусь, мы все это исправим.

– Кто это мы?

– Мы – внимательные, легкие люди. Мы до того легки, что нас пушинками носит по всему свету, и мы очень легко вмешиваемся в чужие дела.

Вы знаете, что в мире есть огромная Жалостная Книга. Она спрятана в глубинной пещере Черных гор. К ней не прикасается никакая рука, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Ее пишет сам мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры человеческие жалобы, и книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Она исписана уже до половины, и кто знает, что случится, когда перевернется последняя страница!

– И для кого же пишется эта книга?

– Наверное, для нас.

– Для «легких» людей?

– Да. Мы имели счастье, или несчастье, заглянуть в нее.

А заглянувший в нее однажды не успокоится вовеки. Ах, какая это жалостная книга! На эти жалобы невозможно не ответить. И мы отвечаем.

– Как?

– Вмешиваясь в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить.

«Ага!» – подумал Влад. – «Не этой ли идеей *fix* руководствуется Артем во всех своих поступках? Не потому ли он утаил про статью? Ведь не мог же он не знать!

После премьеры ждать Артема пришлось еще долго. Все хотели поздравить его лично, пожать руку, сделать фото с артистами. Артем заметил Регина с Владом, но не выказал ни тени беспокойства. Наоборот, широко улыбнулся и подозвал рукой.

– Приятно видеть тебя в зале! А говорил, не придёшь!

– Передумал. – В отличие от Артема, Влад чувствовал себя не в своей тарелке. Надо было действительно не приходиться – не попал бы в такую двойкую ситуацию!

– Знакомьтесь, – нашелся он. – Регин Александр Александрович, учитель труда в 108 школе. А это Артем Коваленко.

– Очень приятно! – протянул руку Регин. – Мы, кажется,

уже встречались возле школы?

Влад боялся, что Артем не ответит на рукопожатие, и все испортит. Но он ответил.

– Совершенно верно! – он даже улыбнулся. – Я часто там гуляю. Там очень красивый парк.

– Да, вы правы. Должен признаться, от вашего представления я остался под впечатлением! У вас, безусловно, талант! Возвращение Ланцелота вышло весьма эффектным!

– Ребята толковые попались.

– Не скромничайте! Без должной организации ничего бы не получилось. Кстати, Влад говорил, что вы кроме всего прочего, интересуетесь и авиацией?

– Дед был военным летчиком.

– Как и мой отец! Вы, наверное, уже знаете, что я работаю в кружке авиамоделирования. И сейчас мы затеваем нечто грандиозное и масштабное. Ваше участие было бы весьма кстати! Если сможете, приходите завтра ко мне на занятие. Я вам более детально все объясню и покажу.

– С удовольствием приму ваше приглашение! Влад, наверное, тоже?

Артем вопросительно взглянул на него.

– Конечно, я тоже!

– Отлично! Тогда, до завтра!

Регин откланялся с довольной улыбкой на лице и ушел. С лица же Артема улыбка сползла.

– Ты понял! Отец у него летчиком был!!!

Влад промолчал. Интересная мысль зародилась в его голове: «Уж не для Регина ли специально было затеяно это представление?». Чтобы проверить догадку, он спросил:

– Ты знал, что он придет?

– Естественно! Он не мог не прийти!

«Откуда такая уверенность?»

– Он, кстати, кое-что тебе передал. – Кажется, настал подходящий момент для вручения подарка. Только Влад не ожидал, что он будет таким горьким.

Артем будто встревожился.

– Что?!

– Давай отойдем.

За кулисами уже никого не было, и друзья направились туда.

– Ну? – протянул Артем.

– Сначала я хочу у тебя спросить, что это значит?

Он достал из кармана сложенный в несколько раз газетный листок. Артем даже не стал смотреть на него.

– Это он тебе дал?

– Нет, – соврал Влад. Иначе бы пришлось объяснять, с какой стати Регин это принес. – Случайно в руки попал. Ты говорил, что убийц твоего деда так и не нашли!

Он хотел сказать жестче, но язык не повернулся.

– Так не нашли! – взорвался Артем. – А отморожков этих просто подставили. Дело резонансное, нужно его было быстрее закрыть. Не знаю, чего они им наобещали, но те дали

признательные показания. Через месяц Узбека нашли повешенным в камере, а Мальцев через полгода отбывания был застрелен при попытке к бегству. Всё, не с кого спросить! Концы в воду!

Я сам долгое время шел по этому ложному следу. И, поверь, если бы это имело к расследованию хоть малейшее отношение, я бы тебе сказал. Они тут совершенно ни при чем! Но даже если представить, что это были они, то у них должен был быть заказчик или наводчик. И он остался безнаказанным. Так называемый корень зла, который будет прорастать вновь и вновь, если его не вырвать! И кто это сделает?!

– Может быть, ты слишком заигрался в Ланцелота, и видишь только то, что хочешь видеть?

– Так... ты все еще со мной?

– С тобой!

– Может быть перестал верить своим глазам? Или забыл, что видел на даче?

– Не знаю! – замялся Влад. – Я уже не уверен, что это мне не померещилось.

– Понятно, – помрачнел Артем. – Ты слишком долго находился рядом с ним!

Он отвел взгляд.

– Что он мне еще передал, кроме этого?

Теперь Влад не стал отпираться.

– Вот это.

Он вытащил из ранца эфес и протянул. Лучше бы он про-

тянул ядовитую кобру или бомбу, чем этот злосчастный обломок шпаги. Лицо Артема побелело, посерело, наконец, он взял его и сел на низенький столик, что стоял рядом.

– Это она. Та самая карabela, что дед взял вместо Грама. Она пропала, когда деда убили. Если бы на него напали для того, чтобы ее похитить, как писалось в газетах, то разве бы допустили, чтобы она сломалась? Скорее всего, Регин сам сломал ее в ярости, когда увидел, что это не то, чего он ждал.

– Так ты все-таки настаиваешь, что это он?

– А кто же еще?! Кто тебе это дал? Откуда она у него?

– Сказал, что один знакомый оставил в качестве благодарности.

Артем горько рассмеялся.

– Знакомый... в качестве благодарности?! Да он просто издевается надо мной! Хочет вывести из равновесия! Орудие преступления тогда так и не нашли, а теперь он сам принес его мне, как бы говоря: «Вот чем я зарезал твоего деда! Полюбуйся! Его же собственным мечом! И что ты мне сделаешь?». А что я сделаю...? А я убью его тем мечом, который он сам же и выковал!

Влад смотрел на Артема и ужасался. Его безумным глазам, ломаным движениям. Сейчас он больше походил на одержимого маниакальной идеей человека. Наверное, так оно и было. Интересно, если бы это был какой-нибудь другой обломок, он сказал бы то же самое?

Наверное, Артем увидел выражение глаз Влада, взял себя

в руки. Не пряча эфеса пошел через зал к выходу.

– У Регина встретимся!

Ждать пришлось недолго. Дверь снова отворилась, и в камеру вошли трое. Вскинув стволы, они заняли позицию у стены. Следом внесли табуретку, таз с водой, небольшое зеркальце, складную бритву и чистое вафельное полотенце. Следил за этим лично Вольфганг, он же отомкнул браслеты на руках пленника и предупредил:

– Не делайте резких движений. Они могут быть неверно расценены, и тогда вас убьют. У солдат есть распоряжение на этот счет.

Георгию и не хотелось делать резких движений. Вообще не хотелось никаких движений. Тело было ватным, мозг тупо соображал. Хотелось только чесаться, содрать с себя эту грязную кровь. За что он было и принялся.

– Вы же хотели побриться, – снова подал голос Вольфганг. – Вот и брейтесь. А потом мы отведем вас в душевую.

А вот это уже неплохо! В комнате остался он, Вольфганг, и три автоматчика. Можно ли сбежать отсюда? Если только взять переводчика в заложники. Но тот держится на почти-тельном расстоянии, меня изрешетят прежде, чем я до него доберусь. Это – во-первых. А во-вторых, неизвестно что снаружи. И это нужно будет выяснить по пути в душ. А пока –

умываться и бриться!

Георгий подошел к тазику и опустил руки в воду. Красная взвесь тут же поднялась вверх. Он провел ладонью по руке, оттирая грязь, и грязь отошла вместе с волосяным покровом. Что за черт! Он провел по другой руке – то же самое! Что это? Такая вода или такая кровь? Или... Он набрал воды, чтобы умыться, и ладони набило отставшей щетиной. Новый способ бриться? Нехорошая догадка шевельнулась в мозгу. Отерев руку, он провел по голове. В ладони остался приличный клочок шевелюры. Будто при облучении. Что за шутки! Но немцы сами выглядели, мягко сказать, ошарашенно. Только стена мешала им отодвинуться дальше. Лишь Вольфганг задумчиво смотрел на все это и хмурился.

– Похоже, бритва вам больше не понадобится. Передайте ее мне. Медленно, по полу.

Едва бритва коснулась его ног, Вольфганг наклонился, чтобы поднять ее, и краем глаза увидел, как прямо из коридорной стены вышел искрящийся огненно-золотой шар. Он медленно проплыл до середины комнаты и завис там.

– Unmöglich! – выдохнул Вольфганг, так же не разгибаясь. – Beweg dich nicht! Es sieht aus wie ein Feuerball! Не двигайтесь! – повторил он по-русски Георгию.

Шар между тем продолжал висеть в воздухе, ни на секунду не прерывая своего бешеного вращения. Против часовой стрелки, подобно некоей адской бомбе.

Наверное, Георгий как-то пошевелился, потому что шар

резко рванулся и ударил в него. Раздался оглушительный взрыв, и Георгий уже не мог увидеть, как одновременно с этим из эпицентра выметнулись еще три маленьких шара и ударили в неподвижно застывшие фигуры...

Воздух вокруг смердел серой и горелой плотью. Выедал глаза. Георгий, с несвойственным ему равнодушием, смотрел на то, что осталось от его пленителей. Штилеты сапог и искореженные стволы оружия. Эта ближняя куча праха, кажется, была Вольфгангом. Из праха был взят, к праху и вернулся. Взять нечего. На Георгии тоже не осталось ни одежды, ни волос. Все равно они бы все выпали после нацистских экспериментов. Зато живой. Удивительно, что от удара не осталось ни шрамов, ни ожогов. Кроме одного. На груди, куда она ударила, появилась отметина в виде небольшой стрелки, обращенной вверх. Странные штуки иногда вытворяет шаровая молния!

Двери в камере все еще оставались приоткрыты, а за ними лежал еще один немец с дырой посередине. Реагировать на взрыв было просто некому. Дальше, по пути движения, попались еще несколько трупов с аналогичными следами. Явно чья-то аккуратная работа. Простым природным явлением здесь не обошлось. Дракон?

Размышляя, Георгий направлялся вовсе не к выходу. Напротив, уходил все глубже, вниз по коридору. Безошибочно выбирая правильные повороты. Будто ведомый чьей-то во-

лей. Послушной марионеткой шел к цели. Направо, налево, еще раз направо.

Впереди – небольшой зал. В его центре, на мозаичном полу выложен рисунок черного солнца. Вокруг него, как вокруг очага – круглый стол с высокими стульями, обитыми красным бархатом. На столе, перед каждым стулом лежат именные серебряные перстни в виде черепов. Числом – двенадцать. На стене – гобелены со свастикой и один – с черным драконом. Рядом с ним, между двумя факелами висит то, за чем он пришел. Теперь он его узнал. Был ли это тот меч, который немцы заносили в камеру? Вряд ли...

Будто в оцепенении Георгий подошел, чтобы снять его, и, едва рука коснулась меча, в полной тишине прогремело три выстрела. Один за другим. В спину ударило горячим. Георгий в недоумении развернулся и увидел перекошенное от ненависти лицо Готтарда. В его руках дрожал едва дымящийся люгер. Тот попытался выстрелить еще раз, но пистолет подклинило. Он продолжал тщетные попытки даже когда понял, что пули не причинили противнику никакого вреда. Все жал и жал на курок, а заветная пуля, что должна разнести череп безумному русскому, все не вылетала...

Георгий сидел на камне и смотрел на голову Готтарда. Она покоилась на валуне напротив и заходящее солнце блико-

вало на ее гладко выбритой макушке. Глаза Готтарда были широко открыты и, казалось, он тоже продолжает смотреть на Георгия. Все с тем же ужасом и недоумением. Георгию нравился этот взгляд. Возможно поэтому он взял голову с собой.

Что-то извратилось в нем. Побеждая одно зло нельзя ли стать злом более худшим? И победа ли это? Откуда тогда такая пустота и безразличие к жизни? Скажи мне, голова? Что там, после?..

– Ты изменился, Несостоявшийся! – за спиной почти вплотную раздался шипящий голос.

Георгий не вздрогнул. Спокойно обернулся и посмотрел в глаза чудовищу. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Сейчас он чувствовал в себе силу, если не превосходящую, то равную драконьей. Змей это чувствовал тоже. Перевел глаза на голову Готтарда и усмехнулся.

– Вижу ты получил его! Верни! Время – исправлять старые ошибки!

Георгий смотрел на дракона и молчал.

– Где меч?! – взревел дракон. – Положи его на скалу, я спалю его!

– Конечно! Ответь только, как у тебе получился тот фокус с молнией?

– С какой молнией?

Дракон почувствовал неладное и плавно переместился вперед, попутно скользнув взглядом по Георгию. Капитан

расстегнул окровавленный мундир, который еще недавно принадлежал его безмолвному оппоненту. На белом теле явно выступал ожог в виде красной стрелы.

– Тюр! – На мир Георгию показалось, что в глазах дракона промелькнул страх, но потом он засмеялся. – Дурак! Боги мертвы! Даже не рассчитывай на их помощь! Откуда у тебя это?

– Неважно! Почему ты назвал меня Несостоявшимся?

– А кто ты? Думаешь, я случайно выбрал тебя тогда? Нет. Я чуял тебя как волк пса. Ты – один из тех, кто мог стать драконом, но не стал. И никогда не станешь. Ваш род переродился, стал неполноценным. В осознании этого, из-за зависти вы пытаетесь нас истребить. Люди вас называют драконоборцами, а мы – Несостоявшимися. А теперь отдай мне меч, и, клянусь, я не стану тебя убивать. На этот раз.

– «Не страшно!» – мысль о мече придавала уверенности. – «Посмотрим, кто из нас несостоявшийся! Если змей не лжет, то тогда кому еще под силу управлять молнией и уничтожить целый секретный бункер? Остается предположить наличие третьей могущественной силы, которая внимательно следит за происходящим, и при этом остается в тени. О которой не знает даже дракон! Он предполагает, что я обратился за помощью к Старым богам. Кто это? Действительно ли это их рук дело? Или кого-то еще? Неважно! Важно, что ему помогли! И, естественно, не просто так. Для чего ему подарили жизнь? Ему, Несостоявшемуся? Вероятно, чтобы

он смог и дальше выполнять свои функции. А какие функции у Несостоявшихся? – Убивать драконов!»

Георгий поднялся.

– Сейчас будет тебе меч!

Он взобрался выше по склону по нависающей скале. Там разгреб камни и в его руках блеснула узкая полоска стали. От теплой рукояти по телу мурашками разошлось тепло. Мозг прояснился, будто окаченный ледяным ушатом. Георгий даже испугался, – настолько живыми он ощущал теперь свои мысли! Острыми лезвиями они царапали черепную коробку, прорывались сквозь мозг. Казалось, теперь одним их усилием он сможет приковать дракона к земле. Опутать невидимой цепью, парализовать волю. Он поднял глаза и, из расширившихся черных зрачков, на распластавшегося внизу змея смотрел уже не он.

Дракон дернулся как от щелчка бичом.

– Не глупи! Иначе мне придется нарушить слово и сжечь тебя вместе с мечом!

– «Крыло! Самая уязвимая часть!» – пронеслось в голове. – «Только нужно ударить очень точно. Второго шанса не будет! Сейчас он наберет газ, чтобы выплюнуть его струей огня, и для этого ему придется чуть приподнять крылья и прикрыть глаза. Всего на мгновение. Не прозевай... Прыгай!»

На Георгия уже летела струя пламени. Она должна была обратить его в пепел, но всего лишь опалила камни, на ко-

торых тот стоял. Хрустнула кость под ударом. Меч прошел дальше, с глухим треском распарывая парусную ткань крыла.

Бешеный рев боли и отчаяния оглушили Георгия. Дракон кричал. Одновременно жалобно и страшно. Удар хвоста, который бы с легкостью убил быка, припечатал Георгия к скале. Кожистая, когтистая лапа поднялась чтобы добить смертного, но, в последний момент, напоролась на подставленный меч. Хищное жало вышло с другой стороны. Еще один страшный крик. Капитану стоило немалых усилий чтобы удержать меч в руках, когда дракон резко отдернул пронзенную ногу.

Хромая и волоча по земле крыло, дракон бросился вверх. К одному из лазов в свои пещеры. Туда, где его не достать. Георгий бросился следом, но силы покинули его. Вернулась боль. Страшная, выворачивающая наизнанку. Невзирая на нее, он сделал еще несколько шагов вперед и, подкошенным стеблем, рухнул лицом вперед. Меч звякнул о камень, выпадая из ослабевших рук...

Встретились возле магазина. Артем опоздал. Сухо поздоровался. Старался не встречаться с Владом глазами. Моросил привычный питерский дождь – защищаться от такого не серьезно. Мокли волосы, мокли глаза. Шли молча. Артем казался сейчас чужим, совершенно незнакомым человеком.

Влад физически ощущал, как рвется между ними прежде прочная нить дружбы. Хотелось что-то сказать, крикнуть. Хотелось, чтобы Артем произнес хоть что-нибудь. Но он молчал. Суженными серыми глазами смотрел в бесцветное небо. Но разве Влад виноват? Если бы Артем рассказал все с самого начала, если бы он не оставил столько недоговоренностей, которыми не замедлил воспользоваться Регин, разве получилось бы все так?! Он сам стал игрушкой в чужих руках, и искренне не понимал, какое право имеет Артем обижаться? Сам виноват! В конце концов, ведь устроил же Влад встречу с трудовиком, и на тех условиях, о которых Артем оговаривал! Так в чем же дело! Влад многое бы хотел сказать Артему, но тоже молчал. Сунул руки в ветровку, поднял воротник, и, угрюмо уставившись на мокрый асфальт, шел следом. Луж не обходил.

– Иди первым, – Артем пропустил Влада в узкую калитку школы. Влад, проходя, заглянул ему в глаза. Впервые за этот вечер. Ничего...

Занятие у Регина проходило в кабинете. Славка первым заметил Влада и бросился обниматься. Родная душа! Вошел Артем, поздоровался.

Ребята стояли и сидели за верстакими. Кто выпиливал, кто строгал. Но большинство из них просто обматывала нитками деревянные детали и обмазывали их клеем. Судя по лицам, такая работа им не очень нравилась. На вошедших ученики особого внимания не обратили, а вот Регин сразу просиял.

– Пришли, пришли все-таки! Молодцы! Очень кстати! У нас еще двадцать минут занятия! Может, кофе? Хорошо, тогда сразу к делу.

Регин подошел к своему столу и развернул большой чертеж.

– Взгляните! Мы хотим с ребятами собрать радиоуправляемую модель «И-16».

– А почему именно его? – поинтересовался Артем.

– Признаться, здесь кроется мой личный интерес. Я уже говорил вам, что мой отец был летчиком. Он начинал летать именно на таком. И на нем же сбил свой первый вражеский самолет. Можно сказать, это своеобразный долг памяти.

По программе, на второй день заезда, у нас пройдут воздушные показательные бои для зрителей. Как дуэльные, так и командные. Вот, и хотим выставить наш «ишачок». Правда, для такого он будет тяжеловат, но мы прикроем его еще парой легких «крыльев».

С размещением гостей вопрос тоже, в принципе, решен. Ваш ректор, к слову сказать, мой давний знакомый, согласился предоставить комнаты в общежитии. Кстати, я увидел вашу афишу, когда приходил к нему с этим вопросом. Должен сказать, спектакль ваш произвел на меня впечатление!

Артем ответил на комплимент легким кивком.

– Единственное, что с питанием пока не окончательно оговорено. Но он обещал помочь и в этом.

На сегодняшний момент об участии заявили семь команд.

В каждой по шесть-восемь человек. У меня к вам просьба следующего рода. Не смогли бы мы вместе организовать встречу участников и, возможно, провести с ними небольшую экскурсию по городу? Вместе придумаем, куда их лучше сводить.

– Я смогу точно, – ответил Влад и взглянул на Артема.

– Если нужно будет, то да! – заявил тот.

– Нужно будет! И даже очень! – Регин свернул чертеж. – Работы много, а времени, как всегда в обрез! Каждый день приходится задерживаться допоздна. Готовить заготовки, распилы. Все серьезно. Я потом расскажу вам весь план мероприятий.

– Сан Саныч! – послышался обиженный голосок. – Петя мне рубанок не дает!

– А почему Петя должен тебе его дать? Ты же видишь, что он им сейчас работает!

– Ну мне быстро надо! Чиркнуть только! А ему еще долго!

– Учись договариваться! Пригодиться!

Больше Регин даже не повернулся в ту сторону. А Влад заметил, что чуть позже Петя сам обстругал досточку тому пареньку.

– Вы знаете, у меня есть одна безумная мечта! Хочу добиться того, чтобы авиамодельный спорт получил официальное признание. Чтобы его внесли в Всероссийский реестр спорта, как на западе.

– А что, приходилось там бывать? – невзначай спросил

Артем.

– Да. В Германии. Родственники не так давно туда переехали.

– И как? Понравилось? Не думаете сами уехать?

Регин скривил лицо, а затем расхохотался.

– Сразу видно – внук чекиста! Такие вопросы! Понравилось, не скрою. Порядка там больше. Да только дышится здесь легче. Да и что я там делать буду? Без языка? Кстати, Влад тебе передал от меня клинок? Вернее, обломок?

У Артема сжались челюсти. До бела.

– Да, передал. Спасибо!

Регин улыбнулся.

– Мне он все равно ни к чему, а ты, я знаю, знаток холодного оружия. К тому же у деда музей был. Как он? Сохранился?

– Сохранился. А откуда вы знаете? Были знакомы с моим дедом?

– Я – нет. Вот отец мой, возможно. Тоже был летчиком, тоже любил холодное оружие. Правда, не коллекционировал, но на этой почве они могли сойтись. Правда, об этом знакомстве я ничего не знаю.

– А где сейчас ваш отец?

– Умер шесть лет назад. Похоронил в Смоленске. Он оттуда родом был...

Саньч хлопнул себя по коленям.

– Ну, что это мы все о грустном? Жизнь продолжается!

Ну что, ребята, заканчиваем!

Это он уже к школьникам.

– Ну можно полчаса еще? Немного доделать осталось!

– Нет! Темно уже! Родители волноваться начнут. Завтра, если хотите, приходите после уроков. И не забудьте после себя убрать! У кого на столе останется грязь, к занятиям не допущу!

Дети нехотя принялись за уборку. Поднялся шум. Некоторые из родителей, оказывается, уже стояли за дверью, и теперь заходили в класс. Регину пришлось переключиться на них.

– Не смею вас больше задерживать, – сказал он, обернувшись. – На сегодня. А вот завтра, похоже, мне понадобится ваша помощь. Кто-нибудь из вас разбирается в компьютерах?

– Я, – опешил от такого вопроса Влад.

– Отлично! – потер руками Регин. – Возможно, ты мне сможешь помочь прямо сейчас! Ты не слишком торопишься? Хотя бы просто посмотришь, может там ничего серьезного, а я распереживался!

– Хорошо, могу.

– Тогда не будем терять время. Он у меня наверху в подсобке. Поднимемся?

– Не дожидаясь ответа, Регин извинился перед родителями, и направился к выходу.

– Артем, можешь пока за ребятами присмотреть? Мы

ненадолго.

– Наверное, вас сам господь бог мне послал! – не уставал изливаться в похвалах Регин, пока они шли по длинному темному коридору к лестнице. – Столько отчетов! Вы даже не представляете! И тут, как назло, компьютер забарахлил! Я уже программиста нашего просил, но он очень редко здесь бывает. Когда еще теперь зайдет?! А тут – вы!

Владу неприятно было слушать это суесловие. Наслушался за много лет. Многим он помогал настраивать компы. И все, как один, выдавали аналогичные фразы. Как будто где в тайных пособиях для юзеров они все, до единого, были прописаны, и к заучиванию обязательно полагались. Звучат лестно, но не искренне. Лучше бы просто молчали... наверное.

Чтобы остановить этот поток ненужных слов, Влад спросил:

– А подсобка у вас где?

– На верхнем этаже, возле туалета.

Влад ее знал. Небольшая комнатка, в которой хранились тряпки, швабры и прочие инструменты техперсонала. Одно время, когда она была почти бесхозная, старшеклассники в ней прятались курить. Далековато от кабинета трудов.

– Вы что, не туда? – изумился Влад, когда Регин вместо нужного направления, пошагал по лестнице вниз.

– Нет. Сначала возьмем ключи. Они у меня в подвале.

Внизу – непроглядная тьма. Пугающая, холодная. Скрип

отворяемой железной двери до дрожи пронял тело. Вспомнилась, почему-то, та ночь, сарай и ужас, который он испытал при виде тех немигающих желтых глаз. Казалось, они сейчас резко вспыхнут в глубине подвала, и убежать на этот раз не удастся.

Но вот щелкнул выключатель, и мирный теплый свет разогнал темноту. Изгнал всех неизведанных монстров, вернул в мир будничность. Стало даже стыдно за свои детские страхи.

– Ты идешь? – из-за двери возникло лицо трудовика. – Хочу немного похвастаться.

Солнце ласково грело щеку. Божья коровка, что ползла по ней, остановилась. В нерешительности постояла и, развернув красную броню, тяжело перелетела на желтый цветок. Задрожал воздух в золотых лучах. Даже не скажешь, что война. Так же трава тянется к небу, каждый цветок ликует солнцу, каждая букашка занята своею повседневною суетой. Тишина и покой. Может, и не вставать больше? Лежать здесь до тех пор, пока не врасту в землю и не стану камнем. А может быть взойду одиноким деревцем! Буду качаться на этом просторе, над которым лишь горы и небо. Позже какая-нибудь пташке совет на мне гнездо и будет петь мне свои песни.

В полной отрешенности и неподвижности лежал Георгий на земле, пока его уха не достиг отдаленный гул. Ветер донес обрывки немецкой речи. «Прочесывают гору!» Капитан, отринув всю усталость, вскочил и, пригнувшись, бросился бежать. Забыл про меч. Пришлось вернуться.

– Da ist er! Schießen!

Автоматная очередь застрочила по камням, веером выбрызгивая из них осколки.

«Только наверх!»

Пригибаясь и прячась за камнями, Георгию удалось добраться до узкого, черного лаза. Смело бросился в его спасительную тьму. Немцы сейчас вряд ли осмелятся сюда сунуться. Вольфганг говорил, что здесь целая сеть запутанных ходов. Посмотрим, куда они выведут. Надеюсь, интуиция, что вела в бункере, не подведет и на этот раз. И мне доведется увидеть еще раз свет! Не важно, интуиция или боги! Пусть, хоть в последний раз, но вывезут! Иначе, для чего все это?..

Во время Владовой учебы тут находился кабинет НВП. После недавней реконструкции школы он достался Регину под склад. И то количество моделей, что было выставлено наверху, оказалось каплей в море по сравнению с тем, что творилось здесь. Самолетами, всевозможных типов, марок, были завалены все столы и шкафы. Они поодиночке и гроз-

дьями свешивались с потолка. Тяжелые бомбардировщики, изящные истребители и неуклюжие планера. А на ореховых полках вели миниатюрные войны армии солдат. Строй викингов рассыпался в атаке, воздев топоры, а рыцари сквозь решетку забрал хладнокровно следили за ними и выжидали момент. Живописные диорамы изображали битвы крестоносцев и сарацин, римлян и варваров, паладинов и драконов. Везет же Владу на всяких коллекционеров! Он, правда, сам долгое время собирал марки. Но то было в детстве. Тогда многие собирали. Значки, вкладыши от жвачек. Но такого...

– Моя слабость не только самолеты, но и раннее Средневековье, – признался Регин, довольно поглядывая на лицо Влада. – Правда, здесь такого почти не найдешь. Я в основном приобретал их в Германии. Хоть цена и кусается, но, как говорят немцы: *Leidenschaft oft viel Leiden schafft* – Страсть, зачастую, приносит много страданий.

– Так вы, все-таки, говорите по-немецки? – поднял бровь Влад.

– Немного. – Регин открыл большой платяной шкаф и снял с торчащего в дверце гвоздя ключ. – Бери. От каморки. Можешь не возвращать. Это дубликат. Пусть пока будет у тебя. Мы ведь теперь работаем вместе?

Влад неуверенно кивнул.

– Располагайся. – Сан Саныч указал на диван. – Ты уже, наверное, понял, что я позвал тебя не ради компьютера. Его потом посмотришь. Я хочу с тобой серьезно поговорить на-

счет Артема. Он не отказался еще от своей идеи? Я так и понял. Не понравился он мне сегодня. Следи за ним внимательней. Он должен тебе рассказать! Возможно, он даже захочет втянуть тебя в это дело. В любом случае, сразу сообщи мне. Думаю, вместе мы сможем остановить его без вмешательства милиции. Мы ведь не хотим их привлекать, верно?

Регин подошел к полке и в руках его оказался большой складной нож, будто бы выполненный из серебра. Гравированное лезвие отливало лунным светом, когда оно то появлялось, то пряталось в искусно сплетенной из серебряной проволоки рукояти.

Учитель продолжал говорить, а Влад с тревогой следил, как тот, поигрывая ножом, за разговором приближался все ближе. Узоры на ноже становились все различимее. Кажется, они оживали прямо на глазах, плавно перетекая из одного в другой.

– Скажу... Не без труда, но мне удалось выяснить, что дед Артема, во время войны, побывал в руках СС и подвергся там страшным испытаниям. О тех бесчеловечных опытах, что они проводили над людьми, даже говорить страшно, не то, что пережить такое. Ему вводили инъекции, которые ломали тело, вызывая при этом дьявольские видения. Клетки мозга при этом, конечно же, необратимо разрушались. Естественно, после такого он уже не мог оставаться полноценным человеком. Я имею в виду, психику. Не знаю, каким чудом он остался в живых и как вернулся домой, но факт

остаётся фактом.

Слова плыли по воздуху как по киселю. Эхом вторились в ушах – «безумен... фактом... фактом... фактом...». Влад тряхнул головой, силясь прогнать наваждение, а Регин продолжал.

– Конечно, сначала он ещё держался. Иначе бы его не произвели в полковники. Но под конец жизни его безумие уже нельзя было скрыть. Я через ректора связался с родителями Артема и поговорил с его отцом. То, что он рассказал... – Регин многозначительно покачал головой. – Не нужно быть психиатром, чтобы понять, что случай клинический. Параноидальная шизофрения. А ты знаешь, такие болезни могут передаваться по наследству. И под наиболее остро подвержены риску люди, идущие через поколение. Боюсь, что Артем не стал исключением. Пока не все запущено, врачи ещё могут помочь. Подумай об этом. Пока не упоминай о нашем разговоре. Но как только заметишь что-то странное, пулей ко мне. Мы ведь хотим ему помочь, верно?

– Верно, – ответил Влад и совершенно не узнал своего голоса.

Регин отстранился от Влада и довольно запрокинул голову.

– Как думаешь, для чего над старшим Коваленко проводили такие опыты? Не знаешь? А я скажу тебе зачем. В Нижних Татрах в Словакии до сих пор ходят легенды о драконе, который жил в тех горах. Там масса пещер и подземных

ходов. Драконьих, естественно. – Регин улыбнулся. Диггеры уже излазили их вдоль и поперек. Обнаружили массу костей пещерных медведей, оружия Первой и Второй Мировых войн. Никакого дракона. Но мифы крайне живучи. СС, особенно падкая на такие истории, немедленно окружила район плотным кольцом. Исследовала его, и, как говорят, даже вышли с драконом на контакт. Потом он резко исчез и откуда-то появился загадочный русский. Сквозь оцепление он пробраться не мог. Учитывая невероятность такого пребывания, его решено было проверить на связь с драконом. И, вообще, хотя это звучит абсурдно, уточнить, не дракон ли он сам. Вот для этого и потребовалась инъекция Вернера. Они не знали, что существует более простой способ.

– Какой?

– Какой? – Регин резко обернулся. – Ты когда-нибудь слышал о голубой крови?

– Да. Аристократы себя так раньше называли. Будто бы у них не такая кровь как у всех. Чтоб иметь отличие от черни не только в статусе.

– Нет дыма без огня. Действительно, были такие люди. Они даже управляли миром в свое время. Только вели они свою родословную не от обезьян, а от змееподобных людей – нагов, или виевичей, как их здесь называли. Кровь в их жилах текла не красная, а голубая. Такая, как сейчас у осьминогов и некоторых ящеров. Потомки тех людей частично сохранили ее. На первый взгляд она обычная, но если подер-

жать ее в серебре или меди, то разница становится заметной.

Регин едва провел ножом по ладони и лезвие тут же обогрилось. А дальше произошло невероятное – кровь на ноже из красной превратилось в синюю.

От удивления Влад вытаращил глаза, хотя, казалось, куда еще больше? Губы пересохли.

Регину был понятен и приятен этот страх. Но главное еще было впереди.

– Представь ситуацию: вдруг бы выяснилось, что ты являешься родственником одного очень влиятельного человека. И, соответственно, очень богатого. Богатого до неприличия. Неожиданно он умирает, и в завещании оказывается, что своим наследником он указывает именно тебя. Понимаю, ситуация невероятная, но ты просто пофантазируй. В этом завещании предусмотрено два варианта вступления в наследство. Первый – самый простой. Владелец корпорации был далеко не дурак, и понимал, что в своем нынешнем состоянии ты не сможешь правильно распорядиться прибылью. У тебя просто не хватит для этого знаний. Поэтому, если ты выберешь первый вариант, то незамедлительно получишь 25% от всего состояния и обо всем забываешь. Тебе больше никогда не придется ни о чем греть голову, ведь этих денег хватит с лихвой до конца жизни. Жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Иметь вою виллу на берегу теплого моря. Нежиться в бассейне и неспеша потягивать любимый коктейль.

– Неплохой вариант, – заценил Влад. – Уверен, что миллионы людей выбрали бы его. А что предлагает второй?

– А второй предлагает иметь все. Но не сразу. Сначала нужно выучиться, освоить все правила и законы большого бизнеса. Обрасти связями. На это уйдет не меньше десяти лет. В конце, после удачной сдачи экзаменов, ты сможешь войти в компанию полновластным хозяином.

Не важно, какой путь ты выберешь, сначала потребуется доказать правомерность своего наследования.

– Каким образом? ДНК?

– Что-то типа.

Регин вытер нож и протянул его Владу.

– Если боишься порезать руку, порежь палец. Будет достаточно.

– Зачем? – попробовал возмутиться Влад. – Ведь это же не по-настоящему!

Регин продолжал смотреть на него настойчиво и твердо.

«Глупость какая!» – недовольно подумал Влад. Но, чтобы не показаться малодушным он решился на порез. Приложил лезвие к подушечке большого пальца, чуть прижал и потянул на себя.

Створки кожи раскрылись, и из раны, сначала нехотя, потом все веселее, стала выходить кровь.

– Приложи нож!

Влад послушался и, наверное, зря. Нет, кровь не стала такой как у Регина. У того она была ярко синей. Здесь же она

была будто разбавленная, бледно-голубая. Но тем не менее, не красная.

– Это что, фокус какой-то? – испуганно спросил Влад.

– Нет, – серьезно ответил Регин. – Просто ты прошел тест. Теперь тебе выбирать: первый вариант или второй.

Дети уже давно разошлись, и Влад нашел Артема в холле. Он стоял в углу, уставившись в темное окно и ждал его. Он не упрекнул Влада долгим отсутствием, лишь спросил:

– Ну как, починил?

– Да, – опустил глаза Влад. – Пришлось повозиться.

– Артем бросил вопросительный взгляд на забинтованный палец.

– О системник порезался, когда разбирал. У Саныча аптечка была.

– Аптечка – это хорошо! Надеюсь, не сильно?

– Пустяки. До свадьбы заживет.

Артем дружески приобнял Влада за плечи, направляя к выходу, и шутливо спросил:

– А когда на свадьбе гулять будем?

– Скорей уж на твоей! – отшутился Влад.

Артем рассмеялся. Вахтер неодобрительно проводил их взглядом до двери.

– Что ты думаешь о Лизе? – вдруг спросил он, когда они

оказались на улице.

Влад внимательно посмотрел на Артема. Как быстро у него меняется настроение! Сюда шел как на эшафот, темный и хмурый, сейчас же светится как солнышко! От холода не осталось и следа.

– Какой Лизе?

– Той, что играла Эльзу со мной.

– А-а-а... – Перед глазами Влада ожила картинка со спектакля. Какая Лиза была хорошенькая! Ее серо-голубые глаза смотрели на мир так испуганно и невинно! Густые русые волосы были собраны наверх в простой, но так шедшей ей прическе. Выбившиеся витые локоны падали на белоснежную кожу высокой шеи. Там, у ключиц подрагивала тонкая голубая жилка. Влад вспомнил как ему нестерпимо хотелось прикоснуться к ней губами. И он метал взгляд то к ней, то к упрямой бретельке платья, которая норовила соскользнуть с открытого плеча! Но, к сожалению, так и не соскользнула... Игла ревности прошила его, но он нашел силы ответить как можно равнодушнее:

– Вспомнил! Ничего себе так. А что?

– Я пригласил ее сегодня в кафе!

«Какой шустрый!»

– И что, она согласилась?

– Согласилась! Переодеться я уже не успеваю. Поэтому беру цветы и сразу к ней! Надеюсь, поймет!

Теперь мрачнеть настала пора Владу.

– Удачи! – искусственно улыбнулся он. – Просто не думал, что кроме драконов тебя интересует что-нибудь! Шучу, шучу! Конечно, думал! Разумеется, она поймет! Лиза – хорошая девушка!

Чтобы переменить болезную тему, Влад спросил:

– А что по поводу фестиваля? Как будем проводить экскурсию?

– Никак. Фестиваль, конечно, хорошая вещь. Жалко, что не состоится.

– Почему? – удивился Влад.

– Потому что все должно решиться завтра.

– Что решиться? – Влад еще не успел договорить, как сам понял *что*.

Мысли зароились в голове. Кучи слов, фраз, вопросов гудели и жалили язык. Но Влад удержал их, не дал сорваться. Кроме единственного слова.

– Когда?

– Завтра вечером. В это же время.

– А как же сторож? Он нас увидит!

– Не должен. Сделаем все тихо. Завтра одна из запасных дверей останется открытой. Я сегодня ее смотрел. Она закрывается на один только болт. Сторож обходит школу примерно в девять-двадцать. До этого времени нам нужно все сделать и уйти.

– А кто откроет дверь? – Влад опасался, что Артем опять втянет Славку.

– Один надежный человек. Видишь ли, техперсоналу очень мало платят. А у них тоже есть дети. Их надо кормить, одевать, учить. Заработать полугодовое жалование тут приходится как нельзя кстати. Тем более, мы давно дружим.

– Не проболтается, уверен?

– Чтобы потом пойти соучастницей? Нет, будет молчать. Владу неловко было задавать этот вопрос, но он спросил.

– Друг, откуда у тебя такие деньги?

Артем нехотя, но сознался.

– Пришлось продать несколько экспонатов. Официально я продал один. Якобы срочно нужно было заплатить за учебу. И, если проверят, эта сумма, действительно туда ушла. И никто не спросит где деньги за второй меч. Потому что этой сделки как бы не было.

– Умно! – восхитился Влад. – Главное, чтобы Регин был в это время в школе!

– Будет, не беспокойся! Главное, обеспечь себе железное алиби на вечер. Справишься?

Дома все было как обычно. Отец занимал ванную, мать накрывала на стол, а братишка валялся на кровати и читал. Любопытно! Сам Влад давно уже книг в руки не брал. Некогда. Но в Славкином возрасте глотал все подряд. На всю жизнь начитался!

Он приподнял обложку, и на фоне зятого тучами неба, под которыми летчик в форме военных лет вскидывал руку то ли приветствуя кого-то, то ли вглядываясь в небеса, прочел название: «Б. Н. Полевой Повесть о настоящем человеке».

– Не рано тебе такое читать?

Славка негодующе хмыкнул.

– Нет. Это про летчиков. Сан Саныч посоветовал.

– Понятно.

Из ванны вышел отец, заметил Влада.

– Как дела в университете? Почему так поздно? Славка уже полтора часа как дома!

На первый вопрос Влад даже не стал отвечать. Вопрос-то риторический. На второй ответить пришлось. – У Сан Саныча комп смотрел. Еще предстоящий фестиваль обсуждали долго.

– Ничего он мне не передавал?

Влад не смог сдержать улыбки. Наивный отец!

– Жмот он у вас! Пожалел мяча, который сам же мне и обещал! Заметь, я у него ничего не просил!

– Ну забыл человек, – вступилась за него мать. – Сам же знаешь, сколько у учителей забот.

– Ладно, – смягчился отец, уплетая борщ. – Бог с ним, с мячом! Лишь бы дальше с детьми занимался. Славка вон как загорелся! Глядишь, этот тоже за ум возьмется. Опять на него жаловались. Не учится!

– Слава, кушать! – кликнула мать. Она уже устала от бесполезных разговоров про Владову учебу. – Накрыто уже!

– Сейчас!

– Знаю я твои «сейчас»! Немедленно! А ты чего не ешь? – набросилась она на Влада. – Чего там выискиваешь?

Влад с отрешенным видом ковырялся в тарелке. Как же ему все это надоело! Эти нескончаемые нравоучения, этот опостылевший быт! Может быть, вправду, взять и...

– Мама, у нас есть дома серебряный нож?

У матери хранилось много разной посуды в серванте. Еще со времен свадьбы.

– Нет. Зачем тебе?

– Опыт хотел провести. Если порезаться таким ножом, кровь останется красной, или поменяет свой цвет?

– С чего бы ей менять цвет? – ответил вопросом на вопрос отец.

А вот мама взъелась.

– О чем ты, вообще, думаешь?! Опять своих ужастиков насмотрелся?

– Да нет! – попытался успокоить ее Влад. – Просто в книжке одной читал. Что кровь в таких случаях будто бы синеет.

– У сифилитика может и синеет! – всплеснула руками мать. – А ты, пожалуйста, смотри, что читаешь! Сейчас такого понапишут! Оно и понятно – бумага же не краснеет! А такие лопухи, как ты, всему верят! Но, что самое ужасное, потом с умным видом других учат! У нас вон, в соседнем

доме живет... от инопланетянина беременная!

– Знаю я этого инопланетянина! – встрял в разговор отец.

– А ну-ка!

Пока мать с отцом отвлеклись, Славка незаметно выскользнул из-за стола с горстью конфет в руке. Побежал дочитывать.

«Счастливым», – подумал Влад. А еще подумал, как же он будет потом смотреть ему в глаза?

Ночь вместо облегчения принесла страдания. Душевные муки будущего преступления терзали его. Но еще больше его терзала мысль о Лизе и Артеме. Он чуть было не сорвался из дома посреди ночи. Сминал простыни, одеяло. И если бы из-за туч вылезла луна, не выдержал бы, завыл. Представлялось в мельчайших деталях как Артем угощает ее в ресторане, гладит ей руку. Она скромно отводит глаза, потом они вместе смеются. Гулять в такую погоду? Вряд ли... Надеюсь, у Артема хватит такта не приглашать ее к себе? Но думалось, почему-то, что нет. Не хватит.

И вот они уже у него дома. Он удивляет ее своей коллекцией, усаживает на диван. Нежно прикасается губами к родинке на ее щеке, а потом находит и ее губы. Ее губы... такие мягкие, чуть опухшие, вздрагивают как от легкого удара электрического тока. Она несмело отвечает на поцелуй. Дальше, – о, проклятье! – то самое платье! Он... Он!!! скидывает кружевную бретельку ее платья, и обнаженные плечи

доверяются его рукам! Его ладони скользят по ним, по тонкой шее, а потом ниже и...!

Влад не выдержал и вскочил. Что за проклятье! Часы показывают начало четвертого. Как еще бесконечно долго до утра!

Утром Влад пришел в универ самый первый. Он видел, как приходили преподаватели. Здравовался с ними. Но сам внутрь не спешил. Ждал, и одновременно боялся увидеть двух счастливых, держащихся за руку людей.

Каковы были его облегчение и радость, когда он увидел Лизу одну. С подружками.

– Привет! – небрежно бросил он, когда она поравнялась с ним.

– Привет, Влад! – Лиза не мгновение задержалась. – Что-то ты рано сегодня?

– Не спалось! – неуклюже ответил он и тут же выругался на себя. Мог ведь ответить как-то иначе! Сделать комплимент, разговорить ее, проводить! Не спалось! Дубина! Теперь момент упущен. Нужно будет снова искать с ней встречи. А Артем... А кто сказал, что Артем не был с ней? Возможно, он просто пропустил ее вперед, а сам идет сзади, шифруется! Подожду его, выясню.

И Влад ждал. Долго ждал. Уже прозвенел звонок на пару, а Артем все не появлялся.

Влад растерянно ввалился в универ. Первым желанием

было поехать к Артему домой. Пыл ревности немного иссяк, и теперь Влад искренне переживал, не случилось ли чего. Хотя, что могло случиться? Скорее всего Артем сейчас занят приготовлениями к операции и Владово присутствие ему может сейчас только мешать. Поэтому он решил, что лучше будет остаться здесь. В этот день все должно идти по расписанию.

Раздеваясь у гардероба, Влад автоматически сунул руки в карманы, проверить, не осталось ли чего там. И когда вытаскивал, выронил небольшую бумажку, сложенную вдвое. Влад поднял ее и развернул. Там мелкими печатными буквами было выведено: «в три часа у меня».

Артем? Кто же еще?! Вот только как записка оказалась у него в кармане? Не иначе еще вчера подложил. Больше некогда было.

Значит, все-таки, этот день настал?!

На пары Влад так и не пошел. Извинился перед гардеробщицей, бросил тело в ветровку, и вышел на улицу. Захотелось проветрить голову, подышать воздухом. Ноги сами принесли его в Сосновку. Там, среди деревьев, он гулял, смотрел на пустой пруд, приводил мысли в порядок. Не заметил, как пролетело время. До встречи оставался всего час! Казалось, нужно бы поторопиться, но он не стал этого делать.

У корейских идиолов, где всегда гуляло много народу, выступали уличные музыканты. Они играли не ради заработка,

но если кто кидал им пару-другую монет, то лбы не морщили. Этих музыкантов Влад раньше здесь не встречал. Но играли они так, что по коже пробежала дрожь. А может быть, просто песня подходила как нельзя кстати, и больше была похожа на Откровение. Именно для него, для Влада.

Сегодня ты снова полна красоты, да,
Но я всегда любил самых пустых.
И мне тесно внутри себя, сердце болит —
Но от вас, увы, никак не зависимо.
Я герой, но не ваш;
И вы может быть ждете, но мне на другой этаж.
Я вернусь, коли снова родится повод,
Но сегодня я тут только, чтобы сразиться с драконом!

Кончится всё пусть на том,
Что за славу сейчас крови пустим сполна на пол.
И стены голые, вокруг, да около;
И видит Бог – один из нас сегодня потеряет голову!
Сжимаю рукоять горячо.
Обнажаю меч, но уже не помню для чего давно.
Но не видно ни принцесс и не сокровища,
А он и вовсе не похож на чудовище.
В карманах отыскался смятый полтинник. Не бог вещь
что, но все же!

И нет смысла как такого,
Непонятно, вообще, для кого оно!

То ли бьёмся, то ли держим оборону,
Но давно уже не время для драконов!²

«Да, для драконов уже не время. Но время ли и для нас?»

– Как ты это себе представляешь? – первым делом спросил Влад, когда оказался у Артема. – Просто зайдем и убьем его?

– Просто – было бы хорошо! – мечтательно произнес Артем. – Только это вряд ли. Иначе бы мне не понадобилась твоя помощь. Он коварен, хитер и силен. Единственные наши козыри в этом деле – внезапность и Грам. И я рассчитываю использовать их по полной.

Артем взял Влада за плечи и заглянул в глаза.

– Вижу ты колеблешься. Думаешь я свожу личные счёты и использую тебя? Это не так. Во-первых, я тебя не неволю. Можешь уйти сейчас и никогда более не вспоминать об этом. Во-вторых, если все-же решишься остаться, это будет лучше и для тебя. Бросить вызов злу может не каждый. И еще меньше тех, кто может противостоять ему!

Артем объяснял все четко и логично.

– Зло – это обыкновенный паразит. Но если его игнорировать, оно прорастает в сознании даже у добропорядочных граждан, подменяет понятия. В итоге, черное им представляется не таким уж и черным. А потом, и вовсе, меняются полюса. И если вчера еще тот самый добропорядочный гражданин с негодованием плевал на какую-нибудь гадость, то се-

годня он будет относиться к ней уже более терпимо. Будь уверен, завтра или послезавтра, сам станешь поступать.

Считай, что у тебя выпала уникальная возможность разобраться в себе. Кто ты? Что несешь в этот мир? С кем ты!

Влад выдержал испытующий взгляд.

– Да. – произнес он хрипло. – Ты прав! Я с тобой!

Дверь казалась плотно закрытой, но под нажимом Артемого плеча подалась. Сколько раз выносил Влад отсюда мусор на отработку, но никогда не думал, что придется проникать сюда в темноте, тайком. Тем более, с такой страшной целью.

Артем пропустил Влада в темное нутро школы, вошел сам, и затянул дверь на болт. Дальше, они пробрались до кладовки, в которой собирался техперсонал, и юркнули туда.

Эту дверь плотно запирает Артем не стал. Оставил маленькую щель. Через нее проникал хоть какой-то свет.

– Ждем. – Шепотом произнес Влад и уселся на хорошо застеленный топчан.

Влад присел рядом.

– Интересно, что ты сказал техничке, что она и дверь открыла, да еще и постель постелила?

Хоть было темно, но даже так Влад увидел, как покраснел Артем.

– Да-а-а... – протянул он. – Сказал, что встречаюсь с бывшей выпускницей. Намекнул, что она мечтает о романтическом свидании со мной в этих стенах. Тет-а-тет. Ну, ты по-

нял...

Влад посмотрел еще раз на любовно подготовленное ложе, на смущенного Артема, на себя, и прыснул со смеху. Как-то двусмысленно все получилось!

– Тихо! – шикнул Артем. – Еще не все ушли!

Действительно, вскоре послышалось цоканье каблуков. Директор с завучами уходили со школы последними. Артем шире приоткрыл дверь.

– Ну, что, все? – разнесся по школе громкий голос сторожа.

– Нет, – отвечала директор. – Кажется, Сан Саныч еще наверху сидит.

– Как обычно!

– Да. Спокойно отдежурить.

Директриса дала еще пару распоряжений и вышла. Сторож же запер за ними двери, и отправился напрямиком в приемную. Там стоял телевизор.

Щелчок, и школьные коридоры огласил жизнерадостный голос Якубовича:

– Сектор «Приз» на барабане!

– Пора, – шепнул Артем.

– Да, – согласился Влад. – Пойдем, я знаю, где он. Где я комп вчера чинил.

Быстро поднялись на пятый этаж. В конце темного коридора из-за двери выбивалась полоска желтого света. Регин работал.

Артем аккуратно расчехлил меч и вошел внутрь. Влад, не теряя ни секунды, резко захлопнул за ним дверь, и тут же защелкнул дужку замка.

– В чем дело, Влад? – бросился на дверь Артем. Он уже увидел вместо Регина, сидящего в одежде, лабораторного скелета.

– Так нужно, друг! Пойми, я спасаю тебя! Подожди немного, я тебя выпущу!

Влад услышал, как Артем крепко выругался. Впервые за все время их знакомства.

– Что ты наделал, Влад!

Но Влад уже стремглав спускался.

Регин, конечно же, был у себя, в подвале. Докрашивал миниатюрку берсеркера. В сторону вошедшего даже не посмотрел.

– Артем наверху?

– Да.

– Ты все правильно сделал! Если честно, не ожидал, что сработает твоя идея со скелетом. Но ты – молодец!

Тонкая кисть в руках учителя плавно скользила по медвежьей шкуре у война на плечах.

– Уезжайте отсюда! Здесь Артем вас все равно достанет и убьет. И уже никого не будет рядом, чтобы его остановить.

Регин печально усмехнулся.

– Откуда у него такое рьяное желание меня убить?

– Для него вы – олицетворение всего зла.

Регин, наконец, отложил свою кисть. Поднялся. На лице его кривилась улыбка.

– Какая чушь! «Олицетворение всего зла!» А что такое зло, Влад? Скажу тебе, как и ты, поэтически. Зло – всего лишь Великий заместитель Пустоты. Его структура близка людям и понятна. Им без него не обойтись. Они с удовольствием впускают его в свою жизнь. Отсутствие любви заменяют ненавистью. Бесстрашие – страхом. А где отсутствует доброта, там появляется злость. Видишь, люди всегда вольны в своем выборе. Но они всегда выбирают второе. Взять даже Артема. Он тоже уступил место ненависти. Но, как бы не пыжился, он никогда не сможет убить меня.

– Это почему же?

Регин подошел ближе.

– Потому что, меня убьешь ты.

Недоумение застыло на лице Влада.

– Не понял...

– Сейчас поймешь. Должен сказать, что поступил работать в эту школу из-за тебя. Людей с такой кровью – один на миллион. Найти тебя было нелегким делом. Но я справился. Потом ждал твоего совершеннолетия, приглядывал за тобой. Помогал, где мог. Незаметно для тебя, конечно. Потом появился Славка. Надеялся, что у него проявится хотя бы предрасположенность. Но напрасно. Только потерял время.

Регин горько улыбнулся.

– А знаешь, когда я понял, что ты готов? Когда увидел

твои глаза. Тогда на даче. Помнишь?

Влад судорожно сглотнул. Еще бы!

– Потом, – продолжал Регин, – чтобы еще раз убедиться, я пришел к вам домой. Там я поговорил с тобой и осознал, что твоим обучением нужно было заняться уже давно.

– Так почему не занялись?

– Каюсь! Помнишь, я говорил про десять лет? Прости, у нас их нет. Придется тебе пройти ускоренный курс.

– Что я должен сделать?

– Убить меня.

– Зачем?! – поразился Влад. Ведь он пришел сюда, чтобы спасти всех! – Не понимаю!

– Что непонятного? – вскипел Регин. – Вот нож, вот моя грудь! Бей точно в сердце!

Регин всунул Владу в руки вчерашний серебряный нож, а сам грудью уперся в острие.

– Это особый ритуальный атам! Если ты меня убьешь им, то вся моя сила, все мои знания перейдут тебе! Тебе лишь нужно сейчас немного нажать. Ну!

– Нет! – попятился Влад. – Нет!

– Я слишком задержался здесь. Испытания тысячелетиями – это тяжелые испытания. Я устал. В этом мире нет и не будет ничего нового! Все уже было, повторялось много сотен раз. Менялся лишь антураж. Мне надоело быть заложником этих бесконечных повторений! Прошу, освободи меня! Единственное, чего я хочу, – это оставить после себя

преемника. Молодого, энергичного! Такого, который будет радоваться жизни, а не тяготиться ею. Ты же знаешь, небо для меня навсегда закрыто. А полет – это все, чем живет дракон! Мне уже незачем жить! А тебе я хочу подарить жизнь! Бесценную, настоящую! Вся земля и небо будут твоими!

– Нет!

Регин поменялся в лице. Стал желтым и злым. Не сердобольный учитель сейчас стоял перед ним, а безжалостный, безумный противник.

– Я так и думал, – сквозь зубы процедил он. – Придется тебя подтолкнуть.

Регин резко выпрямился и вмиг оказался у платяного шкафа. Бросил косо́й взгляд на Влада, и распахнул дверцы. Там, в окружении свешивающихся аэропланов, сидела, плотно привязанная к стулу, обмякшая Лиза. Его Лиза! Ее заклеенный скотчем рот был основательно забит кляпом. Регин грубо выволок ее оттуда вместе со стулом, и встал позади. В его руках сверкнул невесть откуда взявшийся нож.

Влад даже дернуться не успел, как Регин приставил его к горлу девушки.

– Сразу нужно было, когда я тебя просил! Теперь же я хочу немного поиграть! Ты ведь мне позволишь перед смертью?

– Если ты ее тронешь хотя бы пальцем...!

– Да, трону!

Трудовик запрокинул подбородок бедняжки так, чтобы

она смотрела ему в глаза. Синяя жилка между ее ключиц забила с бешеной скоростью.

– Как она нежна и прекрасна! Какие трогательные у нее глаза! А овал лица почти безупречен!

На самом деле, сейчас трудно было так сказать. Лиза содрогнулась в беззвучной истерике. Тушь черными ручьями растеклась по лицу. Нос покраснел и распух. Но даже в таком виде она казалась Владу эталоном совершенства.

– Идеальный вариант на роль Эльзы! Безусловно, это находка Артема! Но сегодня она поиграет в нашей труппе. С подправленным сценарием! Тем более, что Артем, возможно, и подключится!

Регин прошелся рукой по голове девушки. Почти с нежностью распустил прическу. Волосы каскадом рассыпались по спине.

– Как шелковые, – восхитился Регин. – Жалко будет расставаться с такими!

Он собрал их в кулак и стал медленно отрезать, словно наслаждаясь этим процессом.

– Осторожнее, – предупредил он Влада. – Рука может дернуться.

Лиза, как могла, пыталась втянуть голову в плечи, но привязанные руки не давали ей это сделать. С мольбой во взгляде она смотрела на Влада, а когда нож задевал кожу, то от ужаса снова жмурилась.

– Прекрати! Не трогай ее!

– Ничего страшного, – заверил Регин. – Просто я обещал ей роль, мне нужно подготовить ее к образу.

Струя отрезанных волос скатилась на пол.

– Осталась еще одна маленькая деталь!

Он продел лезвие под правую бретельку платья, замер на миг, а затем резко рванул. Потеряв поддержку, тяжелое платье чуть съехало.

– Вот так гораздо лучше! Не находишь?

– Нет!

– Лжешь! – почему-то обрадовался Регин. – Значит, нет в тебе правды! Все, чего хотел я, хочешь и ты! Ты – это я!

– Это ты лжешь! Мне не доставляет удовольствия мучать девушек!

– Это потому что ты еще...

Регин прервался на полуслове. Замер, будто к чему-то прислушивался.

– Мне тоже это наскучило, – вдруг произнес он. – Но пьесу нужно доиграть до конца. И вот – конец! Дракон пожирает бедную девушку!

Влад уже видел это. Тогда в сарае. Для Лизы же это стало настоящим шоком. Она странно всхлипнула, дернулась, и безвольно обмякла на веревках. Перед ними вместо Регина стоял теперь недочеловек-недозверь. Кошмарный мутант с длинными сухими руками, переломленными вперед. С жуткой вараньей головой с желтыми глазами. Хорошо, что Лиза не видела, как дьявольская пасть наклонилась, чтобы

оторвать ей голову. Она не видела, как Влад в огромном прыжке покрыл расстояние, отделяющее их. Влад и сам толком не понимал, как нож из его рук оказался в спине у Регина. То, как он вытащил его оттуда, и бил снова и снова, пока окровавленное нечто не рухнуло у его ног, тоже помнилось мутно.

Зато дальше случилось совсем уж непонятное! Влад с ужасом обнаружил, что пол отделился от его глаз, а голова при каждом движении ударялась о бетонный потолок. Его хвост нетерпеливо дрожал, словно вытанцовывая неудержный пасодобль. Хотелось разбежаться и броситься в небо, расправить широкие крылья, и чтобы в лицо ударил порыв свежего горного ветра!

«Крылья! Наконец-то!» Это уже не он. Это Регин ликовал в нем! Как и другие драконы, чьи сущности прятались в его теле. Да, Регин обманул его! Не хотел он умирать. Хотел лишь сменить тело, чтобы снова подняться в воздух. Влад на него не в обиде. Сейчас они все – единое целое. Одна семья! И вместе завершат все, что хотели. Все сокровища и все красавицы мира ждут их!

Влад взглянул на Лизу. Она по-прежнему была без сознания. Это хорошо. Не придется убивать! Ее ноги утопали в куче пепла. Все, что осталось от бывшего тела Регина.

Он переступил с ноги на ногу и внизу ломаясь, что-то захрустело. Неуклюжие модельки. Он все-таки снес одну полку! Среди обломков Влад разглядел знакомый фюзеляж.

Точно, С-22. Тот самый, что Славка мастерил столько месяцев! Никогда ему не взлететь! Никому не нужный, глупый самолетик! Влад наступил на него еще раз.

В одном не соврал Регин. Ничто не ново в этом мире! Даже этот звук приближающихся шагов на лестнице...

1 – Лера Московская «Мы – не люди»

2 – Rurokinesis «Не время для драконов»

«ЛЕСА ГОРЬКАЯ КУПЕЛЬ...»

Лунный свет заполнял собой всю детскую. Предметы в ней, знакомые до мелочей, сейчас представлялись совершенно иными, будто открывали свою иную, сумеречную, сущность. Спать совсем не хотелось.

– Пап, спой песенку, чтобы я быстрее уснула.

Отец открыл глаза. Измученный дневной работой, он уже успел задремать и посмотреть сон, тяжелый и неприятный.

– Какую песенку тебе спеть?

– Про медведей, «ножкой снег мешая».

Мужчина улыбнулся, вспомнив, как дочь яростно боролась с правильным вариантом песни «ложкой снег мешая».

– У ночи ведь нет ложки, как же она может ею мешать снег?

– Но ведь и ног у нее нет, а поют, что она идет.

– Есть! Есть ножки, я видела!

– Что ты видела?

– Ночь! Помнишь, ты вечером взял меня с собой в магазин, еще падали такие большие снежинки? А она шла нам навстречу.

Сначала он подумал, что дочка, как всегда, что-то выдумывает, но потом вспомнил, что действительно, было такое. Попалась им навстречу девушка, одетая совсем не по погоде. В чем-то легком и черном, она проплыла мимо, на миг задержав на Олеге мягкий задумчивый взгляд. Олег вспомнил, глубокие и черные глаза, как заставили они предательски екнуть сердце. Он потом обернулся, чтобы проводить взглядом и получше рассмотреть стройные ножки в черных чулках. Не думал, что на его маленькую дочь она тоже произвела впечатление. Надо же, «Девушка-Ночь»! Олег усмехнулся и подтвердил:

– Да, действительно, есть!

– Вот видишь, а ложки у нее не было. Пап, спой еще песенку.

– Хорошо, только последнюю. – Он опасался, что воспоминания о прекрасной незнакомке напрочь выбьют сон из головы, а утром – на работу!

– Спой про черных птиц.

Олег часто пел эту песню, укачивая дочь. Неудивительно, что она попросила спеть ее снова.

Черные птицы слетели с Луны

Черные птицы – кошмарные сны.

Кружатся, кружатся всю ночь.

Ищут повсюду мою дочь.¹

– Пап, а они меня не найдут?

– Нет, конечно, нет! Тебя они не найдут никогда.

Дочка посильнее прижалась к отцу и вскоре засопела. А когда уснул и он, кошмары вернулись. Снилось ему, как с холодной зимней луны спустилось пять крылатых теней. Их огромные силуэты отчетливо проступали на фоне небесного светила. В их зловещем круженье читалась неизбежность.

Утром дочери в кровати не оказалась, не было ее нигде. Только на подоконнике остались глубокие борозды, уставленные чьими-то когтями...

Он проснулся от мерного постукивания и озноба. Дочка лежала рядом, замерзла, и калачиком свернулась под одеялом. В раскрытую форточку врывался сквозняк, стучал створками и забрасывал в комнату хороводы снежинок. Олег посмотрел на часы. Стрелки показывали без двадцати шесть – время собираться на работу. Комната успела остыть, было неуютно и зябко. Он проверил, как лежит одеяло на дочери, не задувает ли. Потом тихо поднялся и закрыл форточку. Рано дочь будить не хотелось. Осторожно поцеловав ее маленький носик, отправился на кухню варить кофе. Сон оставил неприятный осадок на душе.

На следующий день Ульяна заболела. Ему позвонили с детского сада и сообщили, что у нее высокая температура

и девочку надо срочно забрать. Олегу пришлось отпрашиваться с работы, а затем и брать больничный. Всю неделю он отпаивал дочь всякими таблетками и горячим молоком с медом.

Когда Ульяне исполнилось одиннадцать, она уже давно спала в комнате одна. Олегу пришлось перебраться в зал на старенький скрипучий диванчик. Ему никогда не удавалось на нем выспаться – слишком много воспоминаний хранил этот ворчливый диван. Казалось, он хранит даже запах ее духов, хотя это, конечно, невозможно – немало лет прошло с тех пор, как она ушла.

Олег тоже помнил. Проклятый диван настойчиво напоминал даже то, что он так старался забыть. Олег ненавидел эту вещь, но избавиться от нее все равно не мог.

Ночью к нему являлся Ледяной Господин. Олег, как часто бывало, лежал, уставившись на снежную круговерть за окном, как щеколды балконной двери медленно поползли вверх и дверь распахнулась. Олег хотел встать, чтобы закрыть ее, но не смог двинуть и пальцем. Ему оставалось только лежать и наблюдать, как в квартиру входит высокий худой человек в каком-то сумбурном белом балахоне. Его рукава спускались до самого пола. Когда Олег посмотрел ему глаза, то заметил, что те не имели цвета, так же в голову пришло осознание, что его следует называть не иначе как Ледяной Господин. Неспешно приближаясь, он участливо смотрел в лицо Олега, и пока приближался, рукава его хламиды

укорачивались. Он положил длинные ледяные пальцы Олегу на горло. Холод проник внутрь, остудил горло так, что и вздохнуть было невозможно. Еще немного, и Олег наверняка бы задохнулся, как пытка внезапно кончилась. Ледяной Господин еще раз удовлетворенно заглянул в полные ужаса глаза Олега и ушел. Опять же через балконный проем. Щекотды вернулись на место. Олег мог бы поклясться, что это не было сном, так все реально происходило.

Наутро он не мог выговорить ни слова. Горло, по-прежнему было ледяным, но лоб стал горячим как сковорода. Олег нашел в себе силы подняться, чтобы разбудить Ульяну в школу и застыл в шоке от увиденного. Все лицо, подушка и руки дочери были в крови.

Слава Богу, с девочкой все было в порядке. Ульяна не смогла ответить откуда кровь. Никаких порезов или ссадин на теле не обнаружилось. Олег предположил, что ночью носом могла пойти кровь и дочка, инстинктивно вытираясь руками, запачкала их.

Простыню и наволочку пришлось выбросить, а Ульяне врачи прописали какие-то лекарства (Олег не разбирался в них) и посоветовали папаше лучше следить за ребенком.

Прошло шесть лет...

Ульяна не могла понять легче ей, чем отцу или тяжелее. Она видела, как тот страдает, вспоминая мать. Ведь он так больше и не женился. Все ждет, что однажды она вернется, и все будет как прежде. Нет, папа, ничего не вернется, и маму

тебе больше не увидеть. Если бы отец так не изводил себя, Ульяне было бы проще.

Да, она уже несколько лет встречалась с матерью, раз в месяц. Сначала она страшно обижалась, но мать объяснила, что так было нужно; потом она радовалась и хотела поделиться этой радостью с отцом, но мать запретила и это. «Никогда не говори про меня», – отрезала она, – «Даже не упоминай моего имени при нем. Ты же видишь, как он страдает, – не бреди ему душу». И Ульяна не бредила. Сначала это было безумно трудно, но потом, когда она окончательно изменилась, поняла, что мать была права. Отец хорошо помнит свою Светочку и не переживет, если узнает, какой она стала. Но и дальше так продолжаться не могло.

За последние годы Ульяна сильно отдалилась от отца, – учеба в колледже шла отлично, у нее появились ухажеры, хотя ни одному из них Ульяна не отдавала предпочтения. Теперь ее окружала стайка подруг, и они часто закрывались у нее в комнате, обсуждали дела, мальчишек, хихикали. Отец, которому не о ком стало заботиться, стал выпивать. Хотя раньше Ульяне не был знаком даже отдаленный запах алкоголя, а запахи она различала очень хорошо.

Вот и сегодня, когда она вернулась домой с учебы, на столе увидела карточку матери в потертой коричневой фоторамке. Это говорило о том, что отец снова пьян. Когда ему случалось выпивать, он выискивал мамино фото, и подолгу с ним разговаривал. Наутро, протрезвев, он за-

брасывал его обратно на антресоли, при этом грозил разбить или сжечь. Девушка бесшумно прошла на кухню и увидела уткнувшегося лицом в стол отца. Под столом стояли две пустые бутылки из-под водки и столько же пластиковых «полтарашек» из-под пива. На столе валялись смятые газеты, рыбные кости и колбасные ошкурки. На пол, образуя лужицу, срывались крупные пивные капли. В нос бил кислый и резкий запах перегара и табачного дыма. Отец уже давно курил прямо за столом, не утруждаясь даже открыть форточку.

Ульяна, поморщившись, прошла в свою комнату. Она понимала, что лучше бы отца отвести на диван, но видеть родителя в таком свинском состоянии было выше ее сил. К тому же природная неприязнь к этому запаху могла пересилить дочерние чувства и тогда...

Отец разбудил ее среди ночи. Все еще пьяный, он сидел на краешке ее постели со злополучной фоткой в руках, и плакал. Что-то бубнил заплетающимся языком, Ульяна не старалась разобрать его бессвязную речь, она и так знала, о чем он все время говорит: «Почему она ушла, ведь он ее так любил! Ведь он все для нее... никогда... ничего...» и все в этом духе. Ей стало так жалко отца, и взяла такая злость на мать, смешанная с детскими обидами, что она с перекошенным лицом вырвала проклятую фотографию из отцовских рук и с размаху выбросила в окно и тут же испугалась своего поступка. Отец смотрел на нее такой растерянный и беспомощ-

ный, что даже не сразу осознал, что-же произошло. А когда до него дошел смысл произошедшего, протянул: «Да-а-а... наверное, правильно. Давно хотел это сделать».

Ульяна бросилась на шею отца, пытаюсь утешить, но он как-то отрешенно встал, отстранил от себя дочь, и, пошатываясь, вышел из комнаты. Ульяна услышала, как хлопнула входная дверь. Уткнувшись в подушку, девушка проплакала до утра, а утром, с воспаленными глазами выйдя в зал, на столе увидела прислоненную к пустой вазе карточку матери. Уже без рамки...

Лето в этом году выдалось необыкновенно жарким. Люди спасались под кондиционерами, тоннами уничтожали мороженое, уезжали на загородные дачи. Ульяна, чтобы растормошить отца, предложила съездить на рыбалку с ночевкой, как они это делали раньше, когда она была маленькая. Отец уже три месяца почти не пил, но легче от этого не становилось. Погруженный в себя, он изредка вспоминал о дочери, и тогда с виноватым взглядом спрашивал все ли в порядке. Когда узнавал, что все хорошо, снова погружался в свой мирок. Услышав предложение дочери, он сначала восторженно, полдня бегал словно заведенный – выискивал удочки, садки, проверял палатку, но к обеду снова угас. Удочки оказались безнадежно испорченными, садки дырявыми, а палатка просвечивала прорехами.

Ульяна заштопала их лесной домик, убедила отца, что рыбу можно половить и на простую палку с леской, как это де-

лают деревенские мальчишки, в конце концов, это не важно. Важно лишь то, что они снова смогут побыть вместе, как в детстве, позабыть обо всех проблемах и заботах (у отца что-то не ладилась на работе), об этой жаре и просто насладиться природой. Олег все-таки поддался настойчивости дочери. Собрался, однако мастерить удилища самостоятельно не стал. Пришлось заехать в магазин и купить две самые дешевые удочки, так, чтобы хоть что-то было, и банку червей. А то могли ведь и не накопать! Попутно закупили тушенки, картошки, сыра и колбасы. И хотя времени было в обрез, собирались в спешке. Ульяна волновалась. Зачем мать настояла, чтобы она приехала, да еще взяла отца с собой? Неужели хочет раскрыться? Бред! Никогда она не сделает этого. Грозит ли опасность отцу, несмотря на все ее уверения в безопасности, она не знала – все меньше человеческого оставалось в матери и иногда ее становилось трудно понять. Во всяком случае, отца в обиду Ульяна не даст!

Место было знакомым, старым. Нередко они приезжали сюда все втроем, жарили шашлык, рыбачили, рисовали, да и просто отдыхали от городского шума, мерно покачиваясь в навесных гамаках. Ульяне тогда было всего три или четыре года, но она помнила все очень хорошо. Даже такой момент, когда мама нарисовала на спине спящего под солнцем отца зубной пастой забавный смайлик, и как потом он почти целый месяц носил на спине умильно улыбающуюся рожицу, но зато с кислой миной на лице собственном. Это все уже

никогда не вернется. И зачем матери нужно было собрать их здесь всех вместе снова, пускай бы отец ее и не увидит? Может быть и ей не чужда ностальгия?

Раньше здесь было все немного по-другому. Более перво-
зданнее, что-ли? Озеро небольшое, но глубокое. Оно пряталось от людского взора в густой сосновой чаще. От железнодорожной станции до него приходилось добираться несколько часов. Да они и сами тогда случайно набрали на него. Это было как чудесное открытие – голубая жемчужина, обрамленное зеленью хвои. Место это особо полюбилось родителям. Было оно таким спокойным и уединенным, что заряжало силой на долгие рабочие дни. Каждую неделю они приезжали сюда на электричке, машины у отца отродясь не было, два часа добирались до места, купались, кушали и снова уходили, чтобы успеть на последний поезд. И была у семьи своя тайна, свое озеро, свое место силы, куда стремились они в конце каждой недели. Теперь уже тайны никакой нет. Про озеро прознали другие люди, и его берега покрыли груды мусора из бутылок, консервных банок, сигаретных пачек и сотен окурков. На том месте, где располагались раньше они, стояли машины. Из их открытых окон шумели на все голоса певцы самых разнообразных жанров, но этот диссонанс, казалось никого не смущал. Люди ели, пили, шутили, купались. Дети играли в бадминтон, а взрослые пытались найти расслабление в вине и теплой водке.

От открывшейся картины Олег немного оторопел. Ко-

нечно, уже много лет он не приезжал сюда и не ждал, что все останется прежним, только и такого он тоже не ожидал. Ладно, в конце концов, каждый отдыхает как умеет! Никто не обращал внимания на вновь прибывших, и Олег с дочкой отыскал свободное место, куда бы можно было приткнуть палатку. Возле озера пустовало только одно место – весьма неудобное. Здесь берег делал небольшой уклон, и весь был покрыт ухабинами и кочками, корни деревьев, вылезшие из-под земли, тоже не делали это место комфортным, к тому же подход к озеру зарос невысоким, но колючим кустарником. Кое-как, подложив сосновые лапы, им удалось установить палатку так, чтобы она встала относительно ровно, выходом на озеро. Оставив дочку наводить в палатке уют, Олег сразу пробился через заросли и, закинув удочку, приготовился к рыбалке. Раньше здесь неплохо брал крупный окунь. Он поклялся себе, что ничто на свете не сможет помешать их отдыху, и попытался расслабиться.

Когда все было готово, Ульяна позвала отца ужинать и открывать консервы. Солнце уже начало клониться к верхушкам деревьев – в лесу темнеет быстро – и люди неспешно сворачивались и уезжали. Лишь на другой стороне озера продолжала резвиться пьяная молодежь. Их магнитола стала надрываться еще громче, мальчишки хватали девчонок, раскачивали их и бросали в воду так, чтобы поднимался фонтан брызг. Те истошно визжали, заливались смехом и, в свою очередь, пытались столкнуть мальчишек с берега. Похоже,

они собирались остаться здесь на ночь, что было совершенно излишним.

Олег все больше хмурился, мрачно поглядывая на них, и молча жевал бутерброды. Клев не шел. За все это время он поймал только пару рыбешек, и это приносило ему еще больше расстройств.

– Может они еще уедут? – спросил он, словно у самого себя. Потом встал, и начал собирать мусор по берегу, сваливая его в одну кучу. Там уже валялись полиэтиленовые пакеты, доверху набитые мятыми пластиковыми стаканами, бутылками, очистками картофеля и банановой кожурой. Ульяна присоединилась к отцу. За час они навели относительный порядок в этой части озера. Отец не выносил американских попсовых песен, а с того берега, как назло, звучали только они. Он изредка бросал недовольные взгляды на противоположную сторону где веселилась молодежь. Они развлекались тем, что сначала на дальность забрасывали пустые бутылки в воду, а затем попарно ныряли в палатку. Мальчишки хватили девчонок за выпуклые места, и те заливались смехом, сильнее распаяя парней.

– Они не уедут, – понял отец. – Пойдем отсюда, здесь нам не дадут отдохнуть.

– Куда же мы уйдем? – возразила дочь. – Темнеет. Давай выпьем чаю и ляжем спать. Я приготовила такой вкусный чай – тебе должен понравиться!

И действительно, от чайника несло таким удивитель-

но-чудесным ароматом, который может быть только тогда, когда чай готовится на открытом огне в лесу. Вдохнув его, невольно поднимается настроение!

– Тебе нравится? – спросила Ульяна, когда отец с явным удовольствием выпил целую чашку. Сама она пить этот чай не стала – мать запретила. Она дала лишь только травы и научила как их приготовить, а пить самой – ни-ни!

– Очень понравился. – ответил отец. – Такой вкусный чай могла готовить только твоя мама. Этим ты вся в нее. Если бы ты могла ее помнить! – отец сел на своего конька, он часами мог говорить про свою бывшую жену, какая она была внимательная и заботливая, как любила свою дочулю, и т. д. и т. п.

Олег сам не заметил, как за разговорами его потянуло в сон. Он принялся клевать носом и, чтобы не упасть сонным, тут же он предложил: «Пошли спать, поздно уже!». Продолжая зевать, он направился в палатку, напоследок бросив взгляд на ту сторону. Пользуясь сгущающейся темнотой, девчата, уже ничуть не смущаясь, голышом забегали в воду, брызгаясь и хохоча. Олег пробормотал что-то невнятное и, едва залез в палатку, как его накрыл навалившийся сон. Он проспал до утра безмятежным сном младенца. Так сказала Светлана. Ульяна поймала себя на мысли, что она все чаще называет мать просто по имени. Не мама, не мамочка, не Света, а именно Светлана или ехидно – Светочка. Могло ли это быть следствием застарелой обиды или чем-то иным, Ульяна не знала и старалась не думать об этом. Сей-

час главная проблема заключалась в том, что скоро взойдет луна и, если эти глупцы не уедут, то произойдет трагедия. Только ей что из этого?

Ульяна загасила костер и села на бревно. Зачем Светлана позвала ее в эту ночь, ее предчувствия по этому поводу были самыми скверными, но раз уж она здесь, то ей остается только ждать. И она ждала.

Она оставила след. Ищи ее запах, следуй за ней! Сквозь заросли, сквозь кусты, через овраги. Быстрее! Не мешкай! Стая зовет тебя! Мы будем резвиться при полной луне на поляне в душистой траве! Мы вместе споем песню Луны, поприветствуем ее восход своим воем. Мы ждем тебя, торопись! Охота начинается, не опоздай!

В нос ударили сотни запахов, лес открылся перед ней. Она слышит зов и следует ему. Сегодня ее встретит не только мать, но вся Стая. Ее тело охватила дрожь нетерпения. Быстрее, она не должна оставаться одна, ее ждет семья. Весь мир открывается перед ней, молодой, сильной волчицей. Земля стелется под ногами, ветер приветствует ее и в его дуновении она читает: «Семья близко!» Так хочется к ним. Но нет, нельзя! Почему? Что может помешать ей влиться в стаю, взять след добычи и загнать ее? Вдоволь нализаться теплой крови, хлынувшей струей в морду, в конце концов, разве

она не голодна? Вперед, только вперед! Светочка будет довольна! «Светочка!» – молодая волчица резко затормозила. Так, что перелетела через голову и несколько метров проехала по земле, усеянной желтой хвоей. Кто это «Светочка» – Мать-Волчица? Мать... Она вдруг ясно поняла, что происходит, зачем мать позвала ее сегодня. Сегодня – ночь Большой Луны, ночь Охоты. Охоты именно с большой буквы, ибо добычей станет не зверь. И не отец. Те самые молодые люди, что так беспечно развлекаются у озера и не ведают о своей участи. Отец лишь найдет их разорванные трупы поутру и обнаружит, что его дочь пропала. Это окончательно сведет его с ума и неизвестно чем это все кончится. Она услышала вой – стая уже снялась с места и движется сюда. Назад быстрее, пока не поздно. Нужно предупредить людей и отца, но отец сейчас спит беспробудным сном после чая, которым его напоила родная же дочь! Будем надеяться, что мать сдержит слово и отца не тронут, иначе она разорвет их всех сама! Остаются люди. Не то, чтобы ей было до них какое-то дело, ей было жаль отца, и она не хотела ему такой судьбы, какую ему готовила его любимая Светочка.

Вот уже и озеро! Вот позади осталась их старенькая палатка, в которой богатырским сном спит ее отец. Молодежь, услышав волчий вой, выключили, наконец, свою неуместную музыку и, наверное, впервые за все время прислушались к тишине леса – не послышалось ли. Парни, расхрабрившись, похватали палки, подожгли и размахивали ими, бра-

вируя перед девушками. Один из них даже сходил к машине и вытащил пистолет, кажется травматический. Не колеблясь и ни капли не сбавляя скорости она бросилась ему под ноги, и сбитый парень кубарем покатился к воде.

– А-а-а-ай... с-сука! Волк!

Алкоголь не давал компании адекватно воспринять ситуацию. Парни залились раскатистым смехом, глядя как кубарем катится с горки их напуганный товарищ. – Собаки испугался!

И действительно, ей хотелось лишь напугать его, сбить с ног, но звериная натура взяла свое. Подсекая, она клыком полоснула его по голени. Легко, но язык все же успел вкусить солоноватый вкус крови, а ноздри защекотал дразнящий запах. Ей захотелось большего, как в этот миг она услышала свое имя.

– Ульяна! Ульча, ты где? Дочка!

Это отец! Как он смог проснуться? На него не подействовала доза или она неправильно запомнила рецепт, что сказала ей мать? В любом случае, он сейчас не спит, как должен, и это может дорого ему обойтись. Не обращая на людей больше никакого внимания, что было сил она кинулась назад, одновременно понимая, что уже не успевает. Стая была уже там! Ульяна видела, как луч отцовского фонарика скачет по кустам и деревьям, пытаюсь отыскать ее. Она должна совершить невозможное – успеть, встать у его ног, не допустить к нему стаю, даже если для этого придется умереть.

Как все не вовремя!

Фонарик Олега наткнулся на желтые хищные глаза. Не одни – множество. Окружившие его волки смотрели, оскалившись и, словно бы, изготавливаясь к единому прыжку.

– Ульяна! – слабо еще позвал отец, но ответом была лишь тишина.

Вперед, в состоянии наивысшей alertности, вышла крупная светло-серая волчица. С клыков срывалась пена, а глаза горели таким бешеным и яростным огнем, что Олега охватил панический ужас. До этого он не знал, что можно бояться так! Она приближалась к Олегу, а тот, оцепенев от ужаса, мог только медленно отступать. До тех пор, пока его спина не уперлась в сосновый ствол.

– Ульяна... – полушепотом зачем-то еще раз произнес Олег, не смея оторвать взора от желтых хищных глаз. Волчица подобралась уже совсем близко и рванулась разжавшейся пружиной. Олег даже не успел заметить этого момента. Инстинктивно прикрыл голову руками и не заметил, как прямо в полете волчицу сбила серая молния. Удивленный, что до сих пор жив, он открыл глаза и увидел рычащий серый клубок, что крутился между сосен. Во все стороны от него ключьями разлеталась шерсть. Сердце еще раз екнуло и сжалось так сильно, что на глаза навернулись слезы. Не отрывая спины от ствола, сполз на землю. Свет перед ним погас. А белые клыки продолжали вонзаться в горячие бока, вгрызаться в загривки, теревить и рвать. Наконец, одна из волчиц не вы-

держав, завизжала и, поджав хвост, бросилась отступать. Когда же ее нагнала другая, то резко завалилась на спину прямо перед оскаленной мордой, подставила клыкам незащищенный живот, продолжая заискивающе скулить и по-щенячьи виляла хвостом.

«Зачем ты хотела убить отца? Обманывала меня, когда обещала его не трогать?» – спросили ее строгие глаза.

– Ты ошиблась! Я бы никогда не убила его, дочь! Просто ты была слишком нерешительной. А теперь ты бросила вызов Матери-Волчице и победила. Поединок был честным, Стая этому свидетель! Теперь все признают тебя. Теперь, Мать-Волчица – ты!

– Так ты все подстроила – прорычала молодая. – Тебе и не нужны были эти глупцы на другом берегу?

– Нет, конечно! В другую ночь – возможно, но целью этой охоты была ты. Ты – умница, правильно запомнила рецепт. Олег проспал ровно столько, сколько должен был.

Все внутри Ульяны, или кем она была сейчас, перевернулось.

– А если я не соглашусь? И все объясню Стае?

– Поздно, дочь! Ты уже сразилась и победила!

– Ты спровоцировала меня!

– Неважно. Все традиции соблюдены. А сейчас уводи Стаю, а то я уже оцарапала все брюхо об эти иголки!

Ульяна не верила своим ушам.

– Куда я... их поведу? Разве мы не вместе?

– Нет. Теперь для меня там нет места. Отправляйся к отцу... Нет, не к Олегу, – мать предупредила вопрос дочери. – К настоящему отцу, Волчьему Пастырю. Пусть теперь тебя обучает он. Хватит дворняжек по закоулкам давить! Братья тебя проводят.

Небо рухнуло. В глазах и в душе – темнота, будто неземная стужа выморозила все, что было живым.

– Неправда, мой отец – Олег!

– С одной стороны – да, все-таки он тебя воспитал и вырастил, за что ему спасибо. Но биологически – нет.

– А кто?! – Вопрос выпален как выстрел, как хлесткий удар бича. Ненависть, боль, обида и унижение, предательство самого близкого человека, обман и ложь, которые длились всю ее жизнь, невыносимо жгли нутро. Не в силах более сдерживаться, и, чтобы не выдать слез, Ульяна бросилась прочь. Прочь от них всех! Во влажную темноту леса. Не желала слушать она больше этой чудовищной лжи, или, что самое страшное – чудовищной правды. Послушные новой Матери, серые братья поспешили следом.

А оставшаяся одна, волчица поднялась с земли, отряхнула с себя сосновые иголки и подошла к лежащему без сознания мужчине. Теплый язык прошелся по его щеке. Ей было очень больно. Нет, нет от ран. Наоборот. Все, что чувствовала Ульяна, было ей очень знакомым. В свое время – сама прошла через подобное. Многие бы она отдала, чтобы уберечь дочь от этого. Ее утешала одна лишь только мысль, что

со временем дочь поймет ее и простит. Да и пора ей уже повзрослеть.

Мужчина застонал и слабо пошевелился. Скоро закатится луна. Волчица еще раз заглянула в его лицо, затем развернулась и затрусила в чащу. Она слышала, как испуганная молодежь некоторое время назад, побросав палатки и все, что было, поспешно погрузилась в машину и рванула прямо с места. Пускай. Далеко не уедут. Отсюда ведет лишь одна дорога, и на ней, в том месте, где она ныряет в низину, уже разбросаны стальные ежи, – в панике они пробьют не одно колесо. Пускай ей не особенно хочется есть, но зато она сможет выместить всю ярость, всю вину, всю боль. Сможет забыться... на время. Скоро!

Олег очнулся, и не сразу понял где находится. Светало. У ног валялся фонарик, он уже не светил – сели батарейки.

– Ульяна! – Олег бросился к палатке, но она, как и прежде, была пуста. Спальник дочери так и оставался нетронутым. Будто молотом сердце билось в грудную клетку. Оно отказывалось верить в плохое. Не может этого быть!!! Но липкий холодок страха уже бегал по спине – неужели все-таки волки?.. Он побежал в лес, призывая дочь. Он выискивал ее в кустах, и в то же время боялся того, что может увидеть. Того, что может сделать с человеком стая голодных волков.

– Ульяна! – Оттого что кричал не переставая, голос охрип

и срывался. Он хрипел, а глаза застигала непроницаемая стена слез. Его швыряло из стороны в сторону, а он даже не замечал этого. Безумные глаза шарили по земле, и не встречали ни малейшего следа, ни малейшего признака нахождения дочери, как вдруг... прямо перед ним, стыдливо прикрываясь руками, у золотистой сосны, появилась... Светлана. Да, именно его Светлана! Пусть растрепанная, обнаженная, исцарапанная до крови, с бесконечно усталыми глазами, но именно его! Она практически не изменилась – Олег узнавал мельчайшие подробности ее тела. Сомнений быть не могло – прямо перед ним стояла пропавшая много лет назад жена. «Откуда? Как ты здесь...? Невозможно!» – только и вертелось на языке. – «Мне кажется? Я спятил?».

– Светлана, – нерешительно протянул он.

– Да, Олег! Я вернулась!

От пережитых потрясений мужчина рухнул на колени. Продолжая не верить своим глазам, он, так же, не вставая, приблизился к ней и дотронулся рукой. Она была настоящая. Теплая и такая родная! Так знакомо она провела руками по его голове и прижала к себе.

– Олеженька, родной! Милый мой!

Она говорила что-то еще, но мужчина больше не слышал ее слов, не имея больше сил сдерживаться, он плакал. И в этих слезах было все. Все, что копилось в душе долгие годы, сейчас прорвалось. Его сотрясали рыдания, он нашел в себе силы выдать лишь: «Света, Ульяна пропала. Я по-

терял нашу дочь!»

– Нет, Олег, – возразила жена. – Поверь мне, это не ты ее потерял.

Олег, прижавшись к коленям жены плакал, а она продолжала гладить его волосы и что-то говорить. Успокаивающе, убаюкивающе, обнадеживающе звучал ее голос. Она убеждала мужа, а словно бы саму себя: «Она вернется! Она обязательно вернется, надо только дать ей время! Она все поймет!»

Солнце вставало над лесом. Солнечные зайчики запрыгали по голубой ряби озера, обещая новый жаркий день. Где-то в глубине леса запела птица. Где-то там сейчас была и их дочь со своей новой семьей, Стаей. Крепко, со своей взявшись за руки двое стояли на берегу озера и молчали. Непередаваемая гамма чувств бушевала внутри каждого – словами такого не выразить. Да и не нужно было слов. Они встречали утро нового дня.

1 – Наутилус Помпилиус «Черные птицы»

ЖОЛ ҚАРАУ

Моя земля – прах моих предков. Ее реки, озера – кровь моих предков. Они отстояли ее в жестоких и трудных битвах. Не отдали. С тех пор каждая пядь ее священна для нас. Кто плюет в нее, тот плюет в себя, в свою мать. Ибо мы дети своей земли. И что случается с ней, то же происходит с нами.

Я снова приезжаю на это место. Не один, с сыном. Он еще слишком мал. Беззаботно резвится на поляне. Но однажды наступит время, когда я смогу рассказать ему все. Не знаю, поверит ли он. Возможно, что нет. Потому что я не поверил бы сам. Но я расскажу. Наверняка он будет умнее меня и лучше. Я знаю это. И неважно, поверит он или примет это как очередной занятный рассказ, но тем не менее, он задумается. И одно только это уже будет не зря.

Дорога бешено бросается под колеса. На кочках машину подбрасывает и это вызывает приступы дополнительно-веселья у наполовину высунувшихся из окон друзей. Они не сдерживают чувств и орут во все горло. Иногда даже пытаются подпевать:

И все стремительно идет ко дну,
Ведь мы качнули как могли качнуть,
В пятницу я брошу пить, в субботу начну,
Завтра я брошу тебя, но больше не вернусь!

Делаю музыку еще громче. Отдыхать нужно так, чтоб все знали, что мы отдыхаем. Даже если никого вокруг нет.

– Откройте мне пива, – прошу я у друзей, и мне услужливо протягивают банку. А почему нет? Гаишников здесь уже нет и не предвидится. А мы, все-таки, заслужили отдых. Закончили алматинский университет, и перед выходом

во взрослую жизнь, должны отдохнуть! Только вместо поднадоевших ресторанов, решили отправиться в горы. Я предложил отвезти их на озеро Каинды, где, как оказалось, никто не бывал. Все единогласно меня поддержали.

– Ерден! – Это Асель. Очень хорошая скромная девушка. Отличница. Она тронула меня за плечо. – Может, не будешь пить за рулем?

Если бы кто-нибудь другой попросил меня об этом, я бы ответил по-другому. Но это – Асель. Поэтому, я просто молча выбросил едва начатую банку в окно. И попытался то ли оправдаться, то ли успокоить ее.

– Не бойся, я не пьянею.

Асель откинулась назад и стала смотреть на степь. Обиделась что-ли? На душе почему-то заскребли кошки.

– О-о-о! – закричал Максут, указывая в сторону пальцем. Неутомимый балагур и весельчак. Мастер розыгрышей. Не знаю почему дружу с ним. Очень часто его розыгрыши бывают жестокими. – Смотрите, юрта! Давайте подведем!

– Зачем? – пытался возразить я, но все, как обычно, приняли сторону Максута.

– Да, давайте подведем! – поддержала его Гульнар. – Я сто лет не была в юрте. Узнаем, кто здесь живет, познакомимся. Спросим, может, им чего нужно!

Нехотя сворачиваю с дороги. Подъезжаю.

Возле юрты стоит стреноженный конь, а рядом, на устроенной перекладине – беркут в шапочке с колокольчиками.

Его глаза плотно закрыты этим кожаным клобучком. Лапы с двух сантиметровыми когтями, опутаны обнасцами. Ветерок играет его оперением на загревке. Оно словно напиталось солнцем, такое же золотисто – желтое. При нашем приближении он принялся беспокойно вертеть головой и тревожно кричать. Конь забил копытом.

– Не приближайся, – крикнула Гульнар Руслану, который хотел подойти к птице. Беркут тоже резко и протяжно крикнул, и Руслан испуганно отшатнулся.

– Я только хотел рассмотреть его получше.

Максут уже стучался в юрту.

– Вроде никого нет.

Замка на двери не было, и он открыл деревянную дверцу.

– Сәлеметсіз бе! – крикнул он внутрь. Никто не отзывался. Он открыл дверь нараспашку.

В юрте, действительно, никого нет. Приоткрытый шанырак дает достаточно света, чтобы увидеть пол, застланный мягкими коврами, большой сундук, богато украшенный казахским орнаментом, четыре кровати вдоль стен. Сами стены увешены коврами и вышивками, изображающих коней, охоту и грозные битвы. Посередине располагается круглый стол, а за ним комодик, на котором в деревянной раме, висит большой искусно вышитый портрет Аблай-хана.

Если на дверях нет замка, значит хозяева поблизости. Я обошел юрту. Никого. Не могли же оставить коня без присмотра! Навстречу выскакивает Максуд. Откуда-то в его ру-

ке сабля и он со страшными криками размахивает ею над головой. А на голове его довольно неуклюже сидит старинный железный шлем, отороченный волчьим мехом. Руслан подхватывает ветку и бросается сражаться с Мансуром.

– О, подождите! – кричит Гуля, снимая телефон с блокировки. – Я сейчас вас сфотографирую!

Я останавливаю их. Спрашиваю Максута.

– Ты где это взял?

– В юрте, в сундуке лежало.

– Сними и немедленно положи обратно. Хозяевам это не понравится!

– Да ладно, мы ж ниче не сделаем! К тому же, они же все равно ничего не увидят. Сфотографируемся просто.

Максут принял величественную позу, и Гульнара сделала пару фото.

– Теперь со мной, – попросил Руслан и встал рядом.

– Ребята, поехали отсюда! – заныла Асель. – Уже вечер скоро, не успеем засветло приехать.

– Успеем, еще шесть часов только. К девяти доберемся.

– Девушка правду говорит, – раздался незнакомый голос.

Пока мы были увлечены фотосессией, к нам подъехало двое всадников. И как они подъехали так тихо? Как из воздуха появились.

Один – русский. На вид ему можно дать немного за пятьдесят. Загорелый. Лицо суровое, но голубые глаза лучатся добротой. Волос густой, кучерявый. Второй – казах, уже

в преклонном возрасте, под семьдесят, но в седле держится твердо и прямо, сидит будто влитой. На его лице не читаются вообще никакие эмоции. На руке – еще один беркут, тоже с зашоренными глазами. У седла русского болтаются две убитых лисицы. Чуть поодаль застыли две белые борзые тазы. Их тощие ребра бешено вздымались, как после исступленной гонки. С языков капала белая слюна.

– Простите, что взяли ваши вещи, – попыталась извиниться Гульнара – Мы зашли – никого! А у вас так все атмосферно! Вот мы и решили сфотографироваться.

Мужчина не торопясь спешился. Забрал из рук застывшего Максута саблю и шлем.

– Не порезался? – почему-то спросил он. Максут отрицательно покачал головой.

– Ну и хорошо! Это оружие еще его прадеда, – объяснил русский, кивая в сторону аксакала. – Его бережно передавали из поколения в поколение как семейную реликвию, ухаживали за ним. А теперь мой друг грустит, потому что его сын стал слишком «цивилизованным» и смеется над всеми его ценностями. Грозит сдать в музей.

Мужчина занес реликвии в юрту и вернул в сундук. Старик, тем временем, тоже спешился и посадил беркута рядом со вторым. Они поприветствовали друг друга короткими вскриками.

– Ата, – спросил по-казахски Максут, пытаясь разрядить напряженную атмосферу, что повисла в воздухе. – Вы с охо-

ты? А почему второго беркута не взяли?

Дед посмотрел на него сначала сурово, но потом его лоб разгладился.

– Это не простой беркут, – ответил он. – Лунокрылый. По его полету можно читать будущее. А если он пролетит над тобой, ты увидишь свой рок. Он о многом может предупредить.

Максут рассмеялся.

– Вы, наверное, шутите, ата?

– Ты как мой сын, оторвался от корней и земли. Забыл как видеть и слышать. Забыл мудрость предков. Раньше были люди, которые могли читать полеты птиц, как ты сейчас можешь прочесть книгу. Если хочешь узнать о себе, я выпущу беркута, хотя твое будущее видится и так.

– И какое же меня ожидает будущее? – оживился Максут. Разумеется, он не верил ни в какие предсказания, но когда речь идет о тебе, то всегда любопытно и приятно послушать. Особенно, если это что-то хорошее и ожидаемое.

Старик не успел ответить. Русский с широкой улыбкой подошел к ним.

– Достопочтенный Биржан-ата устал, да и вы с дороги! Проходите в юрту. Будьте нашими гостями!

Отказать было неудобно. Тем более, мы чувствовали некоторую вину перед этими людьми. Хотя это и не входило в наши планы, мы согласились зайти.

На столе стоит газовая горелка, а в котелке уже шкворчит

курдючный жир. Юрту наполняет изысканный аромат пряностей, готовящихся овощей и мяса. Поспевает зирвак – «душа» истинного восточного плова. Живот незамедлительно отзывается приятным урчанием.

– Проходите! Гость в дом – радость на порог! Кстати, я не представился. Меня зовут Павел. Можете называть меня так.

Он уже разливает по пиалам душистый хмельной кумыс.

– Кумыс подобен ароматному напитку из райской реки. Дар небесной кобылицы. Пейте кумыс, и никогда не будете знать ни усталости, ни туберкулеза, ни проблем с пищеварением.

Тут же он нарезает шужык, перемежая его кольцами лука. Все делает очень ловко и быстро, точно заправский шеф-повар. Ни одного лишнего движения. Как по волшебству, под его руками стол оказывается накрыт как в лучшем столичном ресторане. Мы тоже кое-что вытащили из своих запасов. Руслан сходил к машине и принес сыра, ветчины и вяленой красной рыбы. Плов потихоньку томится на огне. Старик Биржан-ата сидит на подушке и задумчиво смотрит на огонь. Все остальное делает Павел.

– Ну вот так, на скорую руку и организовались. Не думали, что сегодня гости будут.

– Это вы нас простите, – говорит Гульнар. – Я увидела юрту и вспомнила как дед в детстве брал меня с собой на джайляу. Все говорил, что джайляу чист и непорочен, и что туда

следует являться очищенными... Так захотелось подъехать, вспомнить те ощущения. Я и попросила ребят...

– И правильно сделала! Нам, старикам, с молодыми пообщаться только в удовольствие. Так что, чувствуйте себя как дома!

– Спасибо вам! А правду, что тот беркут особенный? Вещий?

– У Биржан-ата все особенное! Даже те две собаки. Видели их?

Мы кивнули головами.

– Двадцать километров в час берут. Причем легко. На волков их выпускали – настигают и рвут. У серого ни одного шанса против них. А знаешь, где Биржан-ата нашел их? В гнезде. Вы не поверите, но это так. Охотился он на уток и в зарослях камыша наткнулся на большое гнездо. Там сидели два щенка. Маленькие, почти слепые. Тыкались носиками в стенки гнезда и тихо поскуливали. Биржан-ата сразу все понял и возблагодарил Аллаха за этот дар. Он рассказал мне потом, что очень редко в яйце красной утки ит-кала-киз зарождается не утёнок, а щенок тазы, который обладает исключительными охотничьими способностями.

– Но это же просто красивая легенда?

– Не знаю. По крайней мере, так говорят охотники и в это верят. А после того, что делал Биржан-ата, я готов поверить в любое чудо.

– А что делал Биржан-ата?

– Я думаю, что он нам еще покажет. А пока, давайте поедим, поделимся историями. Уверен, что вы тоже можете многое рассказать!

Мы другими глазами взглянули на сидящего старика, который продолжал так же безучастно сидеть, и только слегка мерно покачивался из стороны в сторону. Взгляд его, казалось, был направлен не на казан, а куда-то в далекое прошлое. Какие картины сейчас проплывали перед ним?

Вот готов и плов. Золотисто-коричневый рис рассыпается по тарелкам и кисешкам, обдает наши лица пряным паром. До чего же он хорош! Павел скромничает:

– Да что вы, это так... – он пренебрежительно машет рукой. – Вот остались бы вы до завтра! Завтра Биржан-ата беспармак готовить будет. Вот это – деликатес! Клянусь, что такого беспармака, как у Биржан-ата, вы никогда не пробовали!

Мы стучим по дну вилками, а Павел и Биржан-ата едят прямо руками. Максут и Руслан, следуя примеру, тоже отложили приборы и принялись загребать горсти плова прямо пальцами.

– Так намного вкуснее! – шутит Максут.

– Признайтесь, – шутливо спрашивает Гульнар. – У вас есть свой ресторан или же вы работаете где-то шеф-поваром?

– Ни то, ни другое, увы, – разводит руками Павел. – Я всего лишь скромный писатель и путешественник. Езжу по ми-

ру, пишу очерки и веду блог. Как-то прежде даже мелькал на телевидении.

– То-то мне лицо ваше кажется знакомым!

– Возможно! – улыбается Павел. – Раньше меня больше знали, теперь лишь периодически кто-то узнает, но сам не помнит откуда.

– А где вы путешествовали?

– Много где. Сам я из Павлодара. Когда был молодым, все думал, что счастье где-то за горами. Ездил по Дальнему Востоку, все хотел стать моряком. Не получилось. Уехал в Китай. Снова колесил по России. Но теперь полюбил ездить по родине, по родным местам. Ведь столько чудесного здесь, а об этом мало кто знает. Вот и пишу, делаю очерки, видео. Хочу передать красоты Казахстана миру, а главное, самим жителям объяснить в каком уникальном месте они живут и даже не ведают об этом.

За разговорами казан опустел. Его сменил большой медный чайник. Закипая, он тихо посвистывал, привнося в атмосферу домашний уют и гармонию.

– Биржан-ата, – просит Павел. – Доставай домбру, уважь гостей.

И лишь он взял ее в руки и ударил по струнам, как стены юрты растворились, и могучая ковыльная степь распростерлась вокруг. Налетел порыв ветра, принесший запахи войлочных юрт и верблюжьего молока, запахи прожжённой солнцем земли, горькой полыни и едкого дыма адраспана.

Земля загудела под топотом сотен копыт. Это, сминая стрелки белого ковыля, мчатся бесчисленные табуны. Клубится пыль, поднятая их могучими ноздрями. В небе кружат кречеты, оглашая криками синюю высь. Далеко они видят, но даже их глаза не могут окинуть границы великой степи, увидеть куда несут полноводные реки своих серебряных язей. Не могут они увидеть, как высоко поднимаются горные хребты скалистых гор. Не летают так высоко ни быстрые кречеты, ни гордые орлы.

Смолкает музыка. Уходят образы. Вокруг снова стены с узорчатыми коврами и вышитые на них табуны застыли в беге. Хлопать в ладоши в таких случаях кажется неуместным, и даже говорить что-то не хочется. Кажется, что сказка, еще цепляющаяся за грани сознания, уйдет окончательно. Исчезнет. Мы молчим. Слышно лишь, как хрустит за ушами у жующего Максута. Не знаю, слышал ли он музыку вообще. Но остальные все находятся в состоянии некоего оцепенения.

Первая очнулась Асель, она перевела взгляд на портрет хана и искренне похвалила его.

– У вас такой красивый портрет Абылай-хана!

На этот раз, к всеобщему удивлению, отвечает сам Биржан-ата. После кюя и хорошей еды он выглядит гораздо лучше.

– Это тоже память. Моя прабабка, молодой была, вышивала. Мой прадед бился с ним рука об руку, когда его еще на-

зывали Абулмансур. И позже, когда его нарекли черным беркутом степи, а враги боялись и уважали. Он объединил рода и дал джунгарам отпор. А когда настал восемьдесят первый год, великая засуха иссушила всю степь и люди сотнями умирали от голода. Некоторые, прежде верные сторонники отвернулись от него. И даже родные сыновья стали противоречить, подтачивать его власть. Под конец жизни он решил заложить новую столицу, подальше от имперских рук России и Китая. К сожалению, эта мысль пришла к нему слишком поздно. Умирая, он подозвал моего прадеда и сказал ему:

«Три мечты у меня было. Тех, что не смог я осуществить: я хотел, чтобы над моим государством было мирное небо. Во-вторых, я жалею, что не смог в полной мере использовать свои земли, не построил Города. И в-третьих, хотя я всегда думал, что это не так, я не смог по-настоящему объединить страну. Но одновременно я радуюсь и ликую, потому что, это все еще предстоит довершить моим потомкам».

Сейчас его мечты и идеи воплотились в жизнь. И я радуюсь этому и за себя, и за прадеда.

Ата стих и лицо его сделалось непроницаемым, словно снова он погрузился в туманы прошлого.

Павел долил заварки и кипятка в остывшие пиалы.

– Берите курт, – предлагает он. – Кисло-сладкий к чаю самое-то!

Мы допиваем чай.

– А хотите, я прочитаю вам стихи? – предлагает Павел.

– Конечно, – соглашаются девушки. Асель, понятно, она сама немного их сочиняет, а вот Гульнар чего? Меньше всего сейчас бы хотелось выслушивать какие-то любительские вирши. Я начинаю немного нервничать. Слишком уж мы засились. Как бы наш домик на озере не сдали другим. Я хотел подняться из-за стола, но Павел уже приступил к чтению, и я пропустил благополучный момент.

Голос Павла льется сначала тихо, но набирая уверенности, начинает звенеть медным колоколом. Он достигает таких высот, и подбирает такие слова, что наши души проникаются той же невыразимой болью, обидой и отчаянием.

Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,
Дай мне руку, а я поцелую ее.
Ой, да как бы из рук дорогих не упало
Домотканое счастье твое!
Я тебя забывал столько раз, дорогая,
Забывал на минуту, на лето, на век,
Задыхаясь, ко мне приходила другая,
И с волос ее падали гребни и снег.
В это время в дому, что соседям на зависть,
На лебяжьих, на брачных перинах тепла,
Неподвижно в зеленую темень уставясь,
Ты, наверно, меня понапрасну ждала.
И когда я душил ее руки, как шеи
Двух больших лебедей, ты шептала: «А я?»
Может быть, потому я и хмурился злее

С каждым разом, что слышал, как билась твоя
Одинокая кровь под сорочкой нагретой,
Как молчала обида в глазах у тебя.
Ничего, дорогая! Я баловал с этой,
Ни на каплю, нисколько ее не любя.

Асель почему-то украдкой взглянула на меня, но я заметил, как блеснула слеза в ее глазах. Я-то здесь при чем?

– Это ваши стихи? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Нет, – поспешно ответил он. – Это стихи моего земляка и тезки, Павла Васильева. Талантливый был человечиче! Жалко, погиб в двадцать семь, расстрелян как «враг народа». А сколько бы еще мог написать! Если бы он тогда не уехал отсюда...

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!

Нет, это может продолжаться еще долго. Я встал, желая показать, что мы не можем больше злоупотреблять гостеприимством, и нужно ехать. Но Павел удивленно спросил:

– Как? Разве вы не останетесь? Сейчас уже очень поздно ехать. Ночь на дворе.

Теперь уже удивился я.

– Как ночь?!

Я выскочил из юрты и тотчас же звездное небо бросилось на меня. Закружилось и разлетелось алмазными брызгами. От выпитого кумыса зашумело в голове. С непривычки, наверное. Ноги стали ватными. Сколько же сейчас время? Нащупываю во внутреннем кармане телефон. С третьей попытки снимаю его с блокировки. Второй час ночи!

За мной вышла Асель. Поежилась от ночной прохлады.

– Как это может быть? – спрашиваю у нее. – Мы просидели от силы часа три!

Асель смущенно пожимает плечами и, позевывая, прикрывает рот.

– Не знаю, мне тоже так показалось. Но в беседе с интересными людьми время пролетает быстро. На улицу вышел и Павел.

– Не вздумайте даже ехать в таком виде! В горах недавно прошел сель, а дорогу окончательно не расчистили. Опасно по ней ехать сейчас. Смело оставайтесь. Нас вы несколько не потесните. Наши друзья приедут лишь завтра к вечеру, так, что топчаны будут в вашем распоряжении. Я обычно ложусь на улице под открытым небом. Тем более, Руслан ваш уже спит, девчата, вон, тоже клюют носом. Оставайтесь. Завтра будем объезжать того скакуна. А вы сможете покататься на наших.

– Останемся, Ерден, – просит Асель. – Я на лошади еще ни разу не ездила.

Я промолчал. Зашел в юрту. Руслан действительно спал

прямо на полу, обхватив руками подушку. Никто не выражал большого желания уезжать прямо сейчас.

– Хорошо, – согласился я. – Оставайтесь здесь. Девчата пусть ложатся на топчаны, а ты, Макс, следуй примеру Руслана. Я буду спать в машине. И у Павла кровать не придется забирать.

Сажусь в машину и завожу двигатель. Относительно теплого уюта юрты здесь довольно прохладно. Расслабленно откидываюсь на спинку кресла. Смотрю, как в юрте гаснет свет, и ее охватывает тишина. Тишина обволакивает и мою машину, давит на мозг. Включаю музыку.

Смеюсь.

Ты говоришь, что я не умею шутить.

Это правда.

Ты пахнешь, как мечта.

Скажи мне «Ты моя».

Пальцы на моих губах.

Небо сквозь твои глаза.

Обожаю повторять тебе это снова и снова.

Я хочу начать с нуля, детка.

Снова и снова... все снова...

На самом деле я жду Асель. Надеюсь, она догадается, что я ушел лишь потому, что хочу побыть с ней наедине. Не свожу глаз с дверей юрты. Жду долго. Вглядываюсь до боли в глазах, до рези, пока двери не начинают раздваиваться и плыть. Незаметно для себя проваливаюсь в сон. И в этом сне че-

рез зеленую степь на белом скакуне едет Скриптонит и, театрално выставив вперед руку, декламирует стихи Абая:

Молодым до науки дойти я не мог,

Я не стал изучать, впрок она иль не впрок.

А когда стал искать, ускользала из рук.

Было поздно, увы, упустил я свой срок.

Просыпаюсь оттого, что становится слишком жарко, к тому же зов природы настойчиво требует выйти. Заглушаю двигатель. Выхожу на свежий воздух и продираю глаза до конца. Пытаюсь рассмотреть юрту, где спят мои друзья, и не сразу понимаю в чем дело. Юрты на месте нет.

Делаю несколько растерянных шагов, и остатки сна смывает как водой. Бегу туда, где по моим предположениям она должна стоять, но не нахожу и следа. Она же была здесь! Или чуть дальше? Нет, кажется немного правее. Не возле этого ли валуна пасся стреноженный конь? Верчу головой из стороны в сторону. Никого! Неужели Максут? Опять его шуточки? Но как ему удалось подбить на это стариков? Ох, и получит он у меня!

Возвращаюсь к машине. Но где же она? Только что же была здесь! Или я пришел не туда? Нет, не настолько же я беспомощен! Тут. Тут она стояла. Вот даже следы на примятой траве. Бегу до дороги. Хотя бы дорога на месте! Нахожу место, где мы свернули. Возвращаюсь по следам. Все верно, место это. Но ни машины, ни юрты нет! Угнали!!! Ужасная мысль тупой стрелою пронзает мозг. Что я скажу отцу?!

И что же это, в конце концов, такое?! Глупые шутки Максута?! Или это жулики сидели в юрте? Подсыпали что-то в питье и обокрали. Но как они так быстро свернулись? И что же в этом случае они сделали с моими друзьями? Это я во всем виноват!

– Максут! – зову я громко. – Асель, где вы?

Ответом была лишь все та же сводящая с ума тишина. Кажется, я все понял! Единственное место, где здесь можно затаиться, это балка с ключом, куда вчера Павел водил коней пить. Мрачный контур деревьев выплывает из темноты. Здесь, здесь они! Больше нигде им прятаться!

– Руслан, Максут! Это уже не смешно! Где вы?

Кажется, среди деревьев различаю некоторое шевеление. Или это ветер качает ветвями? Вглядываюсь туда и слишком поздно различаю позади шум крыльев. Уже перед тем, как потерять сознание от удара твердыми лапами, краем глаза успеваю увидеть стремительно мелькнувшую надо мной тень беркута.

Так не хочется просыпаться! До чего же мягки перины у бабушки в доме! Сквозь сон слышу ее песню, протяжную и заунывную как горе.

Қаратаудың басынан
көш келеді,

Көшкен сайын бір
тайлақ бос келеді.

Нужно вставать. Сегодня с мальчишками договорились встретиться пораньше и устроить гонки на великах! Прямо до соседнего села. И там же можно будет набить нос задири-стому Бектасу, если встретится на пути. Вскакиваю и прямо в трусах выбегаю во двор. И тут же застываю пораженный. Идет снег! Неспешно и несмело опускаются на траву первые снежинки. Апашка сидит на низком стульчике и взбивает масло. На ее голове белый кемешек, такой же белый, как этот снег. Она не замечает меня, монотонно движется ее рука над закрытой кубы. Очень скоро снег заваливает все вокруг. И уже не видно ничего, даже апа. Только белое поле вокруг и над ним – ее тягучая и тоскливая песнь.

Мына заман, қай
заман: қысқан заман,
Бақыт құсы
ағаштан, ұшқан заман.

Я иду по этому полю, и я уже взрослый. Вокруг все та же пустота. Белая, невообразимая. А снег все валит не переставая. Скоро он засыплет все. Позади меня тянется цепочка следов, но скоро и ее заметет без остатка. Не останется ничего под этой пургой. И вдруг впереди темное пятно. С удивлением узнаю в нем своего деда. Его босые ноги утопают в снегу. Одежда изношена и потрепана. Но я помню его именно в этих вещах.

– Ерден, богатырь мой! – Он обнимает меня и слезы радости проступают на его глазах. – Какой большой ты стал! Я и не надеялся увидеть тебя таким взрослым!

Держу его морщинистые руки, сухие, изработанные, но до сих пор такие сильные, и сдерживаемый мною плач раздирает горло и легкие. Я не могу ответить, иначе все проветится наружу. А я не хочу показаться слабым. Хочу оставаться сильным, каким он учил меня быть в детстве. Ведь все мои ранние года прошли рядом с ним. Жаль, что он умер, когда мне было тринадцать. И как же хорошо, что мне снова довелось встретить его. Пусть даже так. Я все-таки нахожу в себе силы.

– Здравствуй, ата! – Несколько горячих капель пробежали по моим щекам. – Здравствуй! Помнишь, как ты учил меня слушать звезды? Я совсем разучился делать это. Я разучился слушать даже людей! Я забыл вкус родниковой воды и ветер больше не приносит мне запахи дальних стран. И степь давно уже не доверяет мне своих тайн. Прости, ата! Наверное, я стал взрослым.

Дед лишь грустно улыбнулся мне в ответ. Я посмотрел и увидел, что отчего-то его следы не заносит пурга. Они остаются такими же четкими и ясными. И еще, сквозь снежную заверт, я различаю за его спиной начинающие проступать сначала неясные, но потом все более прорисовывающиеся силуэты всадников. Все светлое воинство Белой Орды выстроилось плотной стеной. От края до края степи, покуда

хватает глаз, высятся их копыта-сунги, играет ветер их бунчаками. На островерхих шлемах – шашаки. Все – доблестные батыры. Не страшна им ни метель, ни холод, ни жара. В серебряных доспехах восседают они на своих скакунах, а впереди всех на белом коне сам грозный Абылай.

– Ты все вспомнишь, внук! – говорит ата. – Наступает время все вспомнить. Не печалься о былом. Смотри вперед, но никогда не забывай того, что было. Человек без корней подобен перекасти-полю, не знает, куда занесет его ветер. Не он знает, что будущее – лишь преломленное отражение прошлого.

Имеющий же корни – как могучее дерево Байтерек. Корни его питают, корни его прочно держат над землей. И чем глубже и сильнее они, тем богаче его крона. Тем больше пользы от самого дерева.

Только земля имеет истинную ценность. Только она остается вечной. Помнит она как зарождался и креп наш народ, как богател наш язык. Как зарождались традиции и бережно передавались из поколения в поколения предания и легенды. Помнит она и плач, и горький исход, когда люди покидали родные места, плакали, гибли от голода и забывали родной язык. Берегите землю. Имейте память.

Лишь тот, кто помнит и чтит мудрость предков, может услышать в шуме ветра и топот степных кобылиц, и крики ястребов и песни ковыля, и мольбу земли о дожде. Лучше всех это слышат поэты. Степь для них – безграничный океан

поэзии. Берегите поэтов. Цените их.

– Ерден! Ерден! Проснись!

Чьи-то теплые ладони ложатся на мое лицо. Я размыкаю веки и вижу, склонившуюся надо мной Асель.

– Мы так испугались, когда проснулись и не нашли тебя в машине. Она стояла открытой, а тебя нигде не было.

– Что? – изумляюсь я. – Значит, мне это все приснилось? Я не мог найти ни машины, ни юрты!

– Нет, – помрачнела Асель. – Юрты, действительно, нет. А машина стоит.

– Как это может быть?

Асель пожала плечами.

– Не знаю. Мы все проснулись на земле. Руслан, вообще, спал в обнимку с камнем. Мы так и не поняли, что это было. Где мы провели ночь и вчерашний вечер. Не могло же нам всем привидеться одно и то же! А тут еще и ты пропал. Вообще не знали, что думать! Хорошо, Максут вспомнил, как вчера вы водили коней на водопой, и предложил поискать тебя здесь!

Я посмотрел на Максута, Руслана и Гульнар, которые стояли тут же, но не заметил на их лицах ни тени улыбки. Лишь недоумение, граничащее с испугом, и тревогу. Нет, вряд ли это был их розыгрыш.

– Ердэн, – спросила Гульнар. – Как ты себя чувствуешь? Сможешь везти машину?

Я молча кивнул.

– Тогда давайте поскорее уедем отсюда. Мне до сих пор не по себе от всего этого.

Почти до самого озера ехали молча.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Гульнар, протягивая нам телефон. – Я решила посмотреть в интернете, кто же это такой, Павел Васильев, и... посмотрите фото! Как похож! Волосы, разрез глаз... Как будто это он, только намного старше! Может, родственник?

В ответ Асель протянула свой телефон. Она уже давно, не сводила глаз с экрана. А с него задумчиво смотрел на нас гостеприимный хозяин юрты. Старик, что подарил нам волшебный кюй и заставил звучать наши сердца, Биржан сал Кожагул-улы, акын, воин и поэт...

Я все следил за дорогой и все размышлял о прошлом. Было жаль этого ушедшего мира степных поэтов, но я помнил слова ата и трепещущие стяги воинов, незримо стерегущих границы. Я понял, что для поэтов и героев не бывает смерти. И еще я понял, что все ушедшие в ночь, продолжают оставаться с нами. Поддерживают нас, до тех пор, пока мы их помним, пока есть их следы. И в наших силах проследить за тем, чтобы пески времени не занесли их окончательно. От осознания этого на душе стало светло и спокойно. Жол қауару. Я снова вижу свой путь. И знаю, что никто не сможет

больше подменить мне ориентиры. За мной мои предки. Вся великая Ак Орда. Я пройду свой путь так, чтобы и мои следы не уничтожила непогода. Мои дети помогут мне в этом. Все ливни, засухи и заморозки – все временно. Вечным остается только...

¹ – У казахов есть поверье "**Жол қарау**" (букв. углядеть или увидеть дорогу) – если маленькие дети несмышлёного возраста (приблизительно до 4-5 лет) в процессе игр начинают нагибаться к земле и смотрят назад меж раздвинутых ног, то говорят, что кто-то из домашних в ближайшие дни тронется в дальний путь, в дорогу.